

Министерство образования Республики Беларусь
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
“ПОЛОЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ”

УДК 94"16/18"

№ госрегистрации 20142014

Инв. № _____

УТВЕРЖДАЮ:

Проректор по научной работе

_____ Д.О. Глухов

«15» марта 2016 г.

М.П.

ОТЧЕТ
О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ

ОБРАЗ ЖИЗНИ И БЫТОВОЙ УКЛАД НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ
ЗЕМЕЛЬ: ДИНАМИКА ТРАНСФОРМАЦИИ
(XVI — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX В.)

(заключительный)

договор с БРФФИ № Г14Р-013 от 23 мая 2014 г.

Научный руководитель НИР
Доктор исторических наук, профессор

Д.В. Дук
«15» марта 2016 г.

Новополоцк, 2016

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ:

Руководитель работы
докт. ист. наук, профессор

Д.В. Дук
(реферат, введение,
заключение, глава1)

подпись, дата

Кандидат исторических
наук, доцент

С.О. Шидловский
(глава 2)

подпись, дата

Кандидат исторических
наук, доцент

А.А. Шишков
(глава 3)

подпись, дата

Нормоконтроль

В.Ф. Кулеш

подпись, дата

РЕФЕРАТ

Отчёт 111 с., 2 рис., 121 источник.

ВИТАЛИТИВНАЯ КУЛЬТУРА, ПРАКТИКИ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ, ТРАДИЦИОННЫЙ УКЛАД, КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ, ХОЗЯЙСТВО И БЫТ, ГОРОД, НАСЕЛЕНИЕ БЕЛАРУСИ, МЕЩАНЕ, ШЛЯХТА, КРЕСТЬЯНЕ, ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ, РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ, БССР

Объект исследования - материальная и духовная культура населения Беларуси XVI – первой половины XX в., связанная с жизнеобеспечением, повседневным бытовым укладом, менталитетом и традициями.

Цель исследования - дать комплексную характеристику основных направлений развития материальной и духовной культуры в сфере жизнеобеспечения и бытового уклада городского населения Беларуси в XVI – первой половине XX в.

Исследование основано на принципах объективности, научности и историзма. При написании работы использовались типологический, статистический, сравнительно-типологический, сравнительно-исторический, картографический, иконографический методы.

В результате работы достигнуты следующие научные результаты:

1) комплексная характеристика основных категорий понятия “бытовой уклад” в отношении к городскому населению Беларуси XVI–XVIII вв., в том числе впервые на примере ревизии Полоцка 1765 года;

2) развернутая характеристика динамики трансформаций традиционных форм виталитивной культуры белорусского помещного дворянства в контексте общероссийских социально-политических процессов XIX — начала XX вв.), в том числе: тенденции эволюции материальной культуры помещного дворянства Беларуси; традиционный хозяйственный уклад помещного дворянства; кризис межсословных коммуникаций; проекты рационализации белорусского помещного хозяйства: «Литовская хозяйка» А. Цюндевитской; проекты рационализации белорусского помещного хозяйства: «Пан Подстолич» Э. Массальского; инновационные процессы в помещном хозяйстве Беларуси; роль винокурения в хозяйственных стратегиях белорусского помещного дворянства;

3) отражена динамика развития виталитивной культуры сельского населения белорусских земель в XIX – первой половине XX вв.

Степень внедрения – результаты исследования внедрены в учебный процесс УО «Полоцкий государственный университет» (дисциплины «Материальная культура белорусов XI-XVIII вв.», «История Беларуси»).

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
1. Бытовой уклад городского населения XVI–XVIII вв.....	11
1.1. Городская инфраструктура	16
1.2. Интерьеры строений	17
1.3. Городское пространство и социальная топография Полоцка по данным ревизии 1765 года.....	19
2. Кризис традиционных форм виталитивной культуры белорусского помещного дворянства в контексте общероссийских социально-политических процессов (XIX — н. XX в.).....	40
2.1. Тенденции эволюции материальной культуры помещного дворянства Беларуси.....	40
2.2. Традиционный хозяйственный уклад помещного дворянства.....	46
2.3. Кризис межсословных коммуникаций.....	51
2.4. Проекты рационализации белорусского помещного хозяйства: «Литовская хозяйка» А. Цюндевитской.....	55
2.5. Проекты рационализации белорусского помещного хозяйства: «Пан Подстолич» Э. Массальского.....	60
2.6. Инновационные процессы в помещном хозяйстве Беларуси.....	67
2.7. Роль винокурения в хозяйственных стратегиях белорусского помещного дворянства.....	69
3. Динамика виталитивной культуры сельского населения белорусских земель в XIX – первой половине XX вв.....	74
4. Перспективы дальнейшего развития исследований и практического использования полученных	89
5. Информация о результатах взаимного сотрудничества с российскими учёными.....	91
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	94
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	103

ВВЕДЕНИЕ

Образ жизни и бытовой уклад населения белорусских земель в XVI–первой половине XX вв. формировались в условиях взаимодействия традиций Запада и Востока. Сформировавшаяся модель развития культуры белорусского населения XVI–XVIII вв. в условиях пребывания его в составе Речи Посполитой претерпела существенную трансформацию в связи с вхождением белорусских территорий в состав Российской империи. Данная трансформация наложила отпечаток на развитие материальной и духовной культуры, менталитета и традиций населения белорусских городов в XIX – первой половине XX века, в эпоху начала процесса институализации белорусской нации. При этом формирование белорусской нации и развитие белорусской культуры, в том числе и бытовой, были в значительной степени связаны с развитием политического и этнокультурного противостояния между Россией и Польшей, в особенности в период XIX–XX вв. В современной исторической науке рассмотрению этой научной проблемы сквозь призму динамики трансформации как правило уделяется фрагментарное внимание, продолжают использоваться устаревшие концепции и устойчивые стереотипы.

Впервые верифицируемое в данном научном проекте понятие «виталитивная культура» было введено в научный оборот белорусским археологом Л.В. Колединским на Международных научно-практических конференциях в Институте экспериментальной ботанике им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси (2007 г.) и в Полоцком государственном университете (2012 г.). В трактовке этого автора «виталитивная культура» (от лат. *vita* – жизнь) – это часть материальной культуры, связанная с жизнеобеспечением человека. Сюда учёный относит жилище, одежду, пищу, предметы повседневного обихода. На наш взгляд, в понятие виталитивной культуры логично добавить и культуру духовную, которая на протяжении многих столетий тесно сочленена с повседневным бытом. В таком аспекте новый термин получит более широкую трактовку: в нашем понимании виталитивная культура – это часть материальной и духовной культуры, связанная с жизнеобеспечением, повседневным бытовым укладом людей, менталитетом и традициями [Колединский, 2012].

По мнению участников российско-белорусского проекта, в понятие «виталитивная культура» необходимо включить и духовную культуру, связанную с повседневным бытовым укладом людей, менталитетом и традициями. В таком аспекте предмет исследования будет рассматриваться в представленном проекте. Таким образом, виталитивная культура – это часть

материальной и духовной культуры, связанная с жизнеобеспечением, повседневным бытовым укладом людей, менталитетом и традициями. Комплексных научных исследований, прямо связанных с проблематикой заявленного проекта, до сих пор не существует ни в российской, ни в белорусской, ни в польской историографиях. В то же время детально разработаны многие примыкающие к тематике исследования проблемы, в том числе в археологическом и этнологическом аспектах.

В частности, основное количество публикаций по археологии городов базировалась на определенной схеме: историческая топография, оборонительные сооружения, планировка и застройка, анализ вещевых комплексов по материалу изготовления и их предназначению, занятия населения и его духовная культура [Археалогія Беларусі, 2000; Археалогія Беларусі, 2001 Древняя Русь, 1985]. В конце 1960-х – середине 1970-х гг. появились обобщающие работы по городам Руси, где среди очерков по материальной культуре рассматриваются вопросы повседневного быта горожан на примере письменных источников [Очерки русской культуры XVI века, 1976; Рабинович, 1964]. В 1980 –е гг. вышло капитальное исследование, где повседневная жизнь русского средневекового города имеет более широкую географию, а перечень вопросов повседневной культуры города более разнообразен. [Рабинович, 1988]. В 80-ые гг. XX в. в этнологической науке также появился ряд концептуальных исследований в области культуры жизнеобеспечения и этноэкологии [Арутюнов, 1983; Козлов, 1983]. Наряду с материальными аспектами культурной адаптации в рамках данного направления рассматривались также её социально-организационные и духовные (символические) составляющие.

Если говорить о российской исторической науке, то в рамках ее разработка белорусских сюжетов первой половины XX столетия находится еще в начальной стадии, о чем, правда, говорилось и весьма актуальной для своего времени коллективной монографии [Русь-Литва-Беларусь, 1997]. Специальные монографические исследования, посвященные этому периоду времени, до сих пор не увидели свет, – как это уже сделано, к примеру, в отношении Украины в трудах Е.Ю. Борисёнок, А.В. Марчукова или И.В. Михутиной; нет и обобщающих работ по истории Беларуси, написанных российскими авторами. Стоит отметить научную и публикаторскую деятельность отдела восточного славянства Института славяноведения РАН, в том числе продолжающееся издание «Белоруссия и Украина: история и культура» и сборники материалов международных научных конференций последних лет. Наибольшая активность проявляется российскими специалистами в двух традиционных областях, активно осваиваемых еще с XIX столетия – истории белорусской литературы и этнологических

исследованиях. В этом плане, в частности, заслуживают внимания монография А.К. Кавко «От Скорины до Купалы. Белорусская литература в контексте национально-культурного возрождения» [Кавко, 2006] и коллективный труд российских и белорусских этнологов «Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование» [Белорусско-русское пограничье, 2005] Для обращения к предыстории белорусской проблемы в XX в. серьезное значение имели увидевшие свет в последнее десятилетие монографии А.А. Комзолова [Комзолов, 2005], М.Д. Долбилова [Долбилов, 2010], обращенные к политике властей Российской империи и конфессиональной ситуации позапрошлого столетия. В отсутствие специальных монографий нельзя не отметить специально посвященные интересующим нас сюжетам статьи И.В. Михутиной [Михутина, 2008], О.В. Петровской [Петровская, 2012] и Д.А. Коротковой [Короткова, 2012] Отрадно, что Д.А. Короткова подготовила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, посвященную фактору Белоруссии в советско-польских отношениях в 1918-1921 гг.; в защищенной в 2012 г. кандидатской диссертации М.С. Павловой [Павлова, 2012] также имеются интересные наблюдения о дипломатическом аспекте белорусской проблемы по окончании Первой мировой войны.

Небольшое количество «исхоженных тропок», касающихся белорусских сюжетов в современной российской историографии, можно объяснить как сохраняющимся поныне стереотипом советских времен, согласно которому проблемами «союзных республик» рекомендовалось заниматься «на местах» (а там, в свою очередь, ставили цензурные и идеологические препоны и рогатки), так и тем, что история белорусских земель первой половины прошлого века плохо подпадает под сложившееся в отечественной науке «общественное разделение труда» между собственно историей России, историей южных и западных славян и историей ближнего зарубежья (последняя преимущественно нацелена на анализ событий после 1991 года). Пока же, к примеру, в интересных исследовательских трудах, посвященных и советско-польским войнам первой половины XX в., и пятнам различного цвета в советско-польских отношениях, и «этнополитическому ландшафту СССР» межвоенной эпохи либо «психосоциальной динамике постреволюционного времени» сюжеты, относящиеся к БССР, в силу их малоизученности оказываются на далекой периферии исследовательского внимания. Стоит надеяться, что в обозримом будущем эта ситуация все-таки изменится в лучшую сторону.

В отечественной историографии виталитивная культура городского населения в аспектах взаимодействия материальной и духовной составляющих впервые была рассмотрена в монографическом исследованиях

И.А. Марзалюка [Марзалюк, 1998] На основании изучения мемуарной литературы быт привилегированного сословия был рассмотрен в книге известного белорусского филолога и историка Адама Мальдиса [Мальдзіс, 2001].

Этапной для исследования истории материальной и духовной культуры привилегированного сословия на белорусских землях является работа А.И. Мальдиса «Беларусь у люстэрку мемуарнай літаратуры XVIII стагоддзя. Нарысы быту і звычайў» (1982) (второе издание, дополненное и доработанное, вышло в 2001 году под названием «Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі»), — это первое в белорусской советской историографии комплексное исследование бытовой культуры привилегированного сословия [Мальдзіс, 2001]. А.И. Мальдису принадлежит приоритет в разработке методологии исследования бытовой культуры привилегированного сословия Беларуси, в частности, в определении ее структурных элементов. А.И. Мальдис впервые ввел в рассмотрение белорусской исторической науки большой корпус мемуарных источников XVIII века, обосновал возможность использования как дополнительного этнографического источника литературных текстов Ю. Крашевского, Г. Жевуского, И. Ходьки. Данная работа А.И. Мальдиса стимулировала развитие интереса в белорусской гуманитарной науке к изучению культуры привилегированного сословия. Хронологически исследование А.И. Мальдиса «Беларусь у люстэрку мемуарнай літаратуры» ограничено рамками XVIII столетия.

В последние годы появилось достаточно много исследований, посвященных отдельным аспектам материальной культуры белорусов, в том числе, и культуры привилегированного сословия. Изучению архитектурного наследия Беларуси посвящены работы А.Н. Кулагина [Кулагін, 1981; Кулагін, 1998], Б.А. Лазуки [Лазука, 2001], А.И. Лакотки [Лакотка, 1995; Лакотка, 1997; Лакотка, 1999], М.А. Ткачева [Ткачоў, 1987], В.А. Чантурии [Чантурия, 1995], А.Т. Федорука [Федорук, 1989]. Истории декоративно-прикладного искусства Беларуси посвящена монография Я.М. Сахуты «Беларусы: Дэкаратыўна-прыкладное мастацтва» (2005) [Сахута, 2005]. История белорусского национального костюма исследуется в монографиях Л.И. Маленко «Белорусский костюм XIX — XX вв.» (2006) [Маленко, 2006], В.М. Белявиной и Л.В. Раковой «Мужчынскі касцюм на Беларусі» (2007) и «Жаночы касцюм на Беларусі» (2008) [Бялявіна, 2007-1; Бялявіна, 2007-2]. Отдельные черты материальной культуры белорусов рассмотрены в работах В.С. Титова [Цітоў, 1994, Цітоў, 1996].

Важным источником, изучение которого способствует уяснению практик жизнеобеспечения на белорусских землях первой половины XIX века, является книга А. Тюддевитской «Gospodyni litewska czyli nauka

utrzymywania porządnie domu...». Книга Анны Тюддевитской (1803, Каралищевичи, Минский уезд —1850, Кищина Слобода, Борисовский уезд) «Gospodyni litewska czyli nauka utrzymywania porządnie domu...» (перв. изд. — Вильно, 1848) [1] является ценным историческим источником, который позволяет выявить уровень аграрных знаний и реконструировать хозяйственные практики на белорусских землях в первой половине XIX века. Сведения о работе А. Тюддевитской, которые встречаются в белорусских изданиях, носят фрагментарный характер [2, 3]. Используются преимущественно сведения, которые были опубликованы А. Ельским еще в начале XX столетия [4; 5, s. 12—20]. А. Ельский назвал лишь шесть польскоязычных изданий «Gospodyni litewska» (1848, 1851, 1856, 1858, 1862, 1873), о которых вслед за А. Ельским упоминают и современные белорусские исследователи. Однако на 1914 год книга А. Тюддевитской насчитывала одиннадцать переизданий [6]. Таким образом, она была опубликована на польском языке в 1848, 1851, 1856, 1858, 1862, 1873, 1876, 1882, 1888, 1897, 1914 годах. Начиная с третьего издания (1856) книга выходила в переработанном В. Завадской виде. Стоит также уточнить, что русскоязычный перевод книги был сделан на основе текста восьмого польскоязычного издания и был опубликован в 1884 году [7]. Таким образом, в течение нескольких десятилетий книга А. Тюддевитской пользовалась устойчивой популярностью и оказывала значительное влияние на формирование представления о рациональном сельском хозяйствовании в среде белорусского помещного дворянства.

Таким образом, историографический опыт наглядно показывает, что наиболее успешно вопросы реконструкции условий жизни населения можно рассмотреть только путем комплексного изучения всех групп исторических источников, в первую очередь археологических, письменных, этнографических.

Реконструкция образа жизни и неприметных на первый взгляд бытовых подробностей позволяет точнее определить характер и глубину проникновения в традиционное общество важнейших исторических процессов последних столетий. Белорусские крестьяне, сохранявшие общинные традиции вплоть до начала Первой мировой войны, в этом плане представляют собой весьма любопытный пример, позволяющий узреть прочную связь между прежними обычаями и революционными с виду установками советской власти.

Исследование основано на принципах объективности, научности и историзма. При написании работы использовались типологический, статистический, сравнительно-типологический, сравнительно-исторический, картографический, иконографический методы.

Объект исследования - материальная и духовная культура населения Беларуси XVI – первой половины XX в., связанная с жизнеобеспечением, повседневным бытовым укладом, менталитетом и традициями.

Предмет исследования - образ жизни и бытовой уклад населения белорусских земель в XVI — первая половина XX в.

Цель исследования - дать комплексную характеристику основных направлений развития материальной и духовной культуры в сфере жизнеобеспечения и бытового уклада городского населения Беларуси в XVI – первой половине XX в.

В контексте заявленной темы в представленном научном отчете будут детально рассмотрены следующие основополагающие проблемы:

1) комплексная характеристика основных категорий понятия “бытовой уклад” в отношении к городскому населению Беларуси XVI–XVIII вв., в том числе впервые на примере ревизии Полоцка 1765 года;

2) развернутая характеристика динамики трансформаций традиционных форм виталитивной культуры белорусского помещного дворянства в контексте общероссийских социально-политических процессов XIX — начала XX вв.), в том числе: тенденции эволюции материальной культуры помещного дворянства Беларуси; традиционный хозяйственный уклад помещного дворянства; кризис межсословных коммуникаций; проекты рационализации белорусского помещного хозяйства: «Литовская хозяйка» А. Цюндевитской; проекты рационализации белорусского помещного хозяйства: «Пан Подстолич» Э. Массальского; инновационные процессы в помещном хозяйстве Беларуси; роль винокурения в хозяйственных стратегиях белорусского помещного дворянства;

3) динамика развития виталитивной культуры сельского населения белорусских земель в XIX – первой половине XX вв.

1 Бытовой уклад городского населения XVI–XVIII вв

Археологический материал даёт подробную информацию про особенности городской застройки Беларуси XVI–XVIII вв.

Количество археологических материалов по городской застройке XVI–XVIII вв. Городов Беларуси как ни парадоксально уступает количеству из напластований XII–XIII вв. Основное количество фрагментов раскопанных строений согласно Л.В. Колединского открыта в Берестье и достигает количества 121 (конец XIII–XV вв.). В Витебске строений XIV–XVII вв. Выявлено более 100, в Гродно, Минске, Полоцке, Могилёве, Клецке и Гомеле их количество варьируется в пределах десятка [Археология Беларуси, 2001, с. 33].

Технология возведения строений отличается консервативностью на протяжении многих столетий. В качестве строительного материала безусловно доминировало дерево. По большей части строения рубили в самих городах, про что свидетельствует большое скопление щепы возле открытых археологами построек. Поскольку пожары в средневековых городах были частым явлением, то после них фактически город возводился заново. В актовой книге полоцкого магистрата за 1643 год сохранилась запись судебного дела о великом пожаре в городе, который уничтожил Верхний и Нижний замки, коллегиум, котельни, церкви, ратушу, башни, паркан и “все украшения места Полоцкого” [Археографический сборник документов..., 1867. С. 353]. Пожар начался с подсений¹ дома пана Паука, где находилась солома и сено.

Навации проникали первым делом в сферу фартификационного строительства и только позже – в рядовую застройку городов и деревень [Бохан, 2011, с. 73]. Комфорт проживания в деревянном доме не был высоким по причине отсутствия в домах фундамента. Вместо фундамента использовались более толстые нижние бревна, или же во влажном грунте поставленные один к одному вертикальные бревна-сваи [Бохан, 2011, с. 73].

Единицей землевладения в белорусских городах являлся “пляц”. Ниже нами впервые в историографии приведен размер пляца, исходя из сопоставления данных письменных (ревизия Полоцка 1765 года) и археологических источников.

Обычная усадьба горожанина – это комплекс жилых и хозяйственных построек, куда входит двор, забор, колодец и, как правило, огород. Дворы чаще всего были замощены деревом. Основными чертами, которые характеризуют массовую гражданскую застройку Полоцка XVI – XVIII вв.,

¹ Открытая столбовая галерея на главном фасаде дома [Якимович, 1991. С. 361]/

являются следующие: 1) в основном деревянный характер строительства; 2) относительно небольшая площадь строений (от 17,5 до 35 кв. м) и всего приусадебного комплекса (средняя площадь от 100 – 160 до 300 кв. м); 3) непродолжительное время существования строений (от нескольких лет до двух-трех десятилетий).

Размеры участков в 300 кв. м являлись достаточно большими (Полоцк), например, площадь участков магдебургской Городни составляла в среднем от 23,7–35,5 м² до 47,4–59,25 м² [Гардзееў, 2008, с. 106]. На посадской территории Полоцка в 1553 г. упоминаются небольшие участки в 1 прут (прут или прент равен 4,87 м, в данном случае длина участка не указана) с огородом при нем в 2 прута [LVIA, ф. 599, воп. 1, спр 3, арк. 276]. Сумарная площадь такого участка составляла около 58,44 м².

Улицы в Полоцке одна от другой могли располагаться на расстоянии около 20–50 м. Это наиболее плотная в сравнении с современной трасировка улиц исторического центра Полоцка соответствовала потребностям городской застройки, которая, в основном, была одноэтажной и деревянной. Топографическое описание объектов недвижимости свидетельствует, что большинство пляцев располагалось рядами вдоль улиц или на “венцах” рек Двина, Полота, Бельчица. Как правило, тыльной стороной пляцы межевали с соседними рядами застройки другой улицы.

Технология возведения массовой городской застройки в XVI – XVIII вв. оставалась довольно консервативной: в Полоцке на месте старых строений возводились новые, которые нередко повторяли очертания предыдущих строений. На протяжении XVI – первой половины XVIII в. размеры и расположение строений, планировка улиц существенно не менялись. Только во второй половине XVIII в. наблюдается увеличение площади строений и расположение фундаментов на каменной основе.

Городская беднота имела дома в виде примитивного типа односрубной клетки с небольшими окнами, дома перекрывались двухскатной стрехой. Дома обычно стояли на земле и ничем не отличались от бедной деревенской избы. Как видно из “Чертежа” г. Витебска 1664 года, эти дома были курные, некоторые имели в жилой половине прируб в виде маленькой низкой клетки под отдельной стрехой, которая была холодная и имела служебное назначение. В витебске к числу таких построек принадлежала значительная часть домов на посадах и магазинов “крам” на рынках [Красьянскі, 1928. С. 46]. По аналогии с курными сельскими избами XVIII в. можно заметить, что стены домов бедных горожан несколько раз в год (до Рождества и Пасхи) могли белиться известью, но от густого дыма они быстро вновь чернели [Мальдзіс, 2001. С. 302]. Про обычай беления внутренних стен бедных домов

косвенно свидетельствует присутствие линз и прослоек извести в культурном слое XVI – XVIII вв.

Усадьбы людей среднего достатка по аналогии с тем же Витебском состояли из деревянных строений: два одинаковых сруба, соединенных сенями и перекрытых общей двухскатной стрехой. Некоторые строения были поставлены на подклеть. Усадьба была окружена забором, дома имели печные трубы [Красьянскі, 1928. С. 46]. В отдельных домах могли совместно проживать несколько семей.

Жилые постройки городской бедноты делились на белые и черные. В белой находилась печь с открытым устьем, которое нередко выходило в конюшню или курятник. Напротив устья располагалась глиняная лавка [Topolska, 2002. S. 371]. В XVII в. продолжали изготавливать горшковые печные изразцы, такие печи ставили в домах бедных горожан, они по-прежнему топились по-черному.

Наибольшее представление про организацию жизненного пространства населения дают итоги исследования городской застройки. Усадьба высших сословий в XVI в. называлась “двор”, “дворище”, “оселость”, “маетность”. В начале XVII в. появляется термин “покой” в связи с заменой старых волоковых окон на новые, остекленные [Молчанова, 1981. С. 30]. Светлица, покой (“упокоец”) – это отапливаемые помещения, в которых жили хозяева, прислуга селилась в “светлицах служных”. Со всех сторон построек в обозначенное время отапливались только кухни и светлицы [Topolska, 2002. S. 225]. В домах богатых горожан двери были из досок (тёсонные), столярной работы, нередко “футраванья” (оббитые досками в разных направлениях для декоративного украшения) [Молчанова, 1981. С. 31]. Такие двери обязательно укреплялись железными завесами с защелками, крючками и оснащались висячими и нутряными замками.

Дома горожан в XVI – XVIII вв. могли иметь до двадцати окон [Молчанова, 1981. С. 31]. В инвентарях подробно описаны все детали окон: “оболоны бумажные” [Археографический сборник документов..., 1867. С. 222], “оболоны стеклянные”, “завесы” [Акты, издаваемые Виленскою археографическою комисією, 1878. С. 4], “решетки железные” [Археографический сборник документов..., 1867. С. 145], что свидетельствует об их имущественной ценности. На протяжении второй половины XVII в. в имениях белорусской шляхты и богатых мещан оловянные и свинцовые рамы постепенно заменяются деревянными [Молчанова, 1981. С. 28]. Согласно с археологическим материалом, в XVI – XVII вв. оконное стекло имело зеленоватый оттенок, который приглушал дневной свет и вносил в интерьер атмосферу спокойствия. Распахиваемые оконницы обычно вешали

на железных завесах, они имели разные железные крючки, защелки и набойки.

Дверной набор также выделялся разнообразием. В письменных источниках указываются все железные детали дверей: “завесы с пробоями”, “защелки”, “клямки”, “замки нутряные, слепые”, “запоры” [Археографический сборник документов..., 1867. С. 145; ИЮМ, 1875. С. 278]. Некоторые дома богатых горожан могли иметь двое-трое дверей.

Согласно ревизий и инвентарей XVI – XVII вв., деревянные дома горожан имели крыльцо (“кганки, кганьки”) и располагались на “подрубке” (своего рода деревянный фундамент), или были “при земле”, значит, без фундамента. Отдельные дома имели на втором этаже светлицы, окруженные балконом (“кружкганком”). Сени являлись срубным помещением, которые соединяли другие сооружения с надворным выходом [Якимович, 1991. С. 362]. В сенях хранили кадки с водой [Археографический сборник документов..., 1867. С. 324].

Внешний вид городов был эклектический, например, города центральной и восточной Беларуси, где в основном доминировала деревянное зодчество, имели даминирующий серый цвет (естественный вид непокрашенного дерева). Центральным ансамблем вокруг рыночной площади выделялся кирпичными домами. Например, в Городне это был фарный костел и комплекс иезуитского монастыря, дворцы Радивиллов и Сапегов, каменицы Сенгушек и Тызенгаузов [Гардзееў, 2008, с. 114]; в Полоцке – комплекс иезуитского коллегіума с фарным костелом, францисканский монастырь и ратуша. Для возведения деревянных домов заготавливался лес, возраст которого был равен 60–80 годам [Археалогія Беларусі, 2001, с. 33]. Натуральным консервантом против гниения служила технология обработки леса – в строительстве массово использовался топор, который позволял “запечатывать” торцы бревен от проникновения влаги. По этой причине в традиционном средневековом зодчестве пила практически не использовалась.

Поскольку дома практически до XVIII в. не имели деревянного фундамента, они постепенно “врастали” в культурный слой, который консервировал нижнюю часть постройки.

Одним из индикаторов экономического расцвета городов является степень развития рядовой гражданской застройки. В некоторых белорусских городах (Могилёве, Миснке) в XVII в. отмечается строительство кирпичных камениц – жилья городского патрициата [Марзалюк, 1998. С. 36].

Фахверковая² застройка доминировала в западном регионе (Гродно, Брест, Несвиж, Клецк, Новогрудок, Слоним) [Лакотка, 1999. С. 240, 264 – 266]. Согласно археологическим данным в Полоцке строительство каменниц начинается в другой половине XVII в.

В документах XVI – XVIII вв. при описании жилых строений используются термины “изба”, “дом”, “харомы”, “халупа” и “камяненица”. Отметим и использование термина “светлица” как названия отдельной постройки, а не только помещения (1601 г., Полоцк). По причине ограниченного круга письменных источников и данных археологических раскопок довольно тяжело определить разницу в конструкции избы и дома. Вероятнее всего, что эти термины были синонимичны, по крайней мере в отдельных документах они отождествляются: “там же невдалеке дом, это значит изба белая с пекарней напротив” [ИЮМ, 1901. С. 19]. Отмеченные типы конструкций могли быть многокамерными, в двух ярусах, с каморами и сенями, к тому же сделаны на подклетьях. Подклеть выполняла функцию подвала и одновременно выделяла постройку владельца из числа рядовых и указывала на его высокое социальное положение. Что касается хором, то по аналогии с Витебском середины XVII в. можно охарактеризовать их как красивые и разнообразные в плане компановки дома, которые имеют надворные проходные галереи, различные башни и башеньки, а также шатровые перекрытия крыш с луковичками на них [Красьянскі, 1928. С. 54].

Дома могли быть большими по размерам (некоторые вмещали до ста человек) [Витебская старина, 1888. Ч. 1. С. 121], двухсрубными, где один сруб имел значительно большую длину за другой, преставленный к нему перпендикулярно. Такие строения имели крыльцо, изразцовые печи с трубой, освещенные помещения, окна больших размеров и пристройки возле задней стены. Именно такие постройки характеризуются большой жилой площадью [Красьянскі, 1928. С. 54]. Использование в письменных источниках второй половины XVI – начала XVII в. терминов “светелка въпокоевая”, “упокоец”, “изба белая” в отношении домов полоцкого нобилитета отражает процесс перехода к новому типу жилых строений с камерной печью и стеклянными окнами [Акты, издаваемые Виленскою археографическою ком-мисією..., 1878. С. 4].

Жилым постройкам противопоставлялась “клеть” – постройка хозяйственного назначения, которая исполняла функцию “летника” (летнего жилья) и значила то же, что и “комора”. Термин “подклеть” или “подклет” означал кладовку или хлев для домашних животных, в отдельных случаях –

² Фахверковая застройка – дома двухъярусного типа на подклетьях, где нижний ярус сделан из брусков на каменном фундаменте, а верхний – каркас из брусьев, между которыми было заполнение из кирпича и камня.

нижний ярус хором. Из других хозяйственных построек упоминаются “схованье для сена”, “шопа для возов”, “стайня”, “свирен на подклете”, “пекарня”, “спижаренка простая, то есть лазня (баня)”, “бровар”, “пивница”.

О конструкции бань мы можем судить только с позиции косвенных данных. Известно, что во многих белорусских городах существовала “баня посполитая”. Согласно Привилея Полоцку на магдебургское правополочане “мають убудувати ку вжитку местскому лазню посполитую, где местце оберуть подобное” [Полоцкие грамоты, 1978. С. 156]. Её подробного описания не сохранилось, однако по аналогии с могилевской городской баней можно отметить, что она была деревянной, двухкамерной, состояла из светлицы (моечной), и каморки (парилки). В каждом помещении находилось по печи, при этом печь в парилке была сделана из камня, кирпича и железа, а сама печь установлена на деревянных опечках [Марзалюк, 1998. С. 40]. Вероятно, баня имела стеклянные окна, трубу, оштукатуренную известью, в моечной находились бочки с холодной водой, большой котел для кипения, шайки, веники и мыло. В бане можно было выпить пиво и побриться.

Кроме “посполитой лазни”, на некоторых усадьбах горожан строились частные бани, которые представляли для города определенную пожарную опасность. Так, воевода Станислав да война приказывал брать штраф с полоцких мещан и побирать их за то, что они имеют частные пивоварни и бани в своих дворах. Он же приказывал разбирать и выносить с замка мещанские дома [Варонін, 2000. С. 86 – 87].

Своды деревянных строений крыли гонтом и дранкой. Кирпичные строения в XVIII в. имели кровли, сделанные из черепицы.

Форма кровель большинства строений была двускатной, о чём свидетельствуют иконографические материалы.

1.1 Городская инфраструктура.

Рынок по меткому определению Юрия Гордеева являлся “серцем города” [Гардзееў, 2008, с. 114]. Это означает, что городской рынок выполнял функцию центрального элемента градостроительного ансамбля и должен был удовлетворять ряд гражданско-хозяйственных нужд. Рынок являлся основным торговым местом, имел площадь, также являлся местом расположения местной власти. Внутреннее пространство рынка никогда не пустовало, оно было застроено зданиями ратуши и многочисленными лавками.

Регулярная застройка гродненского рынка XVI–XVIII вв. состояла преимущественно из кирпичных строений. Каменицами в рынке владели мещане. Для престижа они называли фахверковые строения “каменицами

прусской кладки”. На рынке также возводили деревянные шляхетские дворики, которые украшали архитектуру площади. Такие строения накрывались гонтом или черепицей. Жесть в те времена являлась редкостью и использовалась во дворцах [Гардзееў, 2008, с. 114].

Место расположения лавок на рынке окружалось забором и имела ворота. На полоцком рынке лавки имели строгий порядок расположения, отдельно предусматривалось существование специализации в торговле с лавок, также регламентировалось расположение городских и частных лавок в других частях города. Полочанам запрещалось иметь прикаморки возле лавок или возле больших ворот, не разрешалось выпрашивать у магистрата “фортки крамные”, а магистрат не должен был давать таких разрешений. Места для лавок давал магистрат. Если места в лавочном ряду не хватало, то магистрат должен был дать желающему другое место, однако только на территории рынка, хотя бывали и исключения [Доўнар, 2004. С. 47].

Лавка (крама) представляла собой тип торговой постройки, прямоугольной в плане, с навесом перед входом. Обычно, в одном комплексе с лавкой находились жилые, складские и торговые помещения [Якимович, 1991. С. 359].

1.2 Интерьеры строений.

Главной частью интерьеров жилья богатого мещанина в XVI – XVIII вв. была большая камерная печь, которая кроме утилитарного назначения несла и эстетическую нагрузку. Богатство декора печных изразцов напрямую зависело от достатка хозяина. Представители высших сословий нередко заказывали изразцы с определенными сюжетами.

Устье камерной печи выходило в соседнее помещение – хозяйственную пристройку – и использовалось для разжигания и поддержания огня. Проём устья закладывали железной заслонкой. Печ обычно располагалась возле дверей либо окна, в данном случае жители больше руководствовались практическими нуждами, а не общекомпозиционным планом [Dąbrowska, 1970. S. 12]. Процессом обслуживания печи занималась прислуга.

С XVI в. пространство возле печи выкладывалось керамическими плитками пола, некоторые из них в XVII – XVIII вв. покрывались цветными глазурями (найжены плитки зеленого и желтого цветов). Возможно, что цветные плитки выкладывались как мозаика или чередовались с теракотовыми.

Мебель в домах как зажиточных, так и простых горожан была деревянной и довольно простой [Topolska, 2002. S. 225]. Вдоль стен (“вколо”) ставились лавки, которые нередко оббивались тканью красного цвета [Молча-

нова, 1981. С. 31]. В некоторых комнатах находился стол с “заслоной” – широкой переносной лавой и лавочкой [Археографический сборник документов..., 1867. С. 145]. В XVIII в. в домах появляется деревянная кровать [Молчанова, 1981. С. 31]. С начала XVIII в., кроме традиционных столов, лав, сундуков в домах мещан повсеместно появляются стулья [Topolska, 2002. S. 371]. Это в первую очередь связано с модернизацией условий повседневной жизни на западный манер.

Мемуарная литература второй половины XVIII в. содержит ряд описаний интерьеров богатых шляхетских домов. Согласно воспоминаний С. Шантыря, стены дома в имении Горспля (Полоцкий повет, теперь – Россонский район) были оббиты красным полотном, раскрашенным масляными красками: первые три комнаты – в стиле арабеско, следующие – с виньетами на сказочные сюжеты. Пол элегантно подогнан и отполирован. Повсюду стояли стулья – резные, расписанные, протравленные или оббитые пунцовой шелковой тканью. Стены украшали три небольших зеркала для отражения свечей и трое часов – с курантовым боем и кукушками [Мальдзіс, 2001. С. 309].

Комнаты мещан и шляхты с XVII в. освещались свечами з масла или воска, которые вставлялись в керамические подсвечники. Свечи в XVIII в. стали продаваться в аптеках [Мальдзіс, 2001. С. 314]. Проанализировав археологические материалы, можно прийти к выводу, что керамические каганцы – бокалы, заполненные топленным жиром, с фитилем или нитью посередине – использовались преимущественно как светильники в каменных культовых или гражданских постройках.

В XVIII в. у зажиточной шляхты и мещан начали появляться хрустальные лстры и подсвечники. Подвешенные к потолку они назывались пауками или коронами, их нередко крепили на оленьих рогах [Мальдзіс, 2001. С. 314].

Обязательным атрибутом интерьера были специальные пристенные полочки, на которых выставлялся расписанная керамическая посуда и посуда с цветных металлов, в том числе и очень дорогая – серебряная и золоченая, украшенная драгоценными камнями. Последняя не встречается при археологических раскопках, зато сведений о ней очень много в инвентарных описаниях.

В ежедневном быте представители всех сословий в XVI – XVII вв. пользовались деревянной и керамической посудой [Topolska, 2002. S. 225]. Согласно Л.А. Молчановой, информации про гончарную посуду в инвентарях имений значительно меньше, чем про деревянный [Молчанова, 1981. С. 54]. Данные археологии подтверждают вывод, что керамическая посуда в основном предназначалась для приготовления еды или использовалась как

тарная. Ежедневно для сервировки стола горожане использовали деревянную посуду.

В доме богатого мещанина или шляхтича существовало место для хранения различных ценных предметов, в первую очередь бижутерии и дорогой одежды.

В больших ящиках хранилась разного рода одежда, мех и даже книги. Так, в Соборной церкви Святой Софии в Полоцке находились “пять сундуковъ съ книгами съ печатными и съ писменными и со всякими Литовскими письмами” [Витебская старина, 1885. Ч. 2. С. 278]. Книги в XVI–XVII вв. на территории белдаруси не были редкостью. Более того, местные шляхтичи сами становились спонсорами книжного издания. Обычно, библиотеки мелких шляхтичей не были большими и состояли из нескольких изданий, например, у полоцкого шляхтича Ореховицкого в 1623 г. имелись Новый Завет и “Книги Аристотеля”, а также некоторые правовые документы, например, экземпляр Статута ВКЛ [Галубовіч, 2014, с. 135–136]. Кроме книг, в доме шляхтича Ореховицкого хранились сундуки с бумагами: шкаф с правами и письмами на имущество, дубовая и окованная шкатулки с различными бумажными документами, и ещё два ящичка с текущими документами. Была ещё и специальная “малая окованная шкатулка для хранения бумаг, в которой была чернильница и несколько дел по имуществу” и “черная каменная табличка для писания”. Имелись в списке вещей специальный ножик для разрезания бумаги [Галубовіч, 2014, с. 135].

1.3 Городское пространство и социальная топография Полоцка по данным ревизии 1765 года

Полоцкая ревизия 1765 года сохранилась в виде копии 1802 года. Оригинальное название документа – «Ревизия пляцев в месте³ Полоцке около года 1765, скопированная в году 1802, месяца марта». Документ хранится в Витебском областном краеведческом музее [Витебский]. Впервые полоцкую ревизию 1765 года выявил и широко использовал в своей книге немецкий исследователь Стефан Рогдевальд [Rohdewald, 2005], данные ревизии были использованы М.Д. Макаровым в капитальной монографии, посвященной организации и персональному составу городских властей Полоцка 1580–1772 гг. [Макараў, 2014, с. 19].

На сегодняшний день ревизия Полоцка 1765 года является единственным в своем роде документом, позволяющей увидеть комплексный

³ В XVI–XVIII вв. по отношению к Полоцку и другим белорусским городам применялся данный термин, от него происходит термин «мещане» (непривилегированное городское сословие).

срез данных о земельных владениях в Полоцке, социальном составе жителей и основным ремесленным специальностям. Материалы полоцкой ревизии 1765 года не были опубликованы, упомянутыми исследователями в публикациях были использованы определенные сведения. Так, согласно С. Рогдевальда, в Полоцке в 1765 году располагалось порядка 600 дворов, из них 238 (40 %) принадлежала шляхте, 179 (30%) – церквям и монастырям различных конфессий, 50 (8%) – евреям, 119 (около 20%) – королевским мещанам [Rohdewald, 2005, s. 230].

В данной статье материалы полоцкой ревизии 1765 года приведены полностью и будут рассматриваться с точки зрения реконструкции социотопографической структуры Полоцка, а также с целью изучения отдельных аспектов организации городского пространства (особенности застройки, степень освоения городской территории, социальный состав посадского населения) как часть виталитивной культуры.

Названия “пляц” является стандартным обозначением определенного участка земли в белорусском городе XVI–XVIII вв. Размер усадеб определялся в пляцах или кратных долях пляца. На усадебном участке могли располагаться огород, сад, но чаще всего – жилая, жилищно-хозяйственная или хозяйственная застройка, как правило, с огородом. Незастроенные участки носили обозначение “голых” либо “пустых”. Земельный участок (“грунт”) являлся основной топографической единицей, из которой состояла улица. Участки располагались двумя рядами, как правило, с трёх сторон они межевали друг с другом, тыльная часть – с соседним рядом, соответственно, одна из сторон выходила на улицу. На основании данных полоцкой ревизии 1765 года ниже представлена реконструкция размера городского пляца.

Помимо стандартного описания размеров и расположения участков, полоцкая ревизия 1765 года описывает застройку и расположение улиц на территории основного городообразующего посада (бывшего Великого, собственно «места»), а также задвинского, к тому времени также «бывшего» Кривцового посада. Представлено описание участков на обоих полоцких замках и местности, расположенной за парканом⁴ Великого посада. Название “Великий посад”, как и вообще термин “посад”, в ревизии не указывается. Нет упоминания и про застройку Заполотского посада, а также юридику полоцких иезуитов – Экимань. Зато в тексте ревизии упомянуты юридики иезуитов “в месте” – на территории Великого посада, а также на Верхнем замке.

В тексте приведены указание расположения улиц, приводятся данные о размерах участков, кратные определенным долям пляца, также приведены

⁴ Паркан – название оборонительной стены посада.

детализированные размеры плечей в локтях⁵. Упомянуты в ревизии хозяйственное назначение плечей: под жилую застройку (здесь выделены жилищно-хозяйственные комплексы), огороды и сады. В большинстве случаев застройка а ргіогі подразумевается деревянная, в единственном случае указано на наличие кирпичного («мурованного») дома.

В оригинале текст ревизии написан латиницей, по-польски, с использованием стандартной терминологии того времени. Ниже приводится перевод текста ревизии с комментариями автора статьи.

Так, на улице Великой, с правой стороны, располагались: $\frac{3}{8}$ плеча «учтывого» Матея Езефовича, кузнеца («коваля»), на котором и сам жил; $\frac{1}{4}$ «пустого» плеча их милости их милости «отцов базилианов» «в тыле» предыдущего плеча; $\frac{1}{4}$ «пустого» плеча «его милости» пана Кушлинского; $\frac{1}{4}$ «пустого» плеча «его милости» пана Пасинского, кублицкого плебана; $\frac{1}{4}$ плеча «его милости» пана Короневича, с «домком»; $\frac{1}{4}$ плеча «в тыле» «его милости» ксендза Кублицкого; $\frac{1}{4}$ «пустого» плеча «его милости» пана Ленкевича, с огородом; $\frac{1}{4}$ плеча «в тыле» «учтывого» Ноксионовича; 1 плеч «учтывого» Ноксионовича, портного («кравца»), на котором и сам жил; огород на $\frac{2}{4}$ плеча Ларовского.

На улице Великой, начиная от Верхнего замка, с левой стороны, располагались: $\frac{1}{4}$ плеча их милости «отцов базилианов», на котором жил еврей Марков Бенишович; $\frac{1}{4}$ плеча пана Буйницкого, мечника, на котором жили два ремесленника еврея в домах «господарей» (ремесленников): Гилми и Абрам, цирюльники; $\frac{1}{4}$ плеча и 6 локтей Зелика Лейбовича Бабины; $\frac{2}{4}$ плеча и 3 локтя пана Буйницкого, на котором жили два еврея; $\frac{1}{4}$ плеча и 7 локтей пани Корсаковой, на котром жил еврей Марко Зелманович; $\frac{1}{2}$ плеча и 1 локоть пана Буйницкого, на котором жили в домах 2 еврея, а третий христианин, кучер («фурман»); 1 «пустой» плеч и 3 локтя «его милости» пана Селицкого до улицы Вознесенской; 1 плеч с долей $\frac{2}{4}$ плеча до улицы Вознесенской «его милости» пана Жабы, старосты Бельского, на котором жил еврей Абрахам Зелманович до улицы Вознесенской; 1,72 плеча «без локтя» полоцкого подвоеводы до улицы Вознесенской; $\frac{1}{4}$ плеча «его милости» пана Базилианека, на котором жил еврей Бакалаж до улицы Вознесенской; $\frac{2}{4}$ плеча хорунжего Корсака, на котором жил еврей Мовша Чмух до улицы Вознесенской; 0,75 плеча и 7 локтей их милости глубоких «отцов кармелитов босых» «до середины улицы» жил еврей Ицка Шмуйллович; 1 плеч и 4 локтя «господарей» Техановских с домами трёх евреев Ицка, Нийсена и Шмуило до улицы Вознесенской; 0,75 плеча и 9

⁵ В Речи Посполитой после 1764 года локоть был равен 0,6496788 м [Анішчанка, 2006, с. 218].

локтей еврейки Мишуны с рядами четырёх еврейских домов ремесленников до улицы Вознесенской; $\frac{1}{2}$ пляца с домами братьев Лейбовичей, евреев до улицы Вознесенской; $\frac{1}{4}$ и 8 локтей пляца Шнейора Давидовича; $\frac{1}{4}$ и 8 локтей пляца еврея Ларуховича с жилыми домами; $\frac{1}{4}$ пляца их милости «отцов базилианов», на котором жил еврей Хаимович; 0,75 пляца пана Конопки «застроенный дворик»; 0,75 пляца Романа Шишки, на котором жил еврей Тайбиш Маркович до улицы Вознесенской; $\frac{1}{2}$ пляца с 6 локтями стольника Шишки «дворик» до улицы Вознесенской; 1,75 пляца с полчетвертью и 6,5 локтями их милости «отцов богоявленских», на которых жили четыре христианина ремесленника до улицы Вознесенской; $\frac{1}{4}$ пляца и 6 локтей братства Богоявленской церкви, на котором жил «его милость» пан Шыбайла, бурмистр полоцкий; $\frac{1}{4}$ и 9 локтей «пустого» пляца Мирона Москаля с огородом; $\frac{2}{4}$ пляца и 1,5 локтя с домом того же Мирона до улицы Вознесенской; 0,75 «пустого» пляца и 1,5 локтя Мушинских; 0,75 пляца еврея Блахаша, с домом, до улицы Вознесенской; 1,25 пляца и 9 локтей пана Стебута, с домом, до улицы Вознесенской; $\frac{1}{2}$ пляца «учтливового» пана Ведзблевского с жилым домом; огород на 0,75 пляца и полтора локтя пана Стебута; 0,75 пляца и 1,5 локтя «его милости» пана Лодвишты, на землях которого жил еврей Шмуйлович; $\frac{2}{4}$ пляца и 7 локтей «его милости» пана Ягелского; $\frac{2}{4}$ пляца и 1,5 локтя пана Воронича с домом; $\frac{3}{4}$ пляца и 3,5 локтя их милости «отцов базилианов», на которых жили два ремесленника христианина; огород на $\frac{1}{2}$ пляца Ёзефа Балшанина; $\frac{1}{4}$ «пустого» пляца «её милости» панны Якуксиевичовой; $\frac{2}{4}$ пляца и 2,5 локтя Гаврилы, сапожника; $\frac{2}{4}$ пляца и 3,75 локтя Воситовского, коваля; $\frac{1}{4}$ «пустого» пляца пана Шыбицкого; $\frac{3}{4}$ пляца их милости «отцов базилианов» «господарей» двух.

Улица Великая хорошо известна по материалам картографических и письменных источников, из текста ревизии можно судить о наиболее интенсивной её застройке с северной стороны.

На Пробойном заулке, по направлению от еврейской школы к улице Вознесенской, располагались: $\frac{1}{2}$ пляца и 5 локтей «его милости» пана Корсака, «стражника места полоцкого», на котором жил еврей Мовша Пасаманик; 0,75 пляца и 7 локтей пана Страбницкого, на котором жил еврей Тайбиш Мисунович; $\frac{1}{4}$ пляца и 2,5 локтя «его милости» пана Розанки, на котором жил еврей Ицик.

Вызывает инерес упоминание еврейской школы, которую можно отождествлять с расположенными на территории усадебного участка по ул. Нижне-Покровской, 7 остатками каменицы, выявленными в ходе археологического надзора автора в 2002 году. Таким образом, расположение Пробойного заулка можно реконструировать на рисунке 1.

На улице Вознесенской, по направлению от Пробойного заулка, с правой стороны располагались: $\frac{1}{4}$ пляца и 2,5 локтя их милости «отцов базилианов», на котором жил еврей Бениш Зелманович; $\frac{1}{4}$ пляца и 2 локтя еврея Лоруха Мордхеловича с домом; $\frac{1}{4}$ «пустого» пляца и $\frac{1}{2}$ локтя витебского хорунжего, «его милости» пана Реута; $\frac{1}{8}$ пляца и 8,5 локтей их милости «отцов богоявленских», на котором жил «господар» христианин, скорняк («кушнер») Стефан Кетошка; $\frac{1}{4}$ пляца и 1 локоть их милости «отцов базилианов», на котором жил христианин Шеймак; $\frac{1}{2}$ «грунта» пана Стебута с застройкой; $\frac{1}{4}$ огорода «его милости» пана Подбипеты; $\frac{1}{8}$ пляца и 6 локтей интролигатора (переплётчика) «учтливового» Лабача Дубины; $\frac{1}{8}$ пляца и 6 локтей «его милости» Бонифация Снарского, на котором жил еврей Борух; $\frac{1}{8}$ и 4 локтя «его милости» Ёзефа Снарского, на котором жил Геляш Шайторович; огород Габриеля Клиниковича на $\frac{1}{8}$ пляца и 1 локоть; огород на $\frac{3}{8}$ пляца и 3,5 локтя «его милости» пана Шпинки; огород на $\frac{1}{4}$ пляца полоцкого райцы, «славетного» Михаила Шнитки; огород на $\frac{3}{8}$ пляца и 6 локтей «их милости» панов Мушинских; огород на $\frac{1}{8}$ пляца и 3,5 локтя «его милости» пана Шыбелы; $\frac{1}{8}$ «пустого» пляца и 1,5 локтя «его милости» пана Абрамовского.

На улице Вознесенской, с левой стороны, были расположены: $\frac{1}{4}$ пляца и 3 локтя некоего именуемого Ожием, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца и 3 локтя Игнатия Добошинского, на котором жил еврей Рапул; $\frac{1}{8}$ пляца и 7 локтей их милости «отцов базилианов», на котором жил еврей Шмуила Давидович; 1 пляц полоцкого хорунжего Храповицкого, на котором проживали в четырёх домах четверо «господарей» евреев; $\frac{3}{8}$ пляца и 7,5 локтя их милости «отцов базилианов», на котором проживали двое «господарей» христианин, один Андрей Стефанович, другой – фурман (имя не названо).

Возле могил Воскресенского церковища располагались: $\frac{1}{4}$ пляца еврея Калмана с домом; $\frac{1}{8}$ пляца бурмиистра полоцкого «славетного» пана Друговины с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и 3,5 локтя «её милости» панны Корсаковой, на котором жил Алхим Айкаш; $\frac{1}{4}$ пляца и 1 локоть Будзьки, на котором жил фурман Ян Рудковский; $\frac{1}{8}$ пляца и 7 локтей «без четверти» «его милости» пана Борейки, на котором жил Иван Бравценик; $\frac{3}{8}$ пляца и 6 локтей «без четверти» сапожника, «учтливового» Яна Лукашевича с домом; $\frac{5}{8}$ и 6,25 локтя «славетного» пана Михаила Снитки, райцы полоцкого, с домом; 1,5 пляца и 4 локтя покойного бурмиистра полоцкого Яна Александровича, а сейчас «без права» подвоеводы, «ясновельможного» пана Яна Павловского.

Местонахождение Воскресенского церковища не ясно. Вполне можно допустить, что церковище находилось возле одноименной церкви, упомянутой в полоцкой ревизии 1552 года на Великом посаде [Варонін, 2000, с. 253; Варонін, 2009, с. 165, 167]. В результате археологического надзора по

ул. Нижне-Покровской в 2005 году нами были обнаружены следы захоронений по направлению на северо-восток от Богоявленской церкви, что, возможно, следует отнести к следам Воскресенского церковича.

На улице Рождественской, по направлению с улицы Великой, с левой стороны располагались: $\frac{3}{8}$ пляца и 2,5 локтя «его милости» пана Русецкого, на котором жили в своих домах Ёзеф и Матей Липчинские; $\frac{1}{4}$ пляца и 1 локоть «его милости» пана Рагозы, на котором жил еврей Копыл Реймович; $\frac{1}{4}$ пляца без 0,5 локтя «ясновельможного» пана Максимовича, на котором жил Антоний Бушкович; $\frac{3}{8}$ пляца и 2 локтя, на котором был построен дом «его милости» пана Свольнского; 1,5 пляца их милости «отцов базилианов», на котором жили в своих домах семь «господарей».

Собственно, расположение улицы Рождественской, впервые упомянутой в ревизии 1765 года, можно отождествить с улицей Безымянной, известной по актовым материалам XVII века [Дук, 2005, с. 87]. Эта улица имела выход к Нижнему замку и перевозу к Двине. Именно здесь, на описываемой в ревизии территории, были проведены археологические раскопки и обнаружены следы кладбища XVI–XVII вв. и жилой застройки XVIII века [Дук, 2014]. Название улицы не случайно, поскольку она располагалась возле церкви Рождества Христова, также известной в историографии под названием «храм на рву». Церковь существовала в XII–XVII вв. К моменту написания ревизии храм был разрушен [Дук, 2005, с. 80].

На улице Рождественской, с правой стороны, располагались: $\frac{7}{8}$ частей пляца с 8 локтями «его милости» пана Шезыта, на котором жили в домах еврей Авсей и христианин Антоний Осипович, сапожник; $\frac{3}{8}$ пляца и 6 локтей «его милости» пана Рагозы, на котором в «доме панском» жил Андрей; $\frac{1}{8}$ и 6,5 локтей «его милости» пана Яна Зайковского с домом; $\frac{3}{8}$ пляца «его милости» пана Гласки, на котором в двух домах жили «господари»: мечник Рашулко и Ян Кухан; $\frac{1}{4}$ пляца «его милости» пана Вазгерда, на котором жил Езеф Домбровский; на землях «его милости» пана Корсака Удзельского⁶, а теперь «ясновельможного» пана Гребницкого жили в своих домах три «господаря», еврея: Ешик, Шлома и Абрам (размер пляца не указан).

На улице Ильинской, по направлению от улицы Рождественской к рынку, по правой стороне располагались: 6,5 пляцев их милости «отцов иезуитов» полоцкого коллегиума, на которых раньше мещане жили, а теперь заложены «школа мурованная», сад до самой улицы Вознесенской; пустые $\frac{3}{4}$ пляца без локтя «его милости» пана Шантыря до улицы Вознесенской; $\frac{1}{8}$ пляца и 5,5 локтя Хирши Шмуйловича с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и 5,5 локтя

⁶ Начало слова исправлено, участок принадлежал представителю одного из влиятельнейших ответвлений рода Корсаков в Полоцком воеводстве [9, с. 184–185].

еврея Арона Абрама с домом; 7 локтей и $\frac{2}{3}$ Бороха Абрамовича, с домом; 7 локтей и $\frac{2}{3}$ Борка Абрамовича, с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и 5 локтей Берки Абрамовича, с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и 5 локтей Михала Абрамовича, с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и 5 локтей Михала Бонашевича, с домом; $\frac{3}{8}$ пляца и 1,5 локтя бывшего «сборового»⁷, а ныне их милости «отцов иезуитов», в двух «господарчих домах» которых жили Яков и Сымон; $\frac{1}{4}$ пляца Еки Якубовича, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца Эли Израеловича, с домом; $\frac{5}{8}$ пляца и 4 локтя «их милости» панов Гребницких, на котором были два дома «господарей» евреев Мовши и Нохина Израиловичей; 9,5 локтей пляца их милости «отцов базилианов», ранее Вознесенское церковие, а теперь на нём жили трое «господарей»; 1,5 пляца и 3 локтя «его милости» пана Гребницкого, градского писаря, с застроенным «двориком» до улицы Вознесенской; $\frac{1}{8}$ пляца еврея Авсея с домом; $\frac{1}{4}$ пляца «славетного» пана Пшчолки, в торце упомянутого еврея, с огородом; $\frac{3}{8}$ пляца того же пана Пшчолки, бурмиистра полоцкого, на котором жил еврей Буим; $\frac{7}{8}$ пляца с 4,5 локтями «славетного» пана Друговины, бурмиистра полоцкого, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца с 5 локтями «славетного» пана, бурмиистра полоцкого Чернявского, с огородом; $\frac{7}{8}$ пляца с 1,5 локтями «славетной» панны Домяровичовой, с домом, до улицы Вознесенской; $\frac{1}{4}$ пляца «славетной» панны Оловяшки с построенным домом; $\frac{3}{8}$ «пустого» пляца и 6,5 локтей пана Молодзёшки; $\frac{1}{4}$ пляца и 4 локтя «учтывого» Яна Лукашевича, сапожника, дом; 1 пляц усопшего бурмиистра полоцкого Александровича, а ныне без права «его милости» пана Павловского с застроенным «двориком».

Важным является также упоминание одного пляца на месте бывшего Воскресенского церковия, расположенное южнее улицы Ильинской. Значит, какая-то часть кладбища к 1765 году уже начала застраиваться с северной стороны, основная же его часть оставалась по-прежнему действующей.

На улице Ильинской, по направлению от улицы Рождественской, с левой стороны, располагались: коллегия иезуитов с фарным костёлом и рынок со складами («кромами»). Также отмечен пустой пляц, принадлежащий костёлу св. Ксаверия, без указания размеров. Помимо этих объектов, ревизором зафиксированы: $\frac{3}{8}$ и 7,5 локтя «его милости» пана Реута, чашника, с двумя домами, одни христианина Канарского, другой еврея Мовши; $\frac{1}{4}$ пляца «его милости» пана Милкевича с домом, в котором жил еврей Герейка; $\frac{1}{4}$ пляца и 7 локтей Шломы Лейбовича с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и 4 локтя Берки Давидовича с домом; $\frac{5}{8}$ пляца и 7,5 локтей полоцкого райцы, «славетного» пана Камковича; $\frac{1}{2}$ пляца и 3 локтя «его милости» пана

⁷ Имеется в виду, по всей видимости, кальвинский сбор.

Гребницкого до улицы Батечковой; $\frac{1}{8}$ пляца и 5,25 локтя «славетного» пана Пинтуса Мовшевича с домом; $\frac{1}{4}$ «пустого» пляца и 4,5 локтя «славетного» пана, полоцкого бурмистра, Шибайлы; $\frac{1}{8}$ пляца и 8,5 локтя «славетного» пана Павла Дубины, с домом; $\frac{1}{2}$ пляца еврея Перца до улицы Батечковой, с домом; $\frac{5}{8}$ пляца и 7,5 локтя усопшего полоцкого бурмистра Олашкевича, ныне «бесправный» их милости «отцов базилианов», на котором располагались три дома евреев: Рика Мортгеловича, Берка Барновича и Мовши Ларуховича; $\frac{3}{8}$ и 7 локтей «славетного» пана Савицкого с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и 8,5 локтя «славетного» пана Скорбуловича, с огородом; $\frac{3}{4}$ пляца и 3 локтя борисоглебских их милости «отцов базилианов», на котором жили «господари» – сапожник Филипп Лубашевич и еврей (имя не названо); $\frac{5}{8}$ пляца и 19 локтей И. Гелиаша, на заброшенном церквице, «где сам декан живет», с огородом.

На улице Батечковой, по направлению от рынка и улицы Пробойной, с правой стороны: $\frac{1}{2}$ пляца и 7 локтей «его милости» Семковского, на котором жил еврей Борух; $\frac{1}{8}$ пляца и 7,5 локтей «его милости» пана Рыпинского, на котором жил еврей Орка Лейбович; $\frac{1}{4}$ пляца пана Спиридовича, на котором жил христианин Григорий Лукашевич; $\frac{1}{8}$ пляца и 8,5 локтя «его милости» пана Гребницкого, на котором жил Григорий Легиш; $\frac{1}{4}$ пляца и 3,5 локтя «учтвого» Янки Бенедыки, с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и 6 локтей «славетного» полоцкого райцы Комковича огород; $\frac{1}{4}$ пляца их милости забельских «отцов доминиканов», на котором жил еврей Абель; $\frac{1}{8}$ пляца и 8 локтей «учтвовой» Шайтаровичовой, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца и 8 локтей полоцкого бурмистра Чарнявского, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца и 6 локтей их милости «отцов базылианов», на котором живет еврей Мовша Израелович, с домом, а раньше жил Блешковичовский; $\frac{3}{8}$ пляца и 8,5 локтей «славетной» панны Вероничовой, где и сама живёт; $\frac{1}{2}$ пляца и 2 локтя «учтвого» Сымона Бексиевича, где и сам живёт; $\frac{3}{4}$ пляца и 2,5 локтя «учтвого» Яна Бегечаника огород.

На улице Батечковой, с левой стороны, располагались: $\frac{1}{4}$ пляца еврея Боруха, на котором и сам жил; $\frac{1}{4}$ пляца и 5,5 локтей «ясновельможного» пана Помарнацкого, на котором жила еврейка Реуза; $\frac{1}{4}$ пляца и 9 локтей пана Пилинского огород; $\frac{1}{2}$ пляца и 5 локтей почившего «его милости» пана Рыпинского, а теперь Прыхабского до улицы Спасской; $\frac{1}{2}$ пляца «его милости» пана Гребницкого до улицы Спасской, на котором жил еврей Абрам; $\frac{1}{4}$ «пустого» пляца и 7 локтей «его милости» пана Бешлова; $\frac{1}{8}$ пляца и 4 локтя «учтвого» портного («кравца») Романа Климковича, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца и 1,5 локтя «его милости» пана Довмонта, на котором жила Шая Хацкевич; $\frac{1}{8}$ пляца и 3 локтя «его милости» пана Гушчи, на котором жил Степан Бобыл; $\frac{1}{4}$ пляца вдовы Рыны, еврейки, на котором жил Янка; $\frac{1}{4}$ пляца «ясновельможной» панны Корсаковой, который межует с пляцем еврейки

Рыны; $\frac{1}{4}$ пляца и 4 локтя «славетного» полоцкого лавника, пана Кошабудского, на котором и сам жил; $\frac{1}{2}$ пляца панны Корсаковой с «домком», в котором она сама жила; $\frac{1}{4}$ пляца и 7 локтей слесаря Матей Жызневского, на котором и сам жил; $\frac{1}{4}$ пляца и 7 локтей Александровой Каменковой, жены портного («кравца»), на котором сама жила; $\frac{1}{8}$ пляца и 1,5 локтя «его милости» Гушчи «дворик», на котором и сам жил; 1,5 пляца «учтывого» мечника Ешего Кабяки, на котором и сам жил; $\frac{1}{2}$ «пустого» пляца и 9 локтей «их милости» Константиновой Рыпинской.

На улице Спасской, по направлению от коллегиума иезуитов, с правой стороны: $\frac{1}{4}$ пляца и 8 локтей, на котором дом мурованный Демиана Вирлы в дисквиции коллегиума, с местом лошадиного торжища; $\frac{1}{4}$ пляца Хаима Гиршовича «в тыле дома» Демиана Вирлы; $\frac{3}{8}$ пляца мечника Обранпальского жил еврей, цирюльник; $\frac{1}{8}$ пляца и 5 локтей «его милости» Прыхабского, на котором жил еврей Шая; $\frac{1}{4}$ «пустого» пляца пана Козела; $\frac{1}{4}$ пляца «учтывого» Теодора Цецеры, сапожника, с домом; $\frac{1}{8}$ «пустого» пляца и 6 локтей без четверти их милости «отцов доминиканов»; $\frac{1}{8}$ пляца «учтывого» Николая Олейника, сапожника, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца «учтывой» Лошадковой, на котором сама и жила; $\frac{1}{4}$ пляца и 1 локоть пана Ноксяновича, на котором жил еврей Зелман Нохонович; $\frac{1}{2}$ пляца «его милости» пана Гребницкого, на котором в двух домах жили ремесленники христиане; $\frac{1}{4}$ пляца Ёсела Шмуйловича с домом; $\frac{1}{4}$ пляца и 8 локтей их милости «отцов богоявленских», на котором жил Михал Злот⁸; $\frac{1}{8}$ «пустого» пляца богоявленского братства; $\frac{1}{4}$ пляца «учтывого» кузнеца Андрея Горноковича, на котором и сам жил; $\frac{3}{8}$ пляца и 5 локтей «ясновельможного» пана Селявы «дворик застроенный»; $\frac{1}{4}$ пляца и 9 локтей «учтывого» Томаша Шпаковича с домом; $\frac{1}{4}$ пляца за парканом той же улицы пана Шадурского, на котором и сам жил.

Из приведенного текста следует, что улица Спасская выходила за пределы городского паркана, здесь располагался один застроенный пляц. Эти сведения подтверждают высказанное ранее предположение, что к середине XVIII века древнего курганного некрополя («волотовок») уже начала заселяться [5, с. 86–87, 89]. На данной улице находился «дом мурованный»,

⁸ Возможно, в данном случае указана не фамилия, а профессиональная принадлежность – «злот» сокращенно от «злотник» (ювелир). Примерно по трассе улицы Спасской (современная улица Замковый проезд) располагались ювелирные мастерские в XII и в XVII вв., при этом вторая указанная мастерская, открытая нами в 2005 году, находилась восточнее площади Свободы (бывший рынок). Не исключено, что на улице Спасской мог проживать ремесленник-ювелир и в 1765 году.

первое монументальное сооружение жилого типа, упомянутая в тексте ревизии.

На улице Спасской, с левой стороны, располагались: $\frac{1}{2}$ пляца их милости «отцов иезуитов», расположенный «тылом к валу замковому», на котором жил Подгурский на дворике «его милости» А. Комендаша; $\frac{3}{4}$ пляца «ясновельможного» пана Зеновича, войскового полоцкого, с «двориком», который находился «тылом к валу»: 7 пляцев доминиканского монастыря («кляштора») с костелом; $\frac{5}{8}$ пляца и 6,5 локтей еврея Марки «в тыле» его же дома; $\frac{1}{8}$ пляца и 7,25 локтя «его милости» пана Александра Корсака «дворик»; «её милости» панны Кублицкой Ловчиной, на котором «до улицы» проживали в двух домах еврей Ейк и Янкель Шмуйловичи (размер пляца не указан); 1 пляц и 9 локтей «его милости» Михала Рыпинского, на котором проживал портной («кравец»), христианин Лукович; «славетного пана» Мироновича, лавника полоцкого, с домом (размер пляца не указан);

На улице Спасской, с левой стороны, располагались: $\frac{1}{8}$ «пустого» пляца и 3 локтя их милости «отцов францисканов»; $\frac{1}{8}$ «пустого» пляца и 2,5 локтя «его милости» пана Новельского; $\frac{1}{8}$ «пустого» пляца и 2 локтя без четверти их милости «отцов базилианов»; $\frac{5}{8}$ пляца и 1,5 локтя «ясновельможного» пана Невельского «дворик» застроенный; $\frac{1}{4}$ пляца без 1,5 локтя «ясновельможного» пана Максимовича; 1 пляц «его милости» пана Гребницкого, на котором жили 4 «господаря» христианина; $\frac{1}{4}$ пляца и 6 локтей их милости «отцов доминиканов», на котором жил Андрей Шева, «а теперь еврей» (имя не названо); $\frac{1}{8}$ пляца и 6 локтей «славетной» панны Вороничовой огород; $\frac{1}{8}$ пляца и полчетверти локтя портного Краёвского; $\frac{1}{8}$ и 4 локтя их милости «отцов богоявленских», на котором жил портной Ян Лопух; $\frac{1}{8}$ пляца их милости «отцов богоявленских» огород; $\frac{1}{4}$ «пустого» пляца и локтя 3 «его милости» пана Селицкого; $\frac{1}{4}$ и локтей 6 «учтливового» Яна Гойноковича, кузнеца; $\frac{1}{8}$ пляца и 6,25 локтя Габриеля Климковича огород; $\frac{1}{2}$ пляца и 8,5 локтя «его милости» пана Селявы «дворик» застроенный.

На улице Боровой, по направлению с улицы Пробойной в Плиговки, с правой стороны, располагались: $\frac{1}{4}$ пляца и 3,25 локтя «его милости» пана Гущи, на котором жил еврей Юда; $\frac{3}{8}$ «пустого» пляца и 3,25 «ясновельможного» пана Рыпинского; $\frac{1}{8}$ пляца и 1,5 локтя «ясновельможного» пана Годзевского; $\frac{1}{8}$ пляца и 0,5 локтя «ясновельможного» пана Корсака, скарбника; $\frac{1}{8}$ пляца панны Воробьёвой; $\frac{1}{4}$ пляца и 3,5 локтя «её милости» панны Мыслинской; $\frac{1}{4}$ пляца «ясновельможного» пана Максимовича; $\frac{1}{2}$ пляца и 3 локтя «ясновельможного» пана Козакевича «дворик застроенный»; $\frac{1}{8}$ пляца и 1,5 локтя «славетного» пана Стебута; $\frac{1}{8}$ пляца и полчетверти локтя их милости

«отцов базилианов»; $\frac{1}{4}$ пляца «его милости» пана Ковалевского; $\frac{1}{2}$ пляца их милости «отцов доминиканов»; $\frac{1}{4}$ пляца и 3,5 локтя Ромы Климовича.

Указанная в тексте местность «Плиговки» располагалась по направлению трассы улицы Боровой, очевидно, за городским парканом. Ранее нами было высказано предположение, что данная местность, которая неоднократно упоминается в актовых книгах XVII – XVIII стст., располагалась на улице Пробойной, напротив перевоза от реки Двины [Дук, 2010, с. 89]. В свете новых данных местоположение Плигавок следует определить за парканом, где-то по трассе улицы Боровой.

На улице Боровой, с левой стороны, располагались: $\frac{3}{4}$ пляца и 3 локтя «ясновельможного» пана Антония Реута, на котором жил «почтовый» Бутович; $\frac{1}{4}$ пляца и 9 локтей «учливой» Вроблевской с домом; $\frac{1}{4}$ пляца и 3 локтя «ясновельможного» пана Валериана Корсака, который жил в своем доме; $\frac{1}{8}$ пляца и 4 локтя «ясновельможного» пана Пшесецкого; $\frac{3}{8}$ пляца и полтрети локтя еврея Нохина Буселевича; $\frac{1}{8}$ пляца и 9 локтей без четверти «ясновельможного» пана Гребницкого, на котором жил Тимошек Рубис; $\frac{1}{8}$ пляца и 9 локтей в дисквизиции вдовы Онескевичовой; $\frac{1}{8}$ пляца и $\frac{1}{2}$ локтя «учливой» Мекевичовой; $\frac{1}{4}$ пляца и 4 локтя их милости «отцов францисканов»; $\frac{1}{4}$ пляца и 5 локтей «учливого» Крупского, писаря, в котором он сам и жил; $\frac{3}{8}$ пляца и 5,5 локтей, принадлежность которого не выяснена; $\frac{3}{8}$ пляца и 1,5 локтя Побочиловой; $\frac{3}{8}$ пляца и полтрети локтя их милости «отцов доминиканов».

На улице Азаровой, также по направлению от улицы Пробойной, с правой стороны располагались: $\frac{1}{4}$ пляца и 4 локтя «ясновельможного» пана Шкорня, на котором жил Антоний Гесевский; 1 пляц и 8 локтей «ясновельможного» пана Рафала Гласки «дворик застроенный»; $\frac{1}{8}$ «пустого» пляца и 9 локтей без четверти «ясновельможного» пана Рыпинского, старосты; $\frac{1}{8}$ пляца и «полседьмой» части локтя их милости «отцов базилианов»; $\frac{3}{8}$ пляца «её милости» панны Якуневичовой; $\frac{1}{2}$ пляца и 2 локтя Мовши и Йохонова с домом; $\frac{3}{4}$ «пустого» пляца и 5 локтей Онишкевича; $\frac{1}{4}$ пляца и 4 локтя сапожника Астафа; $\frac{3}{8}$ пляца и 1,5 локтя «учливого» Селезня; $\frac{1}{4}$ пляца и 8,5 локтя «учливого» Астапёнки, мясника («резника»).

На улице Азаровой, с левой стороны располагались: $\frac{5}{8}$ пляца и 4,5 локтя «ясновельможного» пана Игнатия Гласки, на котором жил Миколай Томашевский; $\frac{1}{8}$ пляца и 8,5 локтей их милости «отцов францисканов», на котором жил Ропачевич; $\frac{1}{4}$ пляца «учливого» Яна Шолома, мясника, «до улицы тылом»; $\frac{1}{8}$ пляца и 2 локтя без четверти «ясновельможного» пана Балодышевского, старосты; $\frac{3}{8}$ пляца и 1,5 локтя их милости «отцов доминиканов»; $\frac{3}{4}$ пляца и 3 локтя «ясновельможного» пана Рыпинского,

старосты Балодычевского; $\frac{1}{8}$ пляца и 1,5 локтя «ясновельможного» пана Исаковского; $\frac{1}{4}$ пляца и 6 локтей «его милости» пана Снарского; $\frac{1}{2}$ пляца и 3,75 локтя «его милости» пана Рыпинского, полоцкого ротмистра; $\frac{1}{2}$ пляца «его милости» пана Ленчынского.

На улице Степановой, по направлению от улицы Пробойной, с правой стороны располагались: $\frac{3}{8}$ пляца и полтрети локтя «ясновельможного» пана Гребницкого; $\frac{3}{8}$ пляца и 5,5 локтя «его милости» пана Гласки, поручика; $\frac{1}{8}$ пляца и 8,5 локтя их милости «отцов францисканов»; $\frac{3}{8}$ пляца «славетного» пана Яна Мироновича, лавника полоцкого; $\frac{3}{8}$ и 1 локоть «учтливового» Яна Бексевича, с домом; $\frac{7}{8}$ пляца и 7,5 локтей «дворик» «ясновельможного» пана Гласки, граничащий с предыдущим; $\frac{3}{8}$ пляца и 4,5 локтя «учтливового» Пошедки, кузнеца, с «домиком»; $\frac{1}{8}$ «пустого» пляца и 1,5 локтя их милости «отцов богоявленских»; $\frac{1}{8}$ «пустого» пляца и 2 локтя «славетной» панны Шапоньковой; $\frac{7}{8}$ пляца и с 6,5 локтями «пустой» пляц «его милости» пана Гизберта.

На улице Степановой, с левой стороны, располагались: $\frac{3}{8}$ пляца и полшестой части локтя их милости «отцов доминиканов»; $\frac{1}{4}$ пляца и 3 локтя «его милости» пана Соболевского огород; $\frac{1}{4}$ пляца и 6 локтей «славетного» пана Яна Мироновича огород; $\frac{3}{8}$ пляца и 3 локтя «учтливового» Конспелки, мясника, огород; $\frac{3}{8}$ пляца и 4,5 локтя «его милости» пана Кублицкого, полковника, «дворик»; $\frac{1}{2}$ пляца «славетного» пана Яна Мироновича, лавника полоцкого, с домом; $\frac{1}{2}$ пляца пана Бутрымовича; $\frac{1}{4}$ пляца «ясновельможного» пана Яковицкого «дворик»; $\frac{1}{2}$ пляца «учтливового» Леона Бекевича; $\frac{1}{4}$ пляца и 3 локтя Шолома; $\frac{1}{8}$ пляца и 6 локтей Онишкевича; $\frac{1}{2}$ пляца их милости «отцов доминиканов»; $\frac{3}{8}$ пляца и 5 локтей «учтливового» Яна Шпаковича, на котором и сам жил.

На улице Невельской, по направлению от улицы Пробойной, с правой стороны, располагались: $\frac{1}{8}$ пляца панны Анны Улашонковой; $\frac{1}{8}$ пляца «его милости» пана Глушанина; $\frac{1}{4}$ пляца без локтя «славетной» панны Анны Сломиной с домом; $\frac{1}{4}$ пляца и 3 локтя «учтливового» Вогеры, портного, с домом; $\frac{3}{8}$ пляца и 4,5 локтя «учтливового» Миколаевича с «домиком»; $\frac{1}{4}$ пляца их милости «отцов доминиканов» с двумя «домами», в одном жил почтовый работник (имя не названо), в другом – Конопелька, мясник; $\frac{1}{4}$ пляца «учтливового» Теодора Данисевича, сапожника, с «домиком»; $\frac{3}{8}$ пляца и 3 локтя «учтливового» Яна Лукашевича, портного, с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и 7,5 локтя их милости «отцов францисканов»; $\frac{5}{8}$ пляца и 3 локтя «её милости» панны Далевайлиной; $\frac{1}{4}$ пляца и 1,5 локтя их милости «отцов доминиканов»; $\frac{3}{8}$ пляца и 8,5 локтей «его милости» пана Лекевича; $\frac{1}{8}$ пляца и 8 локтей «учтливового» Астапа Рапцевича, кузнеца.

На улице Невельской, с левой стороны, располагались: $\frac{3}{8}$ «пустого» пляца «его милости» пана Максимовича; $\frac{3}{8}$ «пустого» пляца их милости «отцов францисканов»; $\frac{3}{4}$ пляца «учтливового» Дырынского, сапожника, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца и 6 локтей Григория Лукашевича, портного, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца и 9 локтей панны Деливайлиной; $\frac{3}{8}$ пляца и 3 локтя «ясновельможного» пана Ленкевича; $\frac{3}{8}$ пляца и полшестой части локтя «его милости» пана Ленкевича «дворик»; $\frac{1}{8}$ пляца и 5 локтей «его милости» пана Будзьки; $\frac{1}{8}$ пляца их милости «отцов доминиканов»; $\frac{3}{8}$ пляца и 7 локтей «учтливового» Явашкевича, сапожника; $\frac{1}{4}$ пляца «его милости» пана Сибкевича; $\frac{1}{8}$ пляца и 4,5 локтя их милости «отцов францисканов».

На улице Собачьей, в самом «месте», с правой стороны, располагались: $\frac{5}{8}$ пляца и 3 локтя «его милости» пана Камёнки и «учтливой» Павашневичовой; $\frac{3}{4}$ пляца без собственника; $\frac{1}{2}$ пляца «славетной» панны Шапоньковичовой.

На той же улице, с левой стороны, располагались: 1,75 пляца и 3 локтя их милости «отцов иезуитов» костёла св. Креста, на котором были юридики трёх «господарей»; $\frac{1}{4}$ «пустого» пляца учтливового Григория Лукашевича; $\frac{1}{4}$ «пустого» пляца «отцов богоявленских» до самой реки Полоты; $\frac{1}{2}$ «пустого» пляца учтливового Олейника, сапожника; $\frac{1}{4}$ пляца «славетного» пана Камновича; $\frac{1}{4}$ пляца «славетной» панны Шапонькевичовой, $\frac{1}{2}$ пляца их милости «отцов доминианов».

В приведенном тексте упомянута юридика иезуитов на территории Великого посада – возле костёла св. Креста. Этот костёл обозначен на ряде планов Полоцка XVIII века (1707, 1720-х, 1778 гг.) [Дук, 2010, мал. 31–33, 38]. По материалам ревизии можно с уверенностью судить о том, что улица Собачья располагалась самой северной на территории «места», это значит на Великом посаде.

На улице Пробойной, по направлению от реки Двины через рынок к реке Полоте, с правой стороны, располагались: $\frac{1}{4}$ пляца и 3 локтя Шавела Мовшевича, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца Мовши Израйловича с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и 4 локтя Шмуйлы Давидовича, с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и 8,5 локтя Мовши Азыровича, с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и 8 локтей Аарона Абрамовича, с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и локтей 8 панны Мушинской с домом; $\frac{3}{8}$ пляца и 3 локтя Файвишевича, с домом; $\frac{3}{8}$ пляца и 5 локтей Бениша Боруховича, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца и 6 локтей «ясновельможного» пана, полоцкого подвоеводы, на котором жил еврей Хаим; $\frac{5}{8}$ пляца и 5 локтей еврея Мордхела, с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и 4 локтя еврея Авсея Израеловича, с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и 4,5 локтя «его милости» пана Коллешы, на котором жил еврей Иосел; их милости «отцов доминиканов» три дома, в которых жили евреи Мойка и Шая (размер пляца не указан); 1 пляц «ясновельможного» пана Гребницкого с «двориком», на

котором жил еврей Ицик; $\frac{1}{4}$ пляца «её милости» панны Андреевой Корсаковой, на котором жил еврей Моцка; $\frac{1}{8}$ пляца и 7,5 локтей «его милости» пана Гласки; $\frac{3}{8}$ пляца «его милости» пана Глушанина; $\frac{7}{8}$ пляца и 5 локтей панны Улашонковой, с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и 4,5 локтя «учливой» Лавашневичовой с «домиком»; $\frac{1}{8}$ пляца и 8,5 локтей «ясновельможного» пана Гласки, на котором жил Иерома «в дворку панском»; $\frac{1}{4}$ пляца «его милости» пана Вишневого, с «двориком»; 1,25 пляца и 8 локтей «его милости» пана Герейка, с «двориком».

На улице Пробойной, с левой стороны, располагались: $\frac{1}{4}$ пляца Лыски Мейоровича, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца и 9,5 локтя Юды Мейоровича, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца и 3 локтя Арона Гиршовича, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца Даенеля Янkelовича, с домом; кляштор «их милости» «отцов доминиканов» (размер пляцев не указан); $\frac{3}{4}$ пляца Зелика Берговича, с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и 6 локтей «его милости» Томаша Гласки, на котром жил еврей Мовша Зелманович; $\frac{3}{4}$ пляца и 9 локтей «его милости» пана Кулешова, на котором жил Ёзеф Блейхаш; 1,25 пляца и 9 локтей пана Гласки, старосты, с «двориком»; $\frac{3}{4}$ пляца «его милости» панны Корсаковой, с «двориком»; $\frac{3}{4}$ пляца пана Гласки, на котором жили двое «господарей» – Ёшка, портной, и Теодор Павашневич, мясник; 1,5 «пустого» («не в использовании») пляца «славетной» панны Улашонковой.

На улице Пробойной, «на конце места»⁹, недалеко от бывшего паркана, по направлению от реки Двины, располагались: $\frac{1}{4}$ пляца «учливого» Леоновича, с «домиком»; $\frac{1}{4}$ пляца и 5 локтей их милости «отцов богоявленских» огород; $\frac{1}{4}$ «пустого» пляца «её милости» панны Абрамовской; $\frac{3}{4}$ пляца и 7,5 локтей «славетного» пана Ларовского, с домом; $\frac{3}{4}$ пляца «славетного» пана Малаховича, полоцкого райцы, с домом; $\frac{1}{4}$ «учливого» Яна Берчанина, с домом; $\frac{3}{8}$ пляца и 8,5 локтя «учливого» Шолома, мясника, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца «учливого» Рувиша Титили с «домиком»; $\frac{1}{4}$ пляца «учливого» Лухова и его кузнеца, с домом; $\frac{1}{2}$ пляца в дисквизиции «ясновельможного» пана Максимовича; $\frac{1}{8}$ пляца «учливого» Астапёнка, мясника, с домом; $\frac{1}{8}$ «пустого» пляца и 1,5 локтя «учливого» Бексевича; $\frac{3}{8}$ пляца и 2,5 локтя «учливого» Швеего, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца «учливого» Астапёнка, с «домком»; $\frac{1}{2}$ пляца «ясновельможного» пана Рауцкокого, с «двориком»; $\frac{1}{2}$ «пустого» пляца «его милости» пана Гизберта; 1,25 пляца «славетного» пана Мироновича, с гумном; $\frac{3}{8}$ пляца «славетного» пана Малаховича; $\frac{1}{4}$ «пустого» пляца «учливой» Явашневичовой.

⁹ Упоминание отдельной (северной) части улицы Пробойной не случайно. В районе улицы Боровой улица Пробойная раздваивалась и основная её часть смещалась к валу и выходила за пределы паркана через т. н. башню-фортку, именно по этой причине ревизор вынужден прибегнуть к отдельному описанию участков в данной части улицы.

Пляцы за парканом, на которых имеется недвижимость, по направлению с посада («места»), начиная от моста, до Пшесмушек, с левой, незастроенной («голой»), стороны, были расположены: $\frac{5}{8}$ пляца «учтывого» Мелешки, портного, с домом; $\frac{5}{8}$ пляца «ясновельможного» пана Шыбеки, с «домиком»; $\frac{1}{2}$ пляца «учтывого» Бородавки, ткача, с домом.

Далее следуя указанному направлению, возле кладбища («церковища») св. Покрова, на трёх пляцах, жили 5 христиан, из них – два пивовара («броварника»), 2 плотника («тесляра»), один – дозорный; $\frac{1}{4}$ пляца и пол трети локтя занимал «дворик» «его милости» Шадзевского.

В приведенных выше описаниях упоминается бывший городской паркан, который к моменту составления ревизии уже не поновлялся, как минимум, с 1721 года [Дук, 2010, с. 105]. Местность «Пшесмушки» известна также под названием «Прасмужки», являлось “сяльцом” с пахотными землями и сенажатами вокруг и располагалась на восток от Великого посада, за волотовками [Дук, 2010, с. 100]. Указанное направление «с посада» свидетельствует о продолжении улицы Великой, с левой стороны которой располагалось покровское кладбище, возле которого в 1781 г. была возведена деревянная Покровская церковь [Дук, 2010, с. 83].

На этой же улице, которая вела от бывшего паркана до Пшесмушек, с правой стороны были расположены: 1 «давний» пляц «zborowu»¹⁰, а теперь «их милости» «отцов иезуитов», на пляцу жили 7 «господарчих» христиан; $\frac{1}{4}$ пляца «ясновельможного» пана Буйницкого, на котором жили двое «господарей»: Михал Войцеховский и Бутрымович; $\frac{1}{4}$ пляца «учтывого» Фрояна Мацкевича, ткача, с «домиком»; $\frac{1}{4}$ пляца «в тыле того домика», на Двине, «учтывого» Иллинича огород; $\frac{5}{8}$ и 6 локтей «учтывого» Иллинича, с домом; $\frac{3}{4}$ пляца «учтывого» Пятника, кожевника («гарбаря»), с «домиком»; $\frac{1}{4}$ пляца «в тыле отцов богоявленских»; $\frac{1}{4}$ пляца «отцов базилианов», на котором жил еврей Мовша; 1 «пустой» пляц «учтывого» Лойхалы; $\frac{1}{2}$ пляца «учтывого» Козёнка, кожевника; 1,5 пляца их милости «отцов богоявленских», на котром жили 3 бобыля; $\frac{1}{4}$ пляца «его милости» пана Шадурского с «домиком»; $\frac{1}{2}$ пляца «ясновельможного» пана Верыги, с «домиком».

На Верхнем замке располагались пляцы (без указания размеров): 13 домов «господарей» юридики при костёле св. Петра, вдоль вала, в домах проживало 26 человек, далее разбит сад и 3 дома вдоль сада их милости «отцов иезуитов», «месту не принадлежащих».

¹⁰ Очевидно, ранее пляц принадлежал кальвинскому сбору, а на момент составления ревизии – «отцам иезуитам».

На Нижнем замке располагались: $\frac{1}{2}$ пляца и 7 локтей «ясновельможного» пана Оскерки «дворик»; $\frac{1}{2}$ пляца и 2 локтя «ясновельможного» пана Есмана «дворик», $\frac{3}{8}$ пляца и 8 локтей «ясновельможного» пана Гласки; $\frac{3}{8}$ пляца и 4 локтя «ясновельможного» пана Реута; $\frac{1}{2}$ пляца и 4 локтя «ясновельможного» пана Гребницкого, писаря; $\frac{1}{4}$ пляца их милости «отцов францисканов»; их милости «отцов доминиканов» (без указания размеров); $\frac{1}{4}$ пляца Дзякелевича.

Наличие на Нижнем замке всего лишь 8 усадеб подтверждает данные, полученные нами во время археологического изучения, о маргинализации данной территории города после 1579 года и в рассматриваемый период.

За рекой Двиной, на левом берегу, напротив города, по направлению от реки Двины по улице Великой к Кабаку Боханьскому, с правой стороны располагались: костёл с кляштором их милости «отцов бернардинов»; $\frac{7}{8}$ пляца «его милости» пана Сытянки, с домом, в котором и сам жил; $\frac{3}{8}$ пляца и 1,5 локтя «ясновельможного» пана Рагозы, на котором жили: Тошина Булакова и еврей Лейбович; $\frac{3}{8}$ пляца «в тыле» вышеуказанного дома Сытянки огород; $\frac{1}{8}$ пляца и 3 локтя «учтивого» Анисима Маркевича, слесаря, дом; $\frac{1}{8}$ пляца Сытянки «в тыле» вышеуказанного участка, подле огорода; $\frac{1}{8}$ пляца и 2 локтя «ясновельможного» пана Рагозы, на котором жил портной; $\frac{1}{4}$ пляца еврея Ярохима Маркевича; $\frac{1}{8}$ «пустого» пляца и 3 локтя «учтивого» Соболевского; $\frac{1}{8}$ пляца и 9 локтей «его милости» пана Рагозы; $\frac{1}{2}$ пляца и 6 локтей их милости «отцов борисоглебских», на котором жили: храмовый работник («схрамioneк») и кузнец; 1 целый пляц и часть в $\frac{1}{8}$ пляца «в тыле» указанных домов пана Сытянки пашня; $\frac{1}{4}$ пляца «ясновельможного» пана Лобковского «дворик».

На Кобаке Боханьском, по направлению «в гору», в 1765 году зафиксировано в «оседлости» указанных ранее в ревизии от 2 августа 1540 года 71 и $\frac{1}{4}$ пляцев. Эти пляцы согласно королевскому декрету 20 апреля 1622 года были переданы магистрату, что подтверждается в тексте ревизии 1765 года¹¹. Ранее эти пляцы находились под юрисдикцией Боханьского, а после «благославленного» Исафата Кунцевича и Бернарда Хмельницкого, игумена Борисоглебского монастыря, в 1623 году были переданы городу Полоцку. В 1746 году Бельчицкие базилиане забрали под свою власть население более 80 мещанских дворов, находившихся в юрисдикции Борисоглебского монастыря.

За рекой Двиной, на бывшем Кривцовом посаде, который ранее назывался городским и принадлежал полоцкой ратуше, по направлению от

¹¹ За исключением части «землепашцев», которые оставались под юрисдикцией Боханьского, ремесленники, сидевшие на землях Боханьского, должны были платить ему чинш [Макараў, 2014, с. 20].

улицы и далее до церкви Святого Николая и реке Двине, располагались: 5/8 пляца «его милости» Игнатия Жука, на котором в восьми домах жили ремесленники-христиане; 3/4 пляца «ясновельможного» пана Улановского, на котором было 3 дома и столько же жило «господарей»; 3/8 пляца «его милости» пана Шезыта, на котором жил еврей; 3/8 пляца «его милости» пана Жабы, на котором жил кожевник Давид; 1/4 пляца «ясновельможного» пана Винцента Жука, на котором жила Онишка Молашова; 1/4 пляца «ясновельможного» пана Жабы, на котором был дом Давида, кожевника; 1/8 пляца «учтывого» Давида Помелонка; 3/8 пляца и 3 локтя «ясновельможного» пана Бецкого, на котором жил Ян, кожевник; 1/2 пляца Марка, кожевника; 3/8 пляца «ясновельможного» пана Жабы, на котором проживали двое «господарей» кожевников; 3/4 пляца «ясновельможного» пана Александра Буйницкого («дворик»); 1/2 пляца их милости «отцов доминиканов», на котором жил Роман Янулейбиш; 1/2 пляца «ясновельможного» пана Жабы, на котором жили двое «господарей» кожевников; 1/2 пляца «ясновельможного» пана Жука, лесничего, на котором жил Яким, кожевник; 2 пляца «его милости» пана Добошинского, на котором было 5 домов с аналогичной численностью «господарей» кожевников; 3 пляца их милости «отцов францисканов» с 4 домами «господарей»; 7 пляцев «ясновельможного» пана Салистровского, на которых жило 7 «господарей»; 7 пляцев пашни «ясновельможного» пана Салистровского.

В данном тексте приводится единственное в ревизии упоминание названия одного из посадов – Кривцового, очевидно, что к середине XVIII века названия посадов более не употреблялись. Впервые указано название улицы Великой, которая ныне не существует, но её изображение имеется на картах первой трети XVIII века (рисунок 2).

На горе, со стороны церкви Святого Николая, располагались: 4 пляца «его милости» пана Жабы, на которых жили 8 «господарей»; 8 пляцев «ясновельможной» панны Реутовой Обозниной, на которых был один застроенный Тихановичский «дворик», остальные пляцы были пусты; 3 пляца «ясновельможного» пана Антония Реута, на которых находилась корчма и жили 7 «господарей»; 1/4 пляца по направлению «с горы» «его милости» пана Томаша Реута, на котором проживали два «господаря»; 1/4 пляца «ясновельможного» пана Антония Реута, на котором жили 2 «господаря»; 1/4 пляца «его милости» пана Сумковского, на котором жил «господарь».

В тексте отмечено, что в ревизию не вошли многочисленные задвинские «грунты», на которых население не занималось ремесленной деятельностью. Аналогичная ситуация с достаточно большим числом

землепашцев на задвинских посадах наблюдалась и в предыдущие два столетия.

Таким образом, ревизия дает представление о ремесленных специализациях в Полоцке. Так, в тексте указаны ряд ремесленных специальностей со следующей численностью людей: кожевники (16), сапожники (12), портные (9), кузнецы (8), мясники (7), цирюльники (3), плотники (2), ткачи (2), пивовары (2), почтовые работники (2), кучеры (2), слесари (2). Также по одному представителю названы такие ремесленники, как оружейник, скорняк, переплётчик, храмовый работник и, возможно, ювелир. Реальное количество ремесленников было значительно большим, поскольку в тексте ревизии они, как правило, названы огулом «людьми господарчими» без детализации профессий.

Важными топографическими маркерами, упомянутыми в полоцкой ревизии, являются следующие. На улице Великой (сегодня – Нижне-Покровская) была расположена еврейская школа. От места её расположения начинается заулок Пробойный, который тянулся до улицы Вознесенской (в наши дни улица Вознесенская не существует). На улице Вознесенской расположены церковное кладбище. Улица Рождественская начиналась от улицы Великой (сегодня улице Рождественской соответствует улица Стрелецкая). От неё брала начало улица Ильинская (сегодня – южная улица проспекта Франциска Скорины), которая тянулась к рынку (сегодня – площадь Свободы). С правой стороны она была застроена зданием иезуитского коллегиума, тут же был разбит сад до улицы Вознесенской (ранее эта территория была заселена мещанами). С левой стороны данной улицы располагался коллегиум иезуитов с фарным костёлом и рынок, с расположенными на нём кромами (складами). Неоднократно упомянутые в источниках XVII века улицы Батечковая (сегодня – северная улица проспекта Франциска Скорины), Спасская (Замковый проезд), Боровая (сегодня не существует) указаны и в ревизии 1765 года, на улице Спасской с левой стороны был расположен кляштор доминиканов с костёлом. Улица Боровая тянулось по направлению к Плигавкам. Улицы Азаровая (сегодня – Коммунистическая), Степановая (сегодня не существует), Невельская (сегодня – Войкова) и Собачья (локализована впервые, сегодня соответствует трассе улицы Франциска Скорины) начинались, дословно согласуясь с текстом ревизии, не от улицы Пробойной. Последняя локализована от реки Двины до реки Полоты и, вероятно, севернее улицы Боровой, которая берет начало от улицы Пробойной, отклонялась на восток на место современной улицы Евфросинии Полоцкой и т. н. Красного моста через Полоту. Улицы Вознесенская, Боровая и Степановая были ликвидированы в связи с

укрупнением кварталов после присоединения Полоцка к Российской Империи.

Средний размер пляца была величиной постоянной, что отражено в материалах ревизии задвинской местности, т. н. Кобака Боханьского – в 1765 году зафиксированы в «оседлости» все указанные во время ревизии 2 августа 1540 года 71 и $\frac{1}{4}$ пляца.

Упоминание на улице Ильинской кирпичного корпуса коллегиума и местности, где располагался сад, позволяет определить средний размер пляца, исходя из общей конфигурации зданий, сохранившихся к настоящему времени, и площади территории с южной стороны коллегиума до трассы бывшей улицы Вознесенской [Соловьёв, 2012, схема 4]. Так, среднее расстояние между двумя улицами в Полоцке на территории Великого посада варьировалось от 35 до 40 метров, в среднем составляла 35 метров. Один ряд участков, который не выходил к соседней улице, имел ширину, равную половине этого расстояния, т. е. около 15–20 метров (среднее значение – 17,5 метров). Указанные в ревизии 6,5 пляцев располагались от улицы Рождественской до притвора фарного костёла иезуитов (расстояние 200 метров) и тянулись до самой улицы Вознесенской, т. е. на ширину около 35 метров. Таким образом, общая площадь 6,5 пляцев была равной 7000 кв. м (35 x 200), а одного пляца – около 1077 кв. м. (7000 / 6,5).

Произведем аналогичные расчёты по указанным земельным наделам с северной стороны улицы Батечковой. Так, общее расстояние от рынка до бывшего парка составляет около 370 м, ширина участка в среднем 17,5 м, суммарное количество, указанное в ревизии – 4,75 пляца¹² или 6475 кв. м (370 x 17,5), от этой площади следует отнять 605 кв. м локтей (0,64 x 54 x 17,5). В итоге один пляц составляет площадь 1236 кв. м (5870 / 4,75).

Таким образом, площадь пляца можно определить в диапазоне от 1077 до 1236 кв. м., величина его площади была постоянной на протяжении по крайней мере XVI–XVIII вв.¹³, таким образом, размер земельного участка кратный $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ пляца составлял соответственно 125–150, 250–300, 500–600 кв. м. Это полностью совпадает с имеющимися археологическими данными по размеру одной городской усадьбы на ул. Великой (около 300 кв. м) и на Верхнем замке (100–160 кв. м) [Дук, 2005, с. 100]. Высказанные нами ранее предположения о площади отдельных земельных участков в Полоцке следует считать ошибочными (за основу принималась площадь участка, отождествляемая с площадью пляца) [Дук, 2005, с. 92].

¹² Некоторые указанные в тексте участки доходили до улицы Спасской, поэтому указанная доля этих пляцев во время подсчётов была уменьшена вдвое.

¹³ Аналогично можно предполагать и для более раннего периода.

Упомянут в тексте ревизии 1765 года и бывший паркан, а также церквище Покровской церкви за парканом, ровно как и мост через ров бывшего паркана по трассе, вероятно, улицы Великой. Упомянуты иезуитские юридики в “месте” св. Креста и на Верхнем замке. Довольно подробное описание дворов на территории бывшего Кривцового посада и направление улиц коррелируется с картографическими источниками первой четверти XVIII века. Впервые приведено название улицы Великой на территории бывшей Старой Слободы (от перевоза к местности Кобаку Баханскому и Бельчицкому Борисоглебскому монастырю).

Тем не менее, материалы ревизии нельзя считать полными, поскольку не отражена численность пляцев на территории за Полотой, на бывшем Заполотском посаде. Трудно представить, чтобы данная территория, насчитывающая по наличию культурного слоя с городским характером находок XVIII века около 17 гектаров, в 1765 году была не заселена. Также в тексте ревизии не упоминается крупнейшая юридика иезуитов – Экимань.

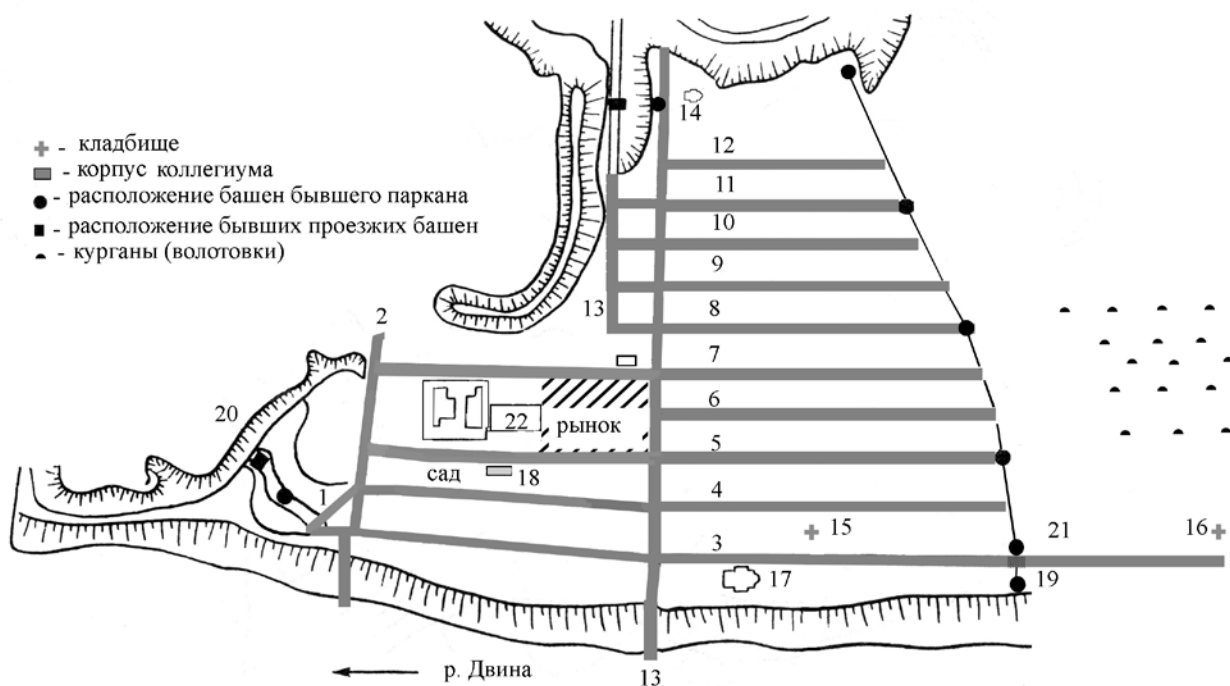
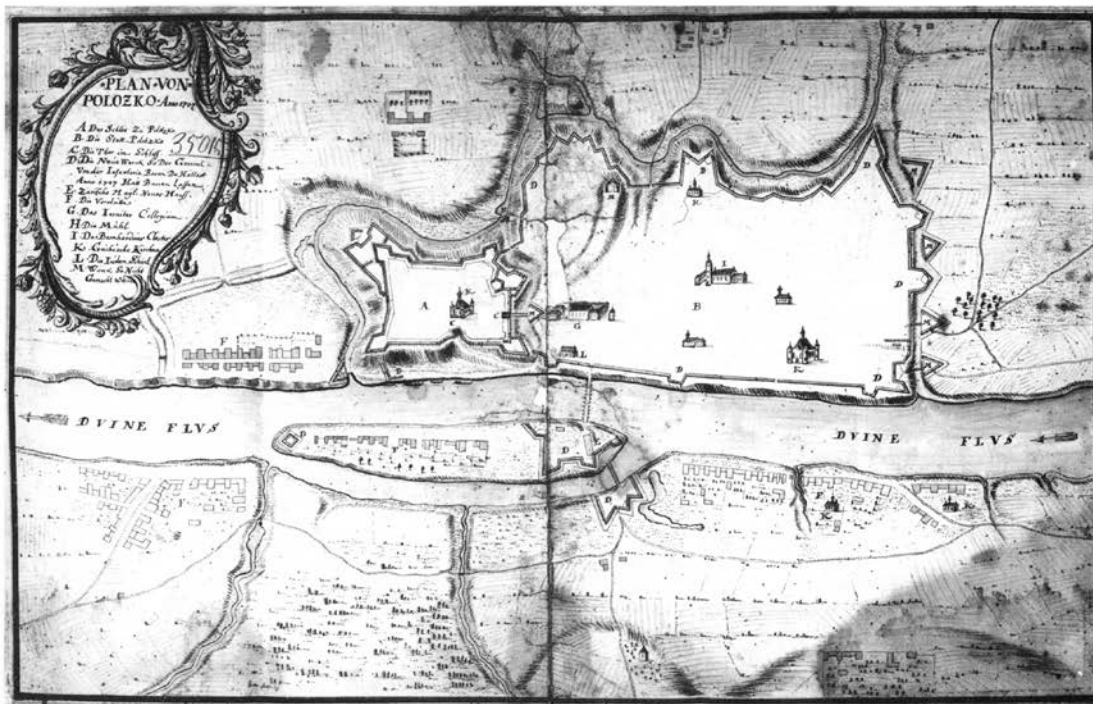

Рисунок 1. План центральной части Полоцка согласно ревизии 1765 года с обозначением топографических объектов: 1 – заулоч Пробойный, 2 – улица Рождественская, 3 – улица Великая, 4 – улица Вознесенская, 5 – улица Ильинская, 6 – улица Батечковская, 7 – улица Спасская, 8 – улица Боровая, 9 – улица Азаровая, 10 – улица Степановая, 11 – улица Невельская, 12 – улица Собачья, 13 – улица Пробойная, 14 – костёл св. Креста, 15 – Воскресенское кладбище, 16 – Покровское кладбище, 17 – Богоявленская церковь, 18 – «заложенный» мурованный корпус коллегиума, 19 – мост через ров бывшего

паркана, 20 – юридика иезуитов на Верхнем замке, 21 – «грунты» за парканом, 22 – фарный костёл иезуитов и коллегиум.

Р

Рисунок 2. План Полоцка 1720-х гг. [5, с. 26] (вверху) и копия части плана с обозначением топографических объектов, упомянутых в ревизии (внизу): 1 – церковь св. Николая, 2 – бернардинский кляштор, 3 – улица Великая, 4 – Бельчицкий Борисоглебский монастырь и местность «Кобак Боханьских».

2 Кризис традиционных форм вителитивной культуры белорусского помещного дворянства в контексте общероссийских социально-политических процессов (XIX — н. XX в.)

2.1 Тенденции эволюции материальной культуры помещного дворянства Беларуси

На протяжении XIX века помещная архитектура Беларуси находилась под влиянием преимущественно классицизма и романтизма, в конце столетия — эклектики. В создании местных архитектурных ансамблей принимали участие как отечественные, так русские и западноевропейские архитекторы. Постройки в стиле классицизма содержали как элементы античных ордеров, так и черты местных архитектурных традиций. В архитектуре романтизма использовались формы ретроспективной готики. Чрезвычайно широким был спектр стилистических заимствований в архитектуре эклектики. На зарубежные образцы и архитектурную моду наиболее последовательно ориентировалась аристократия [Патоцкі, 1997, с. 8].

Сельские и городские усадьбы, несмотря на влияние изменчивой архитектурной моды, сохраняли определенную преемственность с традицией, наличие постоянных элементов, которые составили особый тип усадебного ландшафта. Помещики нередко размещали на своих землях храмы, как католические, так униатские и православные, с характерными для этих конфессий архитектурно-стилистическими особенностями. В усадьбах устраивались сады и парки. В отечественных парках могли параллельно сосуществовать признаки регулярного и пейзажного стилей, в которых наблюдались итальянские, французские, английские влияния. Таким образом, в усадебных и усадебно-парковых ансамблях данного периода в Беларуси часто сочетались архитектурные формы нескольких направлений [Базан, 1993, с. 176].

Дом небогатого владельца усадьбы часто соответствовал местным образцам жилья зажиточного крестьянства [Gloger, 1907, s. 149]. От крестьянского дома подобные постройки отличались наличием трубы у печи, дощатого пола, оконного стекла. Усадьба мелкого землевладельца сохраняла традиционный замкнутый или П-подобный тип застройки и планировки дома (дом+сени+дом), который насчитывал четыре или пять комнат. Дом разделялся сенями на хозяйственную (кухня, чулан) и частную (спальная, столовая) половины. Репрезентативная часть могла отсутствовать или включать в себя одну комнату, которая функционировала только в праздничные дни. Распространенным типом жилья небогатого землевладельца являлся одноэтажный прямоугольный в плане необитый

доской сруб с четырехскатной крышей из двухколонным или чатырохколонным портиком-крыльцом посредине и небольшой мансардой над ним [Лакотка, 1995, с. 170; Кулагін, 2001, с. 7]. Дом хозяина средней зажиточности разделялся на парадную и частную половины, и мог насчитывать от семи до десяти комнат (столовая, гостиная, салон, отдельные комнаты помещика, помещицы и их детей). Хозяйственная часть обычно выносилась наружу. Усадьба зажиточного владельца насчитывала более десяти комнат, имела анфиладную (двухрядную или однорядную) планировку, реже — коридорную. Использовался и смешанный тип внутренней организации пространства дома. Когда имелись два этажа, парадная и частная половины, как правило, размещались каждая на своем уровне [Кулагін, 1998, с. 221]. Дом строился по возможности на возвышенности, среди красивых пейзажей, в глубине усадьбы. Перед жильем находился парадный двор с газоном, клумбой, одним—двумя флигелями, за домом — хозяйственный (с лямусом, свирном или клетью, конюшней, сараем, баней). Хозяйственные постройки зажиточной усадьбы — коптильни, винокурни, кузницы, ледники, мельницы — могли располагаться в парке. Двор имел ограждение с воротами [Цітоў, 1996, с. 75—105].

В первой четверти XIX столетия отсутствовало точное разграничение функций комнат, которые могли отличаться только по цвету стен и соответствующей обивки мебели. Сени разделяли дом на репрезентативную и хозяйственную части. Отдельную функциональную принадлежность имели гостевая и столовая, с которой граничили один или два кренсца. Обычно имелось одна—две спальных покоев, иногда с отдельными гардеробными, альковом. В кабинете, канцелярии или библиотеке принимались официальные посетители. Для слуг отводились отдельные помещения.

Со второй четверти XIX столетия за комнатами закреплялась точная функциональность. Новые представления о комфорте и светских забавах, которые пришли с Запада, а также изменение в положении женщины привели к появлению будуаров и салонов. Будуары были местом, где женщина отдыхала, принимала близких посетителей, занималась косметическими процедурами. Активная роль отводилась женщине в салоне, где проходились семейные торжества. С началом XIX столетия распространяется обычай украшать в салоне рождественскую елку [Bystroń, 1976, s. 49]. В зажиточных дамах появляются также вестибюли, холлы, бильярдные комнаты. Имелись также бальные залы, портретные галереи, домашние часовни, зимние сады и оранжереи, где выращивались экзотические растения. В зажиточных семьях для детей отводилась несколько комнат — спальные (для разных возрастов и пола отдельно) и для обучения.

Освещались усадьбы масляными лампами и самодельными свечами из животного жира и воска. Использовались бронзовые, латунные, серебряные или деревянные с позолотой люстры, настенные хрустальные бра, бронзовые многорожковые канделябры, фарфоровые лампы. Усадебное жилье отапливалось шведскими или голландскими кафельными печками, каминами. Их декоративное оформление соответствовало главенствующим художественным стилям. Чаще всего они имели прямоугольные формы. Употреблялась преимущественно кафель местного производства, изготовленная по саксонским, французским или голландским образцам [Лакотка, 1995, с. 188]. Во вкусе эстетики классицизма использовался однотонный кафель с рельефным декором [Сахута, 2005, с. 67]. В отделке каминов использовался мрамор, гранит, барельефы, кованые ограждения [Кулагін, 1998, с. 171].

Пол обычно был дощаным. В репрезентативных комнатах использовался паркет, ковры турецкого, персидского или местного производства. В хозяйственных комнатах пол мог быть кирпичным. Стены покрывались обоями (штоф, атлас), дубовыми панелями или украшались художественными росписями, лепкой, гобеленами. На местных мануфактурах над технологией и орнаментам тканей для обоев работали мастера из Бельгии, Голландии, Германии, Франции, Швейцарии. В сюжетах гобеленов использовали мотивы полотен западноевропейских художников, а также геральдики [Лакотка, 1997, с. 242].

В течении XIX столетия в Беларуси в богатых усадьбах использовалась мебель разнообразной стилистики: в стили Людовика XV, Людовика XVI, ампир, бидермейер. Пользовалась спросом импортная мебель [Барташевич, 2004, с. 179]. Богатые семьи заказывали местным художникам эскизы мебели, интерьеров и декораций для торжеств [Куль-Сяльверстава, 2000, с. 165]. Однако чаще всего местные образцы копировали западные. Тенденцией эпохи было стремление к комфорту. Организация интерьера ближе к середине XIX столетия становилась более свободной, лишалась симметрии. Модными сделались интерьеры с историко-этническим акцентом — античным, турецким, мавританским, индийским. Вестибюли оформлялись часто в «охотничьем» стиле с использованием трофеев — медвежьих и волчьих шкур, мебели с инкрустацией из рога. Частью интерьера являлись музыкальные инструменты — рояль, пианино, клавесин. Салоны, гостиные украшались большими зеркалами в рамах. В домах небогатых владельцев мебель преимущественно была самодельной традиционных образцов (сундуки, скамьи, столы, стулья), которую красили обычно в зеленый и красный цвета. Мягкая мебель в таких домах отсутствовала [Massalski, 1924, s. 222]. Пол в доме мелкой шляхты подчас посыпался рубленным айром.

Подоконники украшали вазоны с цветками (герань, бальзамина, турецкий перец).

Интерьер богатых усадеб украшали художественные коллекции. В собраниях живописи преобладали пейзажи в итальянском и голландском стилях, французские гравюры, картины на религиозные и исторические сюжеты, семейные портреты. Подобные галереи формировались как из копий, так и оригинальных произведений зарубежных и отечественных авторов. В интерьере богатых усадеб присутствовали также скульптура, часы, гобелены. В столовых в зажиточных семьях можно было увидеть коллекции саксонского, французского, итальянского, китайского фарфора, столового серебра. Посуда, стеклянные художественно-декоративные изделия были часто местными, но технология их производства происходила из Голландии, Германии, Франции [Лакотка, 1995, с. 186; Сахута, 2005, с. 208]. К элементам традиционного интерьера можно отнести коллекции оружия, портретные — «сарматские» — галереи предков, ржаные венки с полевыми цветами в интерьере сеней. В домах небогатых землевладельцев можно было встретить религиозные полотна, недорогие гравюры и портреты исторических деятелей, приобретенные у странствующих торговцев [Morawski, 1929, s. 92].

После восстания 1830—1831 годов местное католическое дворянство сосредоточилось на частной жизни, усилился гедонистический аспект материальной культуры. С изменением общественных приоритетов происходила трансформация бытовой среды. Зажиточные дворы переделывались согласно западноевропейским критериям комфорта, гигиеничности, функциональности, светского этикета. За образцы брались английские коттеджи и итальянские виллы. Старые усадьбы обычно перестраивались молодыми хозяевами. Большой урон наносили пожары. Многие поместья в итоге конфискации переходили к новым владельцам, что также не способствовало сохранению традиционных интерьеров.

Для зажиточной части белорусского дворянского общества примером для подражания служили аристократические круги Варшавы и Санкт-Петербурга, которые в свою очередь ориентировались на вкусы западноевропейской моды — Парижа, Дрездена, Лондона. Даже в небольших провинциальных белорусских городах барышни находили возможность заказывать бальные платья, шляпки, перчатки, обувь в Варшаве [Шпилевский, 1992, с. 47]. Представители аристократических семейств значительную часть времени проводили в столицах и курортах Западной Европы. Среди этой части привилегированного общества усвоение новых тенденций европейской моды происходила наиболее оперативно.

XIX столетие ознаменовалось космополитизацией моды. Ускоренное развитие промышленности, демократизация общества, динамические изменения художественных стилей способствовали появлению новых тканей, аксессуаров, что обостряло конкуренцию и стимулировало развитие моды. Многие виды ткани, фурнитуры завозились извне. Однако востребованными на внутреннем рынке оставались также и отечественные изделия: сукно фабрик графа Потоцкого, Каминского и Скимунта, бумагея логойской фабрики графа Тышкевича. Мужская и женская обувь минских сапожников имела спрос как в Беларуси, да и за ее границами [Шпилевский, 1992, с. 150]. Еще одной причиной динамизации моды явилось повышение женской конкуренции на брачном рынке. Редуты — коммерческие балы и маскарады — открывали возможность женщинам, которые происходили из небогатых семей, обратить на себя внимание аристократов. Повышение социальной мобильности делала моду инструментом достижения успеха. Увеличивалась роль салонов в механизме принятия политических решений. Салоны совмещали игровые формы времяпрепровождения с общественно-политическими дебатами, и делали моду фактором политической жизни.

Социальные изменения в странах Западной Европы, находящие свой отзвук и в Российской империи, сделали неуместной излишнюю демонстрацию богатства в одежде. Различия во внешнем виде аристократии и зажиточного мещанства постепенно сводились к качеству материала, из которого была сделана одежда, профессионализма портного, изящества отделки и мастерства носить костюм. В Российской империи внешний вид, одежда служили визитной карточкой социального статуса. Общим итогом космополитизации европейской моды и усилий российской государственной администрации по культурной нивелировке населения империи явилось упрощение и унификация. Итогом стала потеря актуальности традиционного культурного канона. Как пример, уничтожение бесценных слущких поясов, которые согласно недолгой моде переплавлялись для штамповки заурядной серебряной столовой посуды [Ельскі, 2004, с. 86].

Аристократический рацион определялся широким использованием импортных продуктов. Модным становилось выращивание цитрусовых и ананасов в собственных оранжереях. В традиционном питании средних слоев шляхты употреблялись овощи, фрукты, орехи преимущественно местного происхождения. Шляхта предпочитала жирные мясные блюда, острые соусы и обилие приправ, разнообразные сладости, значительная часть которых была заимствована из национальных восточных традиций [Цітоў, 1994, с. 196; Мальдзіс, 2001, с. 350]. В рационе мелкой шляхты присутствовали те же продукты, что и на столе крестьянства. Ежедневным продуктом в городских семьях являлся хлеб, широко использовались продукты собирательства и

охоты. Различия с крестьянским рационом прослеживались в качестве и разнообразии пищи. На шляхетском столе чаще встречалась морская рыба, мясо птицы и домашних животных. Шляхта и зажиточное мещанство больше употребляла экспортной продукции (сахар, соль, кофе, виноградные вина), вообще, покупных продуктов [Белоруссия в эпоху феодализма, 1961, с. 107; Massalski, 1924, s. 250]. В первую треть XIX столетия на оборудование кухонь оказывали влияние английские образцы [Літоўская гаспадыня, 1993, с. 14].

Важными тенденциями в развитии материальной культуры привилегированного сословия Беларуси в течении XIX века являлись модернизационный и консервативный процессы. Их соотношение в культурном поле варьировалось в зависимости от изменений в политической и социально-экономической сферах общественной жизни. В конце XVIII ст. и до 1812 года сохранялась благоприятная экономическая конъюнктура для производителей сельскохозяйственной продукции, наблюдался рост благосостояния среди землевладельцев. Свободные и заемные средства помещиков широко расходовались на перестройку поместий, на предметы роскоши и торговые спекуляции. Наиболее глубокую трансформацию в соответствии с новейшими западноевропейскими образцами испытал быт аристократии. Модернизационное влияние почти не коснулось сферы производственных технологий. На развитие материальной культуры наибольшее воздействие оказывала западноевропейская мода, преимущественно французская.

В 1812—1831 годы как последствие войны 1812 года наблюдалась экономическая рецессия и консервация экстенсивных форм культуры жизнеобеспечения привилегированного сословия Беларуси. Происходила пауперизация мелкой шляхты. Накопления инвестировались преимущественно в приобретение земельных владений и образование детей. Через романтическую моду на экзотику получила развитие «сарматская» ориентальная традиция. Демократизировалась индустрия моды, постепенно сближались бытовые образцы материальной культуры привилегированного и непривилегированного сословий.

В 1831—1861 годах после шляхетского восстания 1830—1831 годов царское правительство начало более решительно проводить политику унификации местной законодательной базы. Политизация общественного сознания в среде привилегированного сословия потеряла свою остроту. Местные дворянские сельскохозяйственные и промышленные предприятия начали более широко втягиваться в общероссийский рынок. Все это способствовало хозяйственному восстановлению края и модернизации культуры жизнеобеспечения привилегированного общества Беларуси.

Ускорялось развитие рыночных отношений и помещичьего предпринимательства. Росту сельскохозяйственных знаний, а также внедрению прогрессивных земледельческих технологий способствовало открытие Горы-Горецкой земледельческой школы (1840). Увеличивались инвестиции в механизацию сельскохозяйственных работ и промышленности. Значительные изменения произошли в сфере культуры жизнеобеспечения духовенства в связи с секуляризацией духовного землевладения. В сфере быта местного дворянства выявилась тенденция консервации традиционных форм материальной культуры, «музеефикации» быта поместий. В архитектуре и в интерьерах шляхетского жилья популярным становится ретроспективный стиль, более сильно также проявляется российское влияние. После упразднения крепостного права в бытовой культуре дворянства все более явно начали обозначаться черты буржуазной культуры [Шыдлоўскі, 2011, с. 138—139].

2.2 Традиционный хозяйственный уклад поместного дворянства

Преимущественную часть доходов помещики получали от продажи леса, зерновых и от винокурения. Именно в данных сферах хозяйственной деятельности отечественных землевладельцев на протяжении первой половины XIX века назревал ряд проблем. В частности, современники указывали на признаки истощения производительных ресурсов в помещичьем хозяйстве Беларуси: «Поля наши истощены чрезмерными посевами; крестьяне приведены до разорения нашим корыстолюбием и притеснениями; леса, сокровищницы предков наших, оставленные не нам одним, но целым поколениям наследников, нашим небрежением, худо рассчитанным стяжанием, мы совершенно истребили» [Massalski, E. T. Cześć 2, 1831, s. 6]. Лес являлся зачастую единственным ликвидным активом местных помещичьих хозяйств, которые балансировали на грани банкротства. Причину столь удручающего состояния дворянских поместий публицисты усматривали в отсутствии бережливости в помещичьей среде и неразвитости предпринимательства. Стремление получить максимальную сиюминутную прибыль являлось главным движущим фактором в деятельности большинства частных владельцев лесных угодий в Северо-Западных губерниях. Расточительность — обратная сторона шляхетского молодечества и гостеприимства, которые превозносились как позитивные черты «сарматского» национального характера рядом историков и литераторов. «Потребить всё в один день, разорить состояние и лишит потомство или будущих владельцев земли всех даров природы, произведённых веками: вот общая система нашего хозяйства» — так

характеризуется в романе Э. Массальского «Пан Подстолич» подобная практика [Massalski, E. T. Część 2, 1831, s. 6]. Данный подход был типичным, стремление к наиболее быстрому получению прибыли от лесных угодий привело к затовариванию рынка необработанным лесом и снижению цены на лес-кругляк. Существовала широко распространённая поведенческая схема, приводящая к этому результату. В её основе лежала расточительность, влекущая за собой разорение, за которым следовала продажа леса на корню, массовые вырубки, сбивавшие цену на необработанную древесину, что в свою очередь подталкивало незначительных хозяев к ещё большему увеличению вырубок с целью компенсации денежных потерь вследствие удешевления леса. Последствием удешевления сырья стали также потери в заработках крестьян и мелкой шляхты, которые работали на рубке и сплаве леса [Шидловский, 2015, с. 90—94].

Сплав леса осуществлялся в балтийские порты — в Ригу и Кёнигсберг. Молодой некондиционный лес, который не находил спроса на западных рынках, вывозился в Киев и Кременчуг по бросовой цене. Истребление лесов приобрело настолько масштабный и стремительный характер, что в некоторых местностях традиционно богатой лесными ресурсами Беларуси, в частности, в окрестности реки Березины на Минщине, возник дефицит строевого леса. Что касается мачтового леса, он, по утверждению Э. Т. Массальского, сохранялся на территории северо-западных губерний исключительно в казённых имениях. Хищничество лесных хозяев не находило сдерживающих факторов ни в общественном мнении, ни в традициях местных хозяйственных практик. Лес традиционно рассматривался как бесплатный природный ресурс, запас на «чёрный день». Какой-либо долговременной стратегии лесопользования не существовало, дополнительные средства в развитие лесных угодий не вкладывались. Фаталистическое равнодушие — своеобразное кредо подобного рода лесопользования — выражает польская поговорка «Nie było nas, był las; nie będzie nas, będzie las» (Не было нас, был лес; не будет нас, будет лес) [Massalski, E. T. Część 2, 1831, s. 12].

Шляхетский этос и помещичий быт были чужды идеи экономии вообще, и экономии леса в частности. Шляхта не ограничивала себя в топливе. Так, Станислав Моравский ссылается на шляхетский стереотип, согласно которому у рачительной хозяйки поместья всегда должен был поддерживаться огонь в «пекарне» — на кухне на людской половине дома [Morawski, 1929]. Дым, который курится над крышей шляхетского дома и зимой и летом, и утром и вечером, воспринимался как символ уюта и достатка. Это было в логике шляхетской гостеприимности — предусмотреть на случай нежданных гостей возможность быстрого разогрева пищи и

приготовления новых блюд. Ещё один символ шляхетского гнезда, средоточие семейных вечеров — камин — также не способствовал распространению идеи экономного подхода к топливу. Критерием респектабельности был размер камины, с уважением соседская молва отзывалась об экземплярах, позволяющих сжигать целиком пни и брёвна. При постройке крестьянских хат помещики экономили на камне для фундамента, но не на лесе, — сруб, поставленный на землю, быстро подвергался порче.

В среде местных помещиков бытовало мнение, что страны Западной Европы, которые демонстрируют обычно пример рационального ведения хозяйства, давно лишились своих лесных ресурсов и только после этого начали вводить особые меры по их защите. Данные замечания вполне совпадают с выводами современных историков, которые видят причину перехода к новому более рациональному и технологичному этапу экономического развития в истощении природных ресурсов и невозможности их эксплуатации в прежних объёмах. В этом отношении помещики Северо-Западного края шли в привычном русле модерной истории — по пути наименьшего сопротивления и экстенсивного уничтожения доступных актуальному уровню развития технологий ресурсов [Massalski, E. T. Część 2, 1831, s. 7—8; Шидловский, 2013, с. 80].

Экстенсивный подход был распространён и в организации полевого земледелия. По обычаю, озимая рожь в помещичьем хозяйстве высевалась с расчётом две четверти на крестьянскую семью («бочка на хату»). Этим количеством засевалось около трёх десятин или четыре морга. Однако наличествующее в хозяйстве поголовье скота, как правило, не обеспечивало в необходимых объёмах органическими удобрениями засеваемые площади. От одного животного (крупный рогатый скот), если оно не содержалось постоянно в стойле, можно было за год получить органического удобрения, достаточного лишь для внесения на 0,14 десятины (0,2 морга) земли. Увеличение же поголовья скота сдерживалось дефицитом лугов. Из этой ситуации был выход в расширении травосеяния, однако в «традиционных хозяйствах», где господствовало трёхполье, травосеяние практиковалось редко. Помещичьи хозяйства, в которых не практиковалось травосеяние, экстенсивно увеличивая объёмы запашки, приходили в скором времени к истощению плодородия почвы [Massalski, E. T. Część 2, 1831, s. 19].

Огородное хозяйство было сферой компетенции хозяек поместья. Минимальный традиционный ассортимент помещичьих огородов состоял из посевов свеклы, капусты, моркови, картофеля и лука. Если помещица принципиально не устранялась от хозяйственных забот, то, как правило, выполняла свои обязанности с примерным усердием в отличие от хозяев-

мужчин, которые традиционно курировали полевое земледелие. Если же помещица считала для себя недостойным заниматься сельским хозяйством («имела возвышенную душу и нежный вкус», «была модной дамой»), в таком случае огородом заведовала экономка. Модная дама, как правило, снисходила лишь до оранжереи и парка. Основной же её заботой являлся приём гостей и обновление собственного гардероба [Massalski, E. T. Część 2, 1831, s. 29].

Наличие оранжереи в поместье рассматривалось как символ высокого статуса помещичьей семьи. Денежные вложения в содержание оранжерей были несообразны с их практической пользой. За исключением цитрусовых и ананасов ассортимент оранжерейных растений включал преимущественно экзотические декоративные растения. Редкость и цена растения составляли предмет гордости хозяйки поместья. Прогрессивные публицисты не отрицали эстетическую и познавательную ценность подобных коллекций, однако ими ставилось под сомнение наличие этических начал в подобных дорогих увлечениях в хозяйствах, где крепостные умирали от голода [Massalski, E. T. Część 2, 1831, s. 40—41].

При описании усадьбы «среднего» помещика многие современники отмечают ветхий вид хозяйственных построек и экономию на материалах при их возведении. Критике подвергался и сам принцип застройки: при наличии свободной земли хозяйские постройки стоят скучено, подвергаясь опасности пожара. Располагался хозяйственный двор как можно дальше от глаз владельцев усадьбы, в самом глухом невыгодном и непригодном для хозяйственных целей участке. Он утопал, как правило, в грязи и нечистотах, которые смывались в открытые водоёмы. Следствием непродуманного размещения хозяйственного двора являлась антисанитария, эпидемические заболевания животных, загрязнение водоёмов, потеря значительной части органического удобрения, которого обычно недоставало в хозяйстве. Другой крайностью являлась застройка, при которой хозяйственный двор поднимался на высокий фундамент и обносился рвом, — в последнем случае, по мнению писателя, помещик также терял жидкое удобрение. Как пример нерационального отношения к содержанию животных Э. Т. Массальский приводит традиционную практику, при которой навоз из хлебов вывозился лишь раз в полгода. Считалось, что для улучшения его качества необходим был «замес», который производили своими ногами животные. Эта традиция, по мнению писателя, приводила к ослаблению и болезни животных [Massalski, E. T. Część 2, 1831, s. 13—14; 27—28].

Ряд публицистов середины XIX века акцентировали внимание на распространённом в помещичьих усадьбах Северо-Западного края явлении

— наличии «долгостроя» [Шыдлоўскі, 2011, с. 45; Сыракомля, 1993, с. 173—321]. Местные помещики, перестраивая вполне пригодные и добротные дома своих отцов согласно новым веяниям моды, стремились сделать свои резиденции более респектабельными и просторными. Зачастую, начиная масштабные строительные работы, помещики не обладали достаточными средствами для их завершения, действуя по принципу «начнём, а там посмотрим». Примером подобной гигантомании и жизни не по средствам становились многочисленные «палацы», которые ещё, не будучи достроенными, приходили в негодность, ветшали. Многие здания носили явные следы недоделок, использовались частично, в то время как значительная часть недостроенного здания консервировалась «до лучших времён». Даже когда подобное сооружение удавалось достроить, не хватало средств для его эксплуатации, ремонта. Э. Массальский приводит пример одного из таких «дворцов»: гонтовую позеленевшую ото мха крышу дома претенциозно венчали два шара, обшитые жостью и три трубы, одна из которых обвалилась, крыша в некоторых местах требовала ремонта; стены были перекошены; рамы были разнокалиберные, не во всех окнах стекло оставалось целым, помытыми из них были только те, которые относились к гостиной. В подобных домах интерьер был соответствующим: на всём лежал отпечаток претенциозности, недостатка средств и запустения: выцветшие обои, пыльные кисейные занавесы на окнах, невымытые хлипкие полы, некогда побеленные потолки, покрытые паутиной, кресла, крашенные под красное дерево и покрытые грязными чехлами [Massalski, E. T. Cześć 2, 1831, s. 42—43]

Следует отметить наличие в помещичьей среде критических взглядов в отношении старошляхетских традиций. Однако критически настроенные помещики на практике кардинально не меняли подходов в организации хозяйственной деятельности. Они перестраивали по новой моде «палацы» своих предков, но по-прежнему не доверяли специалистам — в данном случае, архитекторам. Поричая традицию, отступая от «дедовской» системы хозяйствования, которая по-своему была эффективна, они не приобрели системных научных знаний, необходимых для успешной организации рационального сельского хозяйства по западноевропейским современным образцам [Massalski, E. T. Cześć 2, 1831, s. 16—17].

Большинство местного дворянства, имеющего стабильный достаток, стремилось жить в поместье по городским столичным критериям. Неотъемлемой же частью городского образа жизни являлось постоянное движение людей, отдающих визиты и принимающих гостей. На ведение хозяйства не хватало времени, и функции управления перепоручались

доверенным лицам, контроль над деятельностью которых не всегда был строг и компетентен [Massalski, E. T. Część 2, 1831, s. 33—30].

2.3 Кризис межсословных коммуникаций

Э.Т. Массальский видит причины несчастий местного крестьянства не только в самом факте существования крепостного права. По наблюдению писателя, была заметна разница в физическом и моральном состоянии крепостных крестьян находившихся во владении русских и польских помещиков [Massalski, E. T. Część 1, 1831, s. 112]. В отношении польского пана к белорусскому крестьянину отсутствовало чувство национальной солидарности, которое прослеживается в патриархальных взаимоотношениях с православным крестьянством русского помещичьего дворянства. По мнению Э.Т. Массальского, «кротость в отношении к крестьянам» не является распространённой добродетелью в среде польского дворянства [Massalski, E. T. Część 1, 1831, s. 3—4]. Истоки особо жестокого отношения шляхты к крестьянству Э.Т. Массальский видит в сарматской теории, которая выводит происхождение привилегированного сословия от древних воинственных сарматов, покоривших якобы предков современных крестьян [Massalski, E. T. Część 1, 1831, s. 114—115]. Сарматская идеология обосновывала факт владения шляхтой крестьянами правом народа-победителя и рассматривала крестьянство как этнически чуждое население. В данном аспекте параллели с порядками на далёких заморских плантациях и отношениями между завоевателями-колонизаторами и рабами-туземцами, которые установились в Новом Свете после его «открытия» европейцами, вполне оправданы. Белорусская, шире, восточнославянская территория бывшего ВКЛ рассматривалась в контексте сарматской идеологии как пространство колонизации. Данная идеологическая установка усугублялась постепенным падением нравов в шляхетской среде, недостатком образования, различиями в конфессиональной принадлежности польских господ и большинства местного крестьянства [Massalski, E. T. Część 1, 1831, s. 3—4].

Помещики были заинтересованы в росте количества крепостного крестьянства. С этой целью существовала практика поощрения к вступлению в брак сельской молодёжи. Однако высокая детская смертность нивелировала итоги данной стратегии [Massalski, E. T. Część 1, 1831, s. 111]. Крепостники выдавали дворовых девушек и крестьянок по своему усмотрению. Помещики с неохотой отпускали крепостных замуж в чужие волости [Massalski, E. T. Część 1, 1831, s. 72]. Нежелание родителей отдавать дочь по велению господ могло трактоваться как бунт. «Бунтовщиков» принуждали к исправительным работам на голодном пайке, секли плетью и розгами, заковывали в колоды,

отдавали в рекруты молодых мужчин [Massalski, E. T. Część 1, 1831, с. 79]. Расправа могла исходить не только от барина, но и барыни, которая обычно лично занималась вопросом выдачи крепостных крестьянок замуж [Massalski, E. T. Część 1, 1831, с. 81—82].

Мобильность крестьян была ограничена. Крестьянин мог отлучаться из своей деревни либо в фольварк, на мельницу, на близлежащую ярмарку пару раз в год [Massalski, E. T. Część 1, 1831, с. 22]. Помещики иногда прибегали к переселению крестьянских семей из обжитых деревень на пустоши и вырубки. Окультуренная крестьянами территория деревни в таком случае отдавалась под фольварк [Massalski, E. T. Część 1, 1831, с. 34—35]. Чтобы увеличить прибыль помещики отбирали жернова у крестьян, и последние вынуждены были молотить зерно за плату у арендаторов помещичьих мельниц [Massalski, E. T. Część 1, 1831, с. 18].

Атрибутом власти эконома была плеть, которую он, не раздумывая, применял против крестьян [Massalski, E. T. Część 1, 1831, с. 88). За опоздание крепостных избивали, во время работ надсмотрщики плетью подгоняли работников, запрещались разговоры [Massalski, E. T. Część 1, 1831, с. 44—45]. Крестьянин стоял в самом низу сельской иерархии. Его эксплуатировал и обирал не только помещик на правах владельца, но и корчмарь, эконом, писарь, органист, дворовые люди [Massalski, E. T. Część 1, 1831, с. 45]. Не удивительно, пишет Э.Т. Массальский, что во время мародёрских вылазок французов во время войны 1812 года крестьяне в своём большинстве участвовали в грабежах имущества своих хозяев [Massalski, E. T. Część 1, 1831, с. 54]. Преданность крепостных и слуг была чрезвычайно редким качеством. Ещё большей редкостью, по свидетельству Э.Т. Массальского, являлась доброжелательность слуг, в той же мере, как и чувство справедливости и забота господ о нуждах своих крепостных [Massalski, E. T. Część 1, 1831, с. 50].

Местные помещики зачастую при постройке жилья для крестьян экономии, не используя каменного фундамента и устраивая земляной пол, что ухудшало гигиенические характеристики помещения. Попытки некоторых помещиков строить для крестьян дома с дымоходами, но без деревянных полов и каменного фундамента, только ухудшали условия жизни в таком жилище в сравнении с курными избами и дискредитировали саму идею устройства дымоходов в крестьянской среде [Massalski, E. T. Część 1, 1831, s. 101]. Многие современники отмечают черты вырождения в белорусской крестьянской среде: крестьянин-белорус «малорослый, малосильный, несообразительный, равнодушный и безынициативный», хотя предки белорусского крестьянина отличались высоким ростом и силой [Massalski, E. T. Część 1, 1831, s. 107]. Черты вырождения наблюдались и в

среде шляхты. Однако их причины были иные, нежели в отношении крестьян, а именно: привычка к комфорту, изнеженное воспитание детей, упадок нравов, бездеятельная жизнь, отвращение от военной службы [Massalski, E. T. Część 1, 1831, s. 109].

Одной из причин бедственного положения белорусского крестьянства признавалось пьянство. Авторы, ратующие за патриархальную натуральность крепостных отношений, склонны были обвинять в распространении пьянства корчмарей-евреев. Последние якобы доводят крестьянство обманом до нищеты, приучают к безделью, бесхозяйственности и разврату и вводят самих помещиков в убыток, так как последние вынуждены помогать крестьянам продуктами питания и зерном. Однако для наиболее прозорливых современников были очевидны более глубокие корни данной проблемы. Хотя помещики могли запрещать корчмарям разносить водку крестьянам по домам, но сама практика передачи помещиками корчем в аренду являлась пагубной. С арендаторами шинков крестьяне рассчитывались либо зерном и домашними животными, либо отработывали долги, например, на лесных работах. За вырубку леса часто купцы уплачивали не напрямую крестьянам, а их пану, который оплачивал труд последних по своему усмотрению, иногда — водкой. Аналогично могло происходить и в случае найма на сельскохозяйственные работы в соседние поместья. Так раскручивался маховик алкоголизации — чтобы отработать долг корчмаря крестьянин нанимался на работу и получал вознаграждение от пана — водкой [Massalski, E. T. Część 1, 1831, s. 13, 28, 36—37].

Падение цен на хлеб в продолжении первой половины XIX века приводило к тому, что помещики стремились компенсировать убыток, прибегая к различным стратегиям, которые носили часто экстенсивный характер. Чтобы компенсировать потери, засеивались большие площади, что в итоге приводило к перепроизводству продукта и дальнейшему падению его цены. Увеличение площадей посевов требовало больших объёмов участия крестьян в барских работах. Из-за тяжёлой барщины крестьянские посевы не убирались в срок, что приводило к значительным потерям урожая. На господских работах использовался также крестьянский скот. Вышеназванные причины приводили к оскудению крестьянского рациона. Нередко возникал дефицит соли на крестьянском столе, что также ухудшало качество питания. От недоедания и тяжёлой работы женщины не могли полноценно выкармливать грудных детей, которые были ослаблены и умирали в младенческом возрасте [Massalski, E. T. Część 1, 1831, s. 37—39].

Объёмы отработок барщины за господскую землю не учитывали количество рабочих рук в семье. Три трудовых дня (мужских и женских), работа по дороге, возка дров, молотьба, унавоживание полей, стражи, толоки,

перевозка леса и многие другие работы, которые не входят в барщину, были не под силу малой семье. Крестьяне даже в праздники выполняли определённые работы для пана — собирали в лесу ягоды, хмель, грибы, орехи. Зимой выполнялись работы по обмолоту и перевозке хлеба, чесанию шерсти, трепанию льна, ткать плотно для дворни. Объём барщины на землях польских помещиков был чрезвычайно завышен. Трудовой день наёмного сельскохозяйственного работника оценивался в среднем в 15 копеек серебром, 20 десятин земли с постройками сдавали в аренду примерно за 1500 копеек серебром. Однако крестьянину пользование 20 десятинами обходилось в год с учётом барщины в 46802 копеек серебром. Традиционное бортничество становилось невыгодным занятием, так как помещики увеличивали объём взимаемой медовой дани до половины всего сбора. Общей проблемой являлось отсутствие у крестьян в достаточном количестве упряжи и рабочего скота, из-за большой занятости на барщине крестьянские поля были плохо возделаны и не во время засеяны. Помощь помещика своим крестьянам зерном в случае его недостатка действительно практиковалась, однако она не была безвозмездной. Чаще выдавалась мякина, за которую крестьянин должен был отработать как за полноценное зерно [Massalski, E. T. Część 1, 1831, s. 13, 42—44, 60, 107, 120—121].

Как отмечал Э. Массальский, польское дворянство привыкло забирать у крестьянина весь излишек, оставляя ему минимум на пропитание. Даже, когда по примеру российских помещиков шляхта выпускала своих крестьян на оброк, смысл этого решения выхолащивался, так как устанавливалась такая величина оброка, что крестьяне не чувствовали улучшения своего положения. Идея того, что крестьянин должен получать вознаграждение за свой труд, позволявшее ему делать определённые накопления, была, по мнению Э.Т. Массальского, чужда польскому помещику. На землю, её плоды и на самого крестьянина польский помещик смотрел как на собственность. Максимально, что допускало общественное шляхетское мнение — это некоторое улучшение бытовых условий жизни крестьянина [Massalski, E. T. Część 1, 1831, s. 118—120].

Работа на барщине продолжалась практически без отдыха, чтобы максимально использовать труд крепостных. Отработка барщины часто проводилась на далёких от деревни фольварках, значительное время, которое паном не учитывалось, у крестьян терялось на дорогу. Если крестьяне приходили на барщину, и случался дождь, их отправляли назад. В результате они теряли значительную часть дня, которая также не учитывалась в счёт барщины. Работать на себя крестьянин мог более-менее свободно только в ненастье, когда его труд не был востребован паном [Massalski, E. T. Część 1, 1831, s. 44].

Неправильно понимаемая бережливость приводила к тому, что помещики вместо того, чтобы использовать механические молотилки, полагались на бесплатный труд крепостных. Хотя применение механизации, по мнению писателя, высвободило бы время крестьян для более продуктивных занятий, например, ремесленных в зимнее время [Massalski, E. T. Cześć 1, 1831, s. 125]. Бесплатный труд крепостных мало ценился помещиками. Когда не было полевых работ, крестьян могли занимать рутинными, часто бессмысленными занятиями. Как пример Э.Т. Массальский приводит связывание лука в венки, которым женщины-крестьянки могли заниматься у пана днями напролёт. Таким образом, бесплатный труд не стимулировал помещиков к поиску интенсивных путей развития своего хозяйства [Massalski, E. T. Cześć 1, 1831, s. 127—128; Шидловский, 2014].

2.4 Проекты рационализации белорусского поместного хозяйства: «Литовская хозяйка» А. Цюндевитской

С 40-х годов XIX ст. в Российской империи нарастал кризис феодально-крепостнической системы, который проявлялся в значительном снижении прибыльности помещичьих поместий. Накануне упразднения крепостного права поместное дворянство Российской империи в ожидания неизбежных смен все чаще обращало внимание на западноевропейский опыт хозяйствования. Теоретическим воплощением последнего являлась модель рационального сельского хозяйства. Концепция рационального ведения сельского хозяйства получило признание благодаря книге Альбрехта Тэера (1752—1828) «Grundsätze der rationellen Landwirthschaft» («Основы рационального сельского хозяйства», в 4 т., 1809—1812; рус. перевод. вышел в 1830—1835 гг. [Тэер, 1830—1835]). «Основы рационального сельского хозяйства» и другие работы А. Тэера оперативно переводились на европейские языки, их знали и польскоязычные читатели. Можно предположить, что А. Тюддевицкая из первоисточников или косвенно была знакома с концепцией «рационального хозяйства» А. Тэера [Gospodarz galicyjski, 1800—1820; Wyżyski, 1838].

Сам немецкий ученый обнаружил источник теоретического вдохновения, изучая английский опыт хозяйствования. Процесс рационализации сельскохозяйственной деятельности согласно А. Тэеру преследовал цель максимализации прибыли. Последнее достигалась путем механизации сельскохозяйственных работ, введению многопольного севооборота, селекционной работе, обновлению агрономических технологий. Значительное место в работе А. Тэера занимает учение об управлении

хозяйством. В книге А. Тюндевицкой также четко прослеживается сосредоточенное внимание на вопросе достижения рентабельности сельскохозяйственного производства, которое может быть достигнуто, по мнению автора, при соблюдении тщательного планирования и контроля. В «Литовской хозяйке» популяризируется идея точного учета расхода кормов по категориям качества, говорится о необходимости отдельного учета вечерних и утренних надоев, рассматривается проблема планирования прибыли и увязывания оплаты работникам из общей рентабельностью молочной продукции. Так, автор рекомендует точно подсчитывать прибыль хозяйства от каждой коровы и на основе общей прибыли рассчитываться со своими работниками. Однако стремление достижения максимальной экономии у А. Тюндевицкой подчас идет на вред элементарной осторожности. Например, автор допускает использование кож павших от эпидемических заболеваний животных даже при наличии внешних повреждений и изъязвления кожи при условии, что последняя будет вымачиваться в соленой воде с квасцами и просушиваться на улице [Gospodyni litewska, 1876, s. 41].

Вместе с тем автор настойчиво указывает на необходимость придерживаться в хозяйстве и быте высоких санитарно-гигиенических стандартов. Последнее, по убеждению А. Тюндевицкой, также служит целям экономии, ведь нечистоплотность приводит к заболеваниям животных и людей, способствует порчи сельскохозяйственного сырья, пищевых продуктов и одежды. По выражению А. Тюндевицкой, «наиболее важное условие успешного содержания скота — чистота и здоровый воздух» [Gospodyni litewska, 1876, s. 21]. Так, образцовое с точки зрения гигиены помещение, согласно А. Тюндевицкой, является светлым, поставленным на высоком и сухом месте, на фундаменте, со стоком для экскрементов, подальше от непроточной воды, с вытяжкой, со свежей подстилкой из сосновых или можжевельных лапок, а также вереска [Gospodyni litewska, 1876, s. 21—22].

Особенной чистоплотности, по убеждению автора, требовало содержание молочного хозяйства. Коров и телят автор рекомендовала мыть через два—три дня. Летом животных предлагалось один—два раза в день купать (после полудня). Автор рекомендует требовать от работников, чтобы они ходили каждую субботу в баню, летом кроме того купались в речке, и как можно часто меняли белье и одежду [Gospodyni litewska, 1876, s. 21—24].

Сор, навоз из хлевов и птичников рекомендовалось вывозить в специально предназначенную для утилизации яму. Автор советовала мыть стены помещений, где содержится скот, а также держать в хлевах веники из ароматных горьких трав (полыни, чабреца, мяты, душицы, иссопа, руты,

зверобоя, чеснока, багульника, дягиля, папоротника), высаживать около коровника тополя, белить стены известью и умащивать их дегтем, щелоком или ароматным уксусом (уксусом, настоянным на разнообразных травах), а ясельные решетки натирать уксусом с чесноком и луком. Весной и осенью хлева рекомендовалось ежедневно обмывать уксусом, настоянным на аире, чабреце, руте, мяте, чесноке и можжевельных ягодах. С соблюдением особой осторожности А. Тюндевицкая советовала практиковать окуривание помещений смолой или можжевельником на углях. Ясельные решетки и другие деревянный инвентарь рекомендовалось ошпаривать не реже одного раза в неделю. Рекомендовалось поить животных чистой воды и давать качественный корм в надлежащем объеме, ведь «навоз от голодного животного имеет меньше полезных веществ», голодное животное также чаще болеет [Gospodyni litewska, 1876, s. 21—23, 25].

Заболевания у скота могли развиваться, по убеждению А. Тюндевицкой, от заражения крови, угнетенного настроения, дурного питания, грязи и спертых воздуха. Как один из способов избежать распространения эпидемических болезней в домашнем стаде А. Тюндевицкая предлагает содержание животных в лесе на время эпидемии. Место, где будет содержаться скот, автор предлагает окуривать дымом от сжигания сосновых, еловых и можжевельных лапок. Средствами профилактики автор считает соль, уголь, порошок можжевельника, сельдь или квашеный огурец, вымоченный в дегте, смесь смолы, чеснока, ромашки, белокопытника, можжевельника, хрена и дягиля [Gospodyni litewska, 1876, s. 41-42, 46].

Для заболевших животных А. Тюндевицкая рекомендовала завести отдельный хлев. Автор советовала также использовать различный персонал для здоровых и больных животных, утилизировать навоз и кровь (сжигать или зарывать в отдаленном месте). Павших животных также рекомендовалась глубоко закапывать — «на два-три локтя» [Gospodyni litewska, 1876, s. 42]. Одежду обслуживающего персонала рекомендовалось окуривать можжевельным дымом и несколько дней проветривать перед тем, как идти к здоровым животным. Медицинские манипуляции с больными животными рекомендовалось выполнять в специальных перчатках, чтобы избежать «отравления» [Gospodyni litewska, 1876, s. 47]. Посуда, инструменты, которые имели контакт с больными животными, рекомендовалось ошпаривать и промывать щелоком, проветривать, а затем натирать внутри и снаружи чесноком и ароматным уксусом. Воздух хлева, по убеждению А. Тюндевицкой, можно было очистить, окуривая его дымом от сжигания ягод можжевельника, сосновых и еловых веточек, кусков смолы [Gospodyni litewska, 1876, s. 40].

На первых страницах «Литовской хозяйки» в фокусе внимания А. Тюддевицкой находится концепция «порядка». Описание идеального хозяйства, которым, по сути, является книга А. Тюддевицкой, выглядит уменьшенной моделью «регулярного» государства, идея которого возникла в недрах «камеральных наук» в интеллектуальных кругах Западной Европы эпохи Просвещения. Согласно выводам немецкого философа Х. Вольфа, одного из идеологов «регулярного» государства, власть обязана регламентировать все стороны жизни граждан: заставлять их работать; регулировать заработную плату, условия работы, поддерживать правопорядок и нравственность. Данные функции в границах своего земельного владения вменяет в обязанность помещику и А. Тюддевицкая [Gospodyni litewska, 1876, s. 1; Шыдлоўскі, 2013].

Большое значение А. Тюддевицкая придавала вопросу организации работы в помещичьем дворе. Важный элемент порядка в усадьбе — обеспечение пожарной безопасности. В целях пожарной безопасности рекомендовалось запрещать курение в хозяйственных помещениях, в ночное время для освещения советовалось употреблять закрытые фонари. Автор определяет основные виды рабочих зон на помещичьем дворе, в числе которых называет животный двор (хлева, птичники), гумно, кухню, жилые комнаты (буфет, хозяйские и гостевые апартаменты, гардеробная). Условно их можно разделить на производственный сектор: зоны откорма и содержания домашнего скота; переработки сельскохозяйственного сырья; хранения готовой продукции и полуфабрикатов; кухню, а также жилой сектор: барские комнаты, помещения для прислуги. Для каждой рабочей зоны определяются принципы организации работы (основные виды работы, номенклатура работников, инвентарь, санитарно-гигиенический режим). За каждый участок работы персональную ответственность нес специально назначенный работник [Gospodyni litewska, 1876, s. 1—7, 32].

Автор «Литовской хозяйки» особое внимание обращала на необходимость введения в повседневную хозяйственную деятельность помещичьего хозяйства точной системы учета и контроля. Именно учет и контроль являются по убеждению А. Тюддевицкой основой порядка. Контроль подразумевал проверку полноты и точности выполнения работниками сформулированных хозяином заданий. Каждый работник должен был иметь точно очерченный круг обязанностей. Контроль над работниками осуществлялся как экономом, так и непосредственно помещиком. Работники лично докладывали о положении дел на порученном им участке хозяину. А. Тюддевицкая, например, советовала ежедневно требовать от пастухов развернутого доклада о состоянии животных, наличии заболеваний. А. Тюддевицкая рекомендовала помещикам дважды в день,

обязательно каждый раз в разное время, делать осмотр всех рабочих мест. Ежегодно на животном дворе рекомендовалась делать перепись домашних животных. В специальном реестре надо было отмечать возраст каждого животного и его производительность. Непроизводительных животных советовалась отбраковывать на убой или продавать. Лучшие животные подбирались для случки, чтобы улучшить качество стада. Летом рекомендовалось ежедневно подсчитывать количество птицы и домашнего скота, которые возвращались на двор с поля. Весь инвентарь должен был переписываться, помечаться клеймами и закрепляться за отдельными работниками. Помещик должен был регулярно проверять наличие рабочего инвентаря по списку. Подчеркивалась необходимость хранения инвентаря в точно определенном для этого месте. Инвентарь должен был содержаться исправным, то, что не использовалось, должна было сохраняться в пригодности. Рекомендовалась регулярно контролировалось качество приготовленной для работников еды — ее вкусовые качества и наличие всех продуктов в предписанном хозяином количестве, чтобы не допускать воровства [Gospodyni litewska, 1876, s. 15—18, 31].

А. Тюндевицкая выступала популяризатором передовых агротехнологий. Так, она писала о пользе травосеяния, призывала расширять посевы клевера, люцерны, вики [Gospodyni litewska, 1876, s. 28]. Созвучные мысли мы находим в работах Е. Тышкевича «Opisanie powiatu borysowskiego» [Tyszkiewicz, E., 1847, s. 176-177] и И. Крашевского «Wspomnienia Polesia» [Kraszewski, 1860, s. 70]. Автор признавала преимущества иностранного племенного домашнего скота, однако остерегала помещиков от излишних расходов на племенной скот. Последний, по убеждению А. Тюндевицкой, требует более квалифицированного ухода, он хуже переносит местный климат. Оптимальным автор считала приобретение племенных иностранных животных только в целях улучшения местной породы и отговаривает своих читателей от идеи заводить племенное заграничное стадо [Gospodyni litewska, 1876, s. 20]. Скептически А. Тюндевицкая относится также к идее откорма волов на мясо, утверждая, что подобное мясо обходиться очень дорого [Gospodyni litewska, 1876, s. 31]. По вопросу содержания породистого скота, и по вопросу откорма волов на мясо мнение А. Тюндевицкой схоже выводам К. Кантрима. Можно предположить, здесь имеет место прямое влияние последнего, так как его работа «Podróż Kontryma» была издана еще в 1829 году [Kontrym, , 1839].

Наряду с научными методами организации сельскохозяйственных работ А. Тюндевицкая пропагандирует также и ряд «дедовских» способов, опробованных ею непосредственно в собственной практике. Так, она советует квасить свеклу в последнюю фазу луны, капусту шинковать в

новолуние, так как «капуста, поставленная в новолуние, твердая и хрустит» [Gospodyni litewska, 1876, s. 223]. Автор «Литовской хозяйки» подчас ссылается и на крестьянский опыт. По ее словам, «крестьяне иногда делают правильные наблюдения над вещами, которые их касаются» [Gospodyni litewska, 1876, s. 91]. Как пример подобной крестьянской мудрости А. Тюддевицкая приводит традицию, согласно которой кабанов никогда не кололи в новолуние и в третью четверть луны [Gospodyni litewska, 1876, s. 71]. Обращается автор также и к советам, которые публиковались в популярных газетах. Например, она цитирует рецепты, которые рекламировались в «Земледельческой газете Варшавской» [Gospodyni litewska, 1876, s. 45]. Ряд советов с точки зрения современной практики выглядят неоднозначно. Так, чрезвычайно действенным средством в отношении ряда эпидемических заболеваний животных автор «Литовской хозяйки» считала кровопускание (от восьми до двенадцати литров), обливание водой, дренаж кожи (протягивание через кожу шнурков, вымоченных в скипидаре), слабительное, прохладительное, укрепляющее и потогонное питье (среди ингредиентов разного рода питья фигурируют купорос, уксус, селитра, нашатырь, виннокаменная кислота, сельдь, глауберова соль, разнообразное растительное сырье) [Gospodyni litewska, 1876, s. 47—49].

2.5 Проекты рационализации белорусского помещного хозяйства: «Пан Подстолич» Э. Массальского

Проект рациональной организации помещного хозяйства, предложенный Э. Массальским в «экономическом романе» «Пан Подстолич», также как и советы А. Цюддевицкой, подразумевал наведение порядка в поместье, что подразумевало наличие плана и готовность упорно следовать ему. Автор полагал, что преобразования хозяйства должны начинаться с обустройства ландшафта помещичьей усадьбы. Э. Массальский считал, что местность должна быть преобразована таким образом, чтобы подчеркнуть и усилить эстетический аспект природного окружения. Жилые и хозяйственные постройки должны были быть так включены в ландшафт, чтобы украшать его и одновременно использовать природные особенности местности для большей комфортабельности и функциональности построек. От архитектурных решений требовалось стилистическое разнообразие, но без излишеств. Это относилось не только к господским, но также и крестьянским постройкам. По мнению Э. Массальского, помещичий и крестьянские дворы не должны отделяться друг от друга, находясь в одном селибельном пространстве. Значительные требования предъявлялись к качеству дорог и

мостов. Они должны были служить не только целям перевозки грузов, передвижения в конных повозках, но также и для пеших прогулок. Предусматривалась придорожная инфраструктура для отдыха — наличие тенистых беседок, скамеек, обустроенных родничков, элементов мемориализации, например, памятных камней. Зеленые насаждения с одной стороны давали приятную тень в летний день, с другой стороны, усиливали эстетическую привлекательность селения, снабжали его свежими и полезными плодами. Особое внимание уделялось тщательному подбору видов деревьев в придорожных насаждениях. Рекомендовалось высаживать липу, дуб, берёзу, клён, иву, акацию, серебристый и пирамидальный тополя, ясень, каштан, рябину, орешник, граб, сосну, пихту, чинару, шиповник, барбарис, бузину [Massalski, Cześć 4, 1833, с. 84].

В общественном мнении привилегированного сословия поддерживался идеальный образ помещика, который виделся патриархом, главой большой семьи, которую составляли не только родные и близкие, но и служба. Он должен был демонстрировать своему окружению пример праведного христианина и удачливого хозяина. Оперативное управление имением в идеальном видении должно было быть распределено между несколькими специально подготовленными работниками. Общее управление осуществлял хозяин имения, хозяйка отвечала за женскую часть хозяйственных обязанностей. Экономов, приказчиков и официалистов предлагалось заменить коллективом управленцев, каждый из которых отвечал и занимался отдельной экономической отраслью помещичьего хозяйства, получая за свои труды приличное вознаграждение, часть которого он должен был откладывать и отдавать хозяину под проценты. Главную должность в поместьях исполнял маршал двора, в ведении которого находилась касса и бухгалтерия. Маршал двора рассчитывал рентабельность каждой отрасли хозяйства, стоимость содержания дома, скотного двора, слуг, сельскохозяйственного и промышленного производства. Маршал принимал решение о дотировании отстающих отраслей. Точный учет и планирование признавались основой успешности хозяйства. Все управленцы должны были пройти курс специального обучения в сельскохозяйственной школе. Предполагалось, что лучшими кандидатурами на подобные должности являлись бедные родственники. Они должны были получать профессиональное образование и моральное воспитание с раннего возраста в специальной школе. Родственники-сотрудники должны были быть не просто служащими, но единомышленниками, которые руководствовались в трудовой деятельности дворянской честью, христианской добродетелью, просвещенным разумом, профессиональной гордостью и родственными чувствами к хозяину поместья. Экономическое стимулирование также

должно было присутствовать — достойная зарплата, возможность откладывать и приумножать свой капитал, в перспективе — стать владельцем хозяйства. Работа на должности эконома-управленца давала ценный опыт, расширяла профессиональный кругозор. Моральным поощрением должна была явиться среда общения — интеллектуальное и дружеское — в семье помещика. Это общество единомышленников составляли люди примерно одного возраста, одинакового воспитания и образования, это были не только мужчины, но и женщины, которые также должны были получать образование в аграрной школе. Дети помещика должны были воспитываться таким же образом и были включены в эту среду молодых управленцев как равные среди равных. Рекомендовалось регулярно устраивать в имении вечера с разнообразными увеселениями: танцами, публичным чтением и обсуждением прочитанного, прогулками на природе [Massalski, Część 4, 1833, с. 42].

Э. Массальский считал обязательным условием для экономического процветания помещичьего хозяйства приобретение помещиками специального сельскохозяйственного образования. Он считал возможным обучение детей помещиков в специальных сельскохозяйственных школах, которые при отсутствии таких в регионе предлагалось организовывать самим помещикам. Свою позицию Э. Массальский иллюстрировал примером Пруссии, где изучение сельскохозяйственной науки было обязательным в школах [Massalski, Część 4, 1833, с. 122]. Получивших первоначальную подготовку в школах предлагалось направлять в университет, преимущественно на юридические и экономические специальности, чтобы сделать более полным образование будущих помещиков [Massalski, Część 4, 1833, с. 122].

Большое внимание уделялось вопросу организации бытовой сферы жизни поместья. Блюда и напитки на помещичьем столе должны быть разнообразными, однако, без излишеств и показной роскоши. Во время застолья гостям рекомендовалось предлагать вина и легкое пиво, избегая более крепких напитков. Предполагалось, что большинство продуктов будет собственного изготовления. Рекомендовалось для собственных нужд выращивать «парагвайский чай», чтобы экономить на покупке китайского. Посуда должна была быть практичной, эстетичной, но также без показной роскоши. Не роскошь, а культ чистоты и опрятности виделись показателями хорошего вкуса. Подчёркивалась необходимость «аптечного» порядка на кухне и в кладовых, обязательным для повара предполагает наличие чистой белой одежды, тщательно вычищенную кухонную утварь. Поддержание опрятности в доме — непосредственная обязанность хозяйки поместья и составляет часть её репутации. Хозяевам рекомендовалось направлять общую беседу на интеллектуальные темы. Рекомендовалось искоренить

традиционную практику иерархического ранжирования присутствующих за столом, — все гости должны получать одинаковую пищу и напитки в независимости от чинов. Таким образом, ликвидировался так называемый «серый конец» стола [Massalski, Część 4, 1833, с. 104].

Рекомендовалось установить в доме общий режим дня: день начинать с рассветом общей молитвой и чаем, после чего все должны были приступать к выполнению своих служебных обязанностей. С пяти часов наступало время для отдыха — танцев или интеллектуальных развлечений. Ужин предусматривался в 8—9 вечера, после чего домашние готовились ко сну.

Слуги должны были проживать отдельно от хозяйской семьи. Слуги должны были иметь круг четко обозначенных обязанностей, исполнение которых вознаграждалось. Рекомендовалось организовать в имении кассу под патронажем помещика, в которую работники обязаны были откладывать определенную часть заработанного под проценты. Свободное от выполнения основных обязанностей время они в обязательном порядке должны были посвящать ремёслам, и имели, таким образом, дополнительный заработок. Дети слуг обязаны были обучаться в специальной школе, устроенной непосредственно в поместье, в которой главный акцент должен был делаться на религиозное и моральное воспитание. Предполагалось, что священник в подобной школе займет одно из ключевых ролей.

Барщину в поместье предлагалось заменить оброком, в уплату которого зачислялась бы работа на господских полях. Оплату предлагалось производить не поденно, а от объёма сделанного. Площадь господской запашки рекомендовалось уменьшить, а поля разделить на меньшие участки, чтобы улучшить качество их обработки. Признавалась необходимость учреждения для крестьян сельскохозяйственной школы. Домашнее хозяйство крестьян поместья предполагалось организовать на рациональных принципах.

Труд крестьян на господском поле предлагалось постепенно заменять батраками из числа чиншевой шляхты, с тем, чтобы крестьяне укрепили своё собственное хозяйство [Massalski, Część 4, 1833, с. 54—55]. Такие батраки должны были получать сдельную плату, за каждый вид работы предполагался отдельный тариф. Питание не должно было входить в договор найма, вместо этого предлагалось оплачивать основную часть деньгами, а треть — хлебом по установленной при найме цене. Рекомендовалось принимать на работу только семейных батраков, для батрацкой семьи предлагалось выделять отдельные дома с четвертью морга для огорода. Более рациональным виделось учредить для всех семей батраков общую кухню, при которой должна была работать только одна стряпуха. Батраки должны были платить за стол, чтобы оплатить работу кухарки. Детей батраков

предлагалось воспитывать вместе под надзором воспитательницы из батрачек, а подросших — отправлять в сельскохозяйственную школу, где у них появлялась возможность заработать. Э. Массальский даёт описание прообраза детских яслей для детворы работников поместья: несколько солнечных комнат, в которых находились люльки и маленькие кровати. Здесь содержались дети от двух до десяти лет под присмотром нескольких нянек. Старшие занимались различными работами: щипали перья, плели ивовые и соломенные корзины, изготавливали бечевки. Детям делались прививки от оспы [Massalski, Część 4, 1833, с. 96].

Сельскохозяйственный инвентарь батракам должен был выдаваться господский. За его порчу полагался штраф, а за бережное отношение — премирование. За дрова каждая батрацкая семья должна была платить наличностью, а за услуги прачки — процентами от сбережений, которые они хранили у пана. Такой способ с одной стороны приучал к бережливому использованию топлива, с другой стороны способствовал развитию привычки к чистоплотности. Рекомендовалось собирать различные отходы для дальнейшей переработки или продажи. Отдельно должна была храниться шерсть, щетина, лён, рога, шкуры, полотно и сыры [Massalski, Część 4, 1833, с. 56—57, 95].

Предполагалось, что каждый батрак еженедельно будет предъявлять квитанцию о проделанной работе и получать оплату. От половины до трети ее предусматривалось оставлять в панской сохранной кассе. Подобным образом предлагалось организовать и жизнь семейных дворовых людей, — наделить отдельным домом, дойной коровой, которая должна была содержаться на господском скотном дворе, оплачивался только фураж. Излишки молока продавались владельцу усадьбы. Для удобрения огородов навоз предусматривалось отпускать с господского скотного двора. В свою очередь крестьяне должны были сдавать золу, кости, сажу, ветошь за оплату. Таким образом, должно было поощряться развитие таких качеств как бережливость, предприимчивость, трудолюбие и лояльность к пану. Неженатых дворовых предлагалось селить в господском доме, за столование они должны были платить. Предполагалось, что в свободное время они будут зарабатывать ткачеством и другими ремеслами [Massalski, Część 4, 1833, с. 57—59]. В своих садах батраки и крестьяне в год обязаны были прививать по одному дереву. Крестьянский дом состоял из сеней, кладовой и одной жилой комнаты. Вся мебель в комнате окрашивалась масляной краской. В комнате находился шкаф, верстак, прялка. Крыша была покрыта специальным противопожарным покрытием. Стены крестьянского дома ложились в один или в полтора кирпича [Massalski, Część 4, 1833, с. 57, 71].

Э. Массальский считал, что труд в прачечной, которая обслуживает дворовых людей, должна быть механизирована. Элементами механизации являлось специальное приспособление, рабочей частью которого было колесо, которое полоскало бельё, обработанное паром, затем бельё выжималось специальным прессом и раскатывалось механическим катком. Сушка производилась под крышей [Massalski, Część 4, 1833, с. 56—57, 95].

Прогрессивным новшеством, которое недостаточно быстро распространялось в крае, была идея перехода от бортей к устройству пасеки в специально сконструированных ульях. Пасеку рекомендовали располагать на лугу в окружении лип. Считалось, что лучшими медоносами являются дятловина, резеда, мелисса, подсолнечник, шафран. Недалеко рекомендовалось размещать сад с цветочными клумбами и проточных небольших водоёмов для питья пчел. Удобное расположение пасеки и хороший уход позволяли иметь ежегодно несколько десятков фунтов меда с улья и несколько роев. Рационально организованная пасека являлась доходным предприятием и давала кроме мёда, воск, хмель, сахарный песок [Massalski, Część 4, 1833, с. 69].

Особое значение уделялось племенной работе, как в господском хозяйстве, так и в сельской округе. Породистых жеребцов, а также быков-производителей, самцов овец и свиней рекомендовалось сдавать в пользование местным крестьянам и чиншевой шляхте, что способствовало бы улучшению породы скота, вытеснению, например, слабой породы так называемой литовской лошади. Передовые хозяйства покупали тирольских, швейцарских и холмогорских коров. Тирольские и швейцарские, по мнению Э. Массальского, были менее устойчивы к местному климату и более требовательны к кормам, чем холмогорские коровы. Телят кроме молока поили специальным пойлом и выгоняли на луг. Коровы с телятами рекомендовалось выпасать на искусственном лугу. Телята не отлучались от коровы около года. Породистый скот рекомендовалось содержать на скотном дворе в стойлах в два ряда, корм засыпался в ясли. Корм составляла смесь луговых трав, корнеплодов, овсяной муки (полбочки овса в год на корову) и соли. Каждую корову мыли через три дня, ежедневно обтирают. Удои при подобном уходе и рационе получали в три раза большие, чем средние по краю. Крупные хозяйства насчитывали более 200 голов [Massalski, Część 4, 1833, с. 63—64, 68].

Мериносов не рекомендовалось разводить из-за относительно сырого климата в крае, что негативно сказывалось на состоянии животных. Кроме того мериносы были требовательны к условию содержания. Более предпочтительными породами в местных условиях были английская лейчестерская длинношерстная и соутдаунская короткошерстная, а также

крымская. Соутдаунская порода давала более вкусное мясо и молоко в сравнении с другими. Качество шерсти зависело во многом от условий содержания в овчарне. В летнее время овцы обычно выпасались на лугу [Massalski, Cześć 4, 1833, с. 65].

Коневодство в крае считалось малопродуктивной отраслью, так как требовало знаний и больших затрат труда. Средний по размеру конный завод состоял из нескольких жеребцов и пару десятков кобылиц. Жеребята с кобылами выпасались на выгоне, остальные лошади содержались на сухом корме. Через три года лошади выставлялись на продажу. [Massalski, Cześć 4, 1833, с. 67].

Рожь в гумне содержалась в снопах. Зерно хранилось в бочках. В одном помещении хранились семена масличных (подсолнечник, репа, мак, горчица черная и желтая, конопля, лен, полевая капуста), красильных (марена, вайда, шафран, песчанка, анис), луговых (турнепс, брюква, дятловина, журавлиный горох, люцерна, эспарцета, клевер, морица) [Massalski, Cześć 4, 1833, с. 43].

Истощенные поля рекомендовалось улучшать, внося обожженную глину, мергель и уголь, а затем — навозом, после чего высевать гречиху, торицу и луговые травы. Удобрение таким способом стоило на морг несколько десятков серебряных рублей, со всеми сельскохозяйственными мероприятиями обработка морга стоила около 400 злотых, что было достаточно высокой ценой. Чтобы окупить затраты на данных площадях высевали дорогостоящие культуры (красильные и масляные растения). Особую ценность имели органические удобрения. Навоз рекомендовалось содержать под навесом в ямах, отдельно конский, овечий, птичий, коровий, жидкий [Massalski, Cześć 4, 1833, с. 50, 61].

Как перспективный источник доходов Э. Массальский рационально организованное льноводство. Рекомендовалось использовать зимний сибирский лён, который был зернистее и крепче местного [Massalski, Cześć 4, 1833, с. 81].

Важной частью экономики поместья являлось прудовое хозяйство. В пруду разводили преимущественно щуку, карпа и форель. У пруда находились также солодовня, продукцию которой использовали для варки пива, а также маслобойня. Здесь же размещалось место для приготовления красильных трав — шафрана, вайды, марены. Наверху была табакосушильное помещение. У прудов строили мельницы, устраивали цеха по производству сахара [Massalski, Cześć 4, 1833, с. 77, 81].

При закладке сада и парка Э. Массальский призывал придерживаться принципа сочетания приятного с полезным, предлагая при планировании парка отдавать предпочтение плодовым растениям. В оранжерее Э.

Массальский призывал видеть не дорогую затею, а средство для увеличения дохода, что можно было реализовать, выращивая плодовые экзотические растения [Massalski, Cześć 4, 1833, с. 92, 100—101]. В хозяйстве был свой хмельник. Частью имения были также леса.

2.6 Инновационные процессы в поместном хозяйстве Беларуси

Политика российского правительства в отношении местных привилегированных групп, ухудшение внешнеэкономической конъюнктуры на местную сельскохозяйственную продукцию, увеличение конкуренции на местном рынке требовали от землевладельцев инновационной инициативы. В первую очередь эта потребность осознавалась образованными землевладельцами, которые модернизировали собственные хозяйства, добивались освобождения крестьян от барщины, реформировали свой и крестьянский быт соответственно новым представлениям о комфорте и гигиене. Повышались требования к интеллектуальному уровню представителей элиты, их личной ролево-функциональной эффективности (профессионализма, инициативности, образованности). Однако недостаток материальных ресурсов для экономических преобразований в среде значительной части шляхты способствовал консервации в крае на протяжении первой половины XIX столетия феодальных форм виталитивной культуры жизнеобеспечения. Наблюдалась редукция круга сословных функциональных обязанностей представителей местного нобилитета. Представители местных привилегированных групп все более замыкались в границах частного сословного быта. Как противовес российским влияниям пропагандировалась идея «европейскости», что способствовало распространению западноевропейских образцов бытовой культуры. Проводниками культурных инноваций в виталитивной культуре Беларуси в течение XIX столетия часто выступали иноэтнические (немецкие, российские, еврейские) и иносословные (купечество, мещанство) группы. В целом в течение XIX столетия при наличии определенных признаков разложения феодально-крепостнического строя и рождения новых капиталистических отношений в сфере экономики, в сфере культуры жизнеобеспечения привилегированного сословия Беларуси преобладали традиционные аграрные феодальные формы [Шыдлоўскі, 2011, с. 139—140].

Кроме заинтересованных в плодах своего труда компетентных работников и управляющих важным компонентом успеха рационального хозяйства являлась материальная база: хозяйственные постройки, инвентарь, племенная работа, грамотная агротехника. Хозяйственные постройки в имении рекомендовалось возводить из камня, что объяснялось

практичностью и конечной выгодой от эксплуатации каменных зданий в сравнении с деревянными. Советовалось следить за последними техническими новинками и закупать современную технику и инвентарь. Среди обязательной номенклатуры сельскохозяйственного инвентаря назывались разнообразные модификации плуга, предназначенные для разных типов почв, железные бароны, кирки, бороздники, сеялки, скарификаторы. Как наиболее перспективные виды инвентаря и техники назывались домбалеvский плуг, брабантская борона, аппарат Галла для сушки зерна. Для передового хозяйства обязательным являлось наличие конной молотилки (производительность — пять бочек зерна за десять часов), которой могли управляться трое крестьянских мальчиков. В овине рекомендовалось устраивать печи-сушилки, которые также могли использоваться для обжига кирпича и извести. Мука производилась с помощью механизма Эванса и не уступала по качеству маримонской, крупа — механизма Лескура. Для льна и пеньки использовали терку по шотландскому образцу, — за час на такой машине один человек обрабатывал такой объём льна, который традиционным способом получали за день. Трепалка для мочёного льна приводилась в движение силой воды. Использование этих аппаратов избавляли работников от вдыхания вредной пыли. Оба механизма были просты в изготовлении даже в условиях поместья. Для выделки льна и пеньки использовалась также чесальная машина (1811) венского механика Франца Ксавьера Вурма (1786–1860), на которой один работник мог за то же время вычесать в десять раз больше, чем просто рукой. Процесс мочения льна происходил на гребле на решетках, которые находились в ящике, вода постоянно менялась и не успевала испортиться, процесс занимал десять—двенадцать дней. Для выпаривания различных сортов дерева в строительных целях, для бочарного и столярного ремесла использовался специальный аппарат. В маслобойне использовался пресс Ревиллона. После выжимки масло очищали. Для производства сахара использовался гидравлический пресс. Крестьянки чистили свёклу и тут же загружали, свекольный сок вываривался в двенадцати котлах в следующей комнате. Контролировал процесс варки мастер. Работа была сезонная и выполнялась на протяжении всей осени. В результате выварки получали сахар-песок, который затем отправляли для рафинирования на фабрику. При нехватке сырья, чтобы доход был стабильным, на площадях сахарного производства зимой варили картофельный сироп, а весной — мёд и пиво [Massalski, Cześć 4, 1833, с. 48, 60, 75—81]. Парк транспортных средств состоял из дорожной кареты для выезда хозяйки, брички и коляски для нужд хозяина имения и приказчиков. Срок службы при бережной эксплуатации данных транспортных средств был

15—30 лет, однако мода требовала обновления парка транспортных средств [Massalski, Część 4, 1833, с. 66—67].

2.7 Роль винокурения в хозяйственных стратегиях белорусского помещичьего дворянства

Крупнейшей отраслью помещичьего предпринимательства было винокурение. В помещичьих фольварках после основных весенне-осенних работ основным занятием являлось изготовление водки из картофеля и зерна преимущественно на паровых винокурнях. Барда, которую получали почти все помещики из собственных винокурень, с дополнением сена и соломы использовалась на откорм домашних животных и птицы. Она способствовала получению значительных объемов навоза. Последнее позволяло Е. Тышкевичу позитивно оценивать широкую распространенность винокуренного производства [Tyszkiewicz, E. 1847, s. 204]. Данную точку зрения разделяли многие авторы, которые писали в XIX веке на экономическую тематику. По их мнению, винокурение являлось важным условием развития сельского хозяйства региона, так как существовал дефицит органических удобрений. Крупные помещичьи хозяйства содержали крупные стада крупнорогатого скота с целью получения этого необходимого продукта, а продукт переработки перегонки спирта — барда — позволял снижать издержки при откармливании. Ю. Крашевский объяснял широкое распространение винокурения тем, что водка лучше сохраняется, чем зерно. Барда же позволяет выкармливать скот и экономить дорогое сено. Позитивное он видел также в том, что интересы винокуренного производства стимулировали развитие картофелеводства [Kraszewski, s. 66].

Однако высказывалось и отличное мнение. Так Э. Массальский, не отрицая принципиального значения винокурения для откорма скота и получения большого объема органических удобрений, считал возможным заменить барду пивной гущей, а также выжимками из свекловицы и масляных растений [Massalski, Część 4, 1833, с. 78]. К. Контрим высказывал сомнения в том, что полесские помещики точно представляют насколько рентабельна их винокуренная деятельность, и полагал, что их доходы от винокурения невысокие [Kontrym, s. 41—44].

После введения акцизных правил 1863 года в крае были вынуждены остановить свою деятельность мелкие винокурни, которые использовали перегонные аппараты Шварца, Галя, Адамса [Опыт описания Могилёвской Кн. 2, 1884, С. 244-246]. А. С. Дембовецкий негативно оценивал последствия введения акцизных правил для белорусских помещичьих хозяйств и призывал изменить правительственную политику в данной сфере. По его мнению,

деятельность мелких винокурен являлась обязательным условием рентабельности помещного хозяйства [Опыт описания Могилёвской Кн. 2, 1884, С. 243].

На 1863 год, когда была введена новая акцизная система, в Могилевской губернии насчитывалась 255 винокуренных завода [Опыт описания Могилёвской Кн. 2, 1884, С. 236]. В 1880—1881 годах их количество значительно сократилось — 75 винокуренных заводов, 74 принадлежали дворянам, в аренде было 34. Двенадцать заводов значились убыточными согласно финансовой отчетности (Дембовецкий замечает, что данные заводчиков были неточны, подчас умышленно сфальсифицированы). Нередко владельцы винокурен сдавали свои заводы в аренду только на правах получения барды. Вместе они могли переработать до 3929 пудов (62 864 кг) разнообразной муки и солода и 4200 пудов (67 200 кг) картофеля в день. На винокуренных предприятиях Могилевщины работало 534 постоянных рабочих [Опыт описания Могилёвской Кн. 2, 1884, С. 196-203, 210]. В 1879—1880 годах при проверке в Могилевской губернии было выявлено 4 подпольных винокуренных завода [Опыт описания Могилёвской Кн. 2, 1884, С. 240]. В начале XX века также фиксируются криминальные группы, которые занимались подпольным производством водки [Аникиевич, 1907, С. 122].

Только в Сенненском уезде на 1 января 1907 года винокурение и производство дрожжей составляла 69,15% всего оборота промышленного капитала региона. Самыми крупными предприятиями уезда являлся дрожжево-винный завод Славинского в поместье Заречье, на котором в 1906 году работало 57 мужчин и 27 женщин, заработавшие за 356 дней 12729 рублей, спирта было выпущено на 15029 рублей и дрожжей на 143803 рубля. В уезде было также 13 винокуренных заводов, которые заработали 115706 рублей. Среди крупнейших Белицкий завод Свяцкого — прибыль 20872 рублей (штат 10 рабочих), завод помещика Зембинского в селе Худовцы — прибыль 11698 рублей (9 рабочих) [Аникиевич, 1907, С. 123].

Спирт, который вырабатывался на винокурнях Могилевщины, перерабатывался на единственном в губернии водочном заводе, который начал работать с 1873 года. На нем к 1879 году изготавливались также ром и арак. Водка выпускалась трех сортов: хлебная (41 градус, 5 рублей 60 копеек за ведро, очищалась один раз), 2 сорт (45 градусов, двойная очистка, 6 рублей 40 копеек) и высший сорт (47 градусов, дистиллированная, тройная очистка, 6 рублей 80 копеек). Продукция завода реализовалась исключительно в границах Могилевской губернии за исключением пограничных с Бобруйским уездом Минской губернии территорий, которые получали водку из Бобруйского более крупного завода. Могилевский водочный завод согласно

отчету владельца после 1879 года имел 700 рублей дохода в год [Опыт описания Могилёвской Кн. 2, 1884, С. 247-248]. По подсчетам А. С. Дембовецкого, в 1881 году на одну семью (8 душ), приживающую в Могилевской губернии, в среднем приходилось в год 2 ведра и 61 градус потребленного спирта (на 39 рублей 20 копеек). Всего в 1880—1881 годах на заводах Могилевской губернии было выработано 274686 ведер спирта, что не перекрывало нужд региона [Опыт описания Могилёвской Кн. 2, 1884, С. 241-242].

Наиболее распространенными предприятиями в поместьях Городенской губернии также являются пивоварни и винокурни. В губернии насчитывалось 1256 пивоварен и винокурен, продукция которых реализовалась в 7080 местных корчмах. Кроме шляхетских пивоварен в губернии также производилась водка в винокурнях евреев. В 1814 г. в 6-тысячным Гродно было продано 103 535 четвертей водки, 26 780 четвертей пива и 4 905 четвертей меду. Винокурни и пивоварни являлись наиболее современными и прогрессивными производствами губернии, уже в 1817 г. появились винокурни с паровыми котлами. Мед преимущественно изготовлялся на еврейских производствах [Lachnicki, 1817, с. 61].

На винокурнях обычно использовали медные котлы, дубовые или сосновые бочки, медные аппараты для перегонки (крышка с отводными трубками). Наиболее эффективными для винокурения аппаратами Э. Массальский считал плоские шотландские котлы по системе Пистория [Massalski, Cześć 4, 1833, с. 78]. Традиционно при винокурении использовали ржаную муку. В течение 70-ых годов XIX века картофель составлял около четверти в производстве водки, в 80-ых в связи с повышением цен на рожь часть картофеля увеличилась до трети и имела тенденцию к дальнейшему увеличению [Опыт описания Могилёвской Кн. 2, 1884, С. 238]. В малом количестве на некоторых заводах перерабатывали муку ячменную, овсяную, сухой и зеленый солод [Опыт описания Могилёвской Кн. 2, 1884, С. 238]. При винокурении 3 пуда 17 фунтов картофеля заменяли один пуд ржи. В Климовичском уезде в нескольких фольварках выращивали два сорта (луковка и спешка), завезенные из Царства Польского, которые давали повышенный выход спирта [Опыт описания Кн. 1, 1882, С. 426]. Сырьем для винокурения являлся картофель, ячмень, рожь, а в Белице также в незначительном количестве использовался овес, в Ширковке — кукуруза. Выработанный на заводах алкоголь доставлялся на Сенненский и другие спиртоочистительные винные склады. Кроме сенненского винного склада в уезде имелось 36 винных казенных лавок. Во всех этих учреждениях в течение 1906 года было продано 58771,45 ведер сорокаградусного алкоголя,

в том числе из казенных лавок алкоголя было продано на сумму 428922 рублей [Аникиевич, 1907, С. 123].

На винокуренных предприятиях острой оставалась проблема производственной санитарии, трудовой дисциплины и безопасности труда. Э. Т. Массальский указывает на типичные недостатки: неправильный выбор места для размещения производства (отсутствие удобных коммуникаций, близость грунтовых вод), ветхость, непригодность для производственных нужд и высокая пожарная опасность производственных строений (земляной пол, отсутствие канализации, задымленность помещения), неряшливый вид работников, присутствие на производстве посторонних лиц [Massalski, E. T. Część 2, 1831, s. 22—24]. Недостатки производства, по мнению Э. Т. Массальского, являлись следствием низкой профессиональной подготовленности винокуров, которые без специального обучения брались за управление винокурней. Специалистов, которые бы следили за надлежащим выполнением технологии, на винокуренные заводы из соображений превратно понимаемой экономии не нанимали. В данной среде не доверяли новшествам, так как вложения, связанные с модернизацией, зачастую не давали сиюминутной отдачи. Презиралась также идея механизации труда по причине низкой стоимости услуг рабочих [Massalski, E. T. Część 2, 1831, s. 25]. Даже если помещик покупал новое оборудование, без специально обученного персонала оно не давало ожидаемого эффекта, дискредитирую саму идею технического перевооружения [Massalski, E. T. Część 2, 1831, s. 26].

Отсутствовал также должный контроль над работой винокурен со стороны владельцев-помещиков [Massalski, E. T. Część 2, 1831, s. 24]. Прямо в арендованных винокурнях происходила нелегальная продажа спиртного. Его покупателями становились преимущественно крепостные, которые в форме натурального обмена на продукты питания, иногда, как замечает Э. Т. Массальский, ворованного с панского двора, получали спиртное, которое также фактически воровалось у пана. Таким образом, владелец винокурни, самоустранившись от контроля над производством, получал многочисленные убытки: крепостные и арендаторы за счёт панского добра производили свои гешефты; доступность спиртного провоцировала алкоголизацию работников фольварка [Massalski, E. T. Część 2, 1831, s. 25].

Для варенья пива необходим был самый простой инвентарь: кадка, треног и котел. Согласно З. Глогера, пивоварни никогда не отличались чистотой [Gloger, Z. Budownictwo. T. 1, s. 87; Gloger, Z. Encyklopedja, T. 4, s. 31]. В течении первой половины XIX века пивоварение, которым помещики занимались для собственных нужд, приходит в упадок [Gloger, Z. Encyklopedja, T. 4, s. 31]. Домашнее пиво вытесняется фабричным продуктом.

Уже на протяжении первой половины XIX века винокурением и пивоварением занимались преимущественно евреи [Севергин, 1804, С. 132]. Формируются региональные лидеры в данной отрасли. По словам К. Тышкевича, портер и баварское пиво, которые изготовлялись на пивоварне Александра Парчевского (Люцианы, Виленская губерния), потребляло половина Литвы с Вильно включительно [Tyszkiewicz, K. 1871, s. 166]. В Могилевской губернии в начале 80-ых годов XIX столетия насчитывалось 13 пивоваренных завода (8 принадлежало дворянам, 7 из них были отданы в аренду). Два более крупных пивоваренных завода находились в Могилеве и контролировались баварским подданным Леккертом. Завод Леккерта в Московском предместье Могилева был спроектирован в Праге, паровая машина была привезена из фабрики Розенкранца из Риги. Пиво Леккерта вывозилось в Черниговскую и Полтавскую губернии (могилевское пиво Леккерта было более дешевым, чем украинский местный продукт), ячмень получали из Украины. Местный ячмень закупался в незначительном количестве по цене 90 копеек за пуд, украинский стоил 1 рубль 10 копеек. Из украинского ячменя получался почти в два раза больший выход пива. Хмель привозился из Баварии (40—80 рублей за пуд). На могилевских заводах Леккерта выпускалось три сорта пива: бок-бир (2 рубля ведро), баварское (80 копеек), русское (75 копеек) [Опыт описания Могилёвской Кн. 2, 1884, С. 232]. За высокие вкусовые качества ценили щерсовское пиво в новогрудском уезде, адамковское пиво в брестском уезде, лахновский портер в гродненском уезде. Отличным качеством отличалось дубровенское пиво [Севергин, 1804, С. 140, Lachnicki, 1817, с. 61].

Согласно подсчетам А.С. Дембовецкого на одиннадцать жителей Могилевской губернии приходилось одно ведро пива (ведро пива в среднем стоило 1 рубль 20 копеек) в год, что, по убеждению автора, с учетом вывоза данного продукта за границы региона, было чрезвычайно мало. Пиво А.С. Дембовецкий считал альтернативой водке, способной снизить алкоголизацию населения [Опыт описания Могилёвской Кн. 2, 1884. С. 232—233].

3 Динамика виталитивной культуры сельского населения белорусских земель в XIX – первой половине XX вв.

В 1982 году известный белорусский литературовед и писатель Адам Мальдис опубликовал книгу «Беларусь в зеркале мемуарной литературы XVIII века» [Мальдзіс, 1982]. Начинается работа полемикой со взглядами жившей в начале XX столетия в своём имении в Пинском уезде писательницы Марии Родзевич (1864 – 1944). В 1906 году она высказалась на вечную для польских представлений о соседях тему, создав собирательный образ полесского белоруса и сравнив его с окрестной фауной: «Именуется Гриц, но фамилия ему легион, и встретить его можно в каждой серой деревеньке на большом пространстве края, что омывается сонными водами Стыри, Припяти, Горыни, Случи, Ясельды, Муховца. Гриц не знает, какая большая у него родина и какая многочисленная у него родня, как не знают об этом дождевой червяк, полевая мышь, крот, карась и воробьи, что одновременно с ним на этой земле рождаются, живут и исчезают» [Мальдзіс, 2001, с. 3].

«Дождевой червяк действительно не думает о своём существовании. У него нет индивидуального имени. Он не принимает никакого исторического наследства, не приумножает его и не передаёт следующим поколениям. Он вегетирует. Но можно ли сравнить с ним, слепым червяком, который выползает на поверхность земли, белоруса – пускай себе и в начале XX века? Неужели и он не осознавал, что имеет имя и род» [Мальдзіс, 2001, с. 3-4].

Приверженцем теории об «исторических» и «неисторических» народах был Фридрих Энгельс. Полемизируя с Михаилом Бакуниним в феврале 1849 года в статье «Демократический панславизм», он высказался совершенно однозначно: «... кроме поляков, русских и, самое большее, турецких славян, ни один славянский народ не имеет будущего по той простой причине, что у всех остальных славян отсутствуют необходимые исторические, географические, политические и промышленные условия самостоятельности и жизнеспособности. Народы, которые никогда не имели своей собственной истории, которые с момента достижения ими первой, самой низшей ступени цивилизации уже подпали под чужеземную власть или лишь при помощи чужеземного ярма были насильственно подняты на первую ступень цивилизации, нежизнеспособны и никогда не смогут обрести какую-либо самостоятельность» [Маркс, 1957, с. 294].

Туманный аргумент против «неисторичности» белорусов отыскался у Николая Добролюбова, который в 1860-м выразил надежду, что сами белорусы скажут своё веское слово, сами дадут себе справедливую характеристику. [Добролюбов, 1963, с. 360-361].

Для подтверждения слов «революционного демократа» нашлись неотразимые доводы из советского опыта: «И белорусы сказали! В году 1905 и году 1917. 1 января 1919 года, когда была провозглашена БССР. В годы Великой Отечественной войны. Сказали, дав миру Купалу и Коласа, Чёрного и Мележа, Танка и Быкова, Буйницкого и Савицкого, послав в космос Климука и Ковалёнка, создав многотонные самосвалы и надёжные тракторы “Беларус”» [Мальдзіс, 2001, с. 5].

Продолжая полемику с Марией Родзевич, Мальдис отмечает: «Когда Мария Родзевич писала своего «Грица», всего этого не было и не предвиделось. Белорусы тогда ещё не осознавали себя единой нацией. А жизнь белорусского крестьянина действительно напоминала вегетацию. Внешне всё в ней шло по вековым кругам: рождение – свадьба – смерть, сев – жатва – молотба... И круги эти казались замкнутыми. На первый взгляд, это действительно так» [Мальдзіс, 2001, с. 5]. Эти сомнения автор в конце концов опроверг, задавая резонным вопросом, могла ли шляхта «действовать, создавать духовные ценности, просто существовать, если бы не существовал «неисторический» белорусский крестьянин, если бы он не кормил и не одевал ту же шляхту?» [Мальдзіс, 2001, с. 6–7].

Возникает вопрос: насколько далёк был «мужик-белорус» от окружавшей его фауны и действительно ли его обыденной жизни была присуща вековая монотонность в истинно блоковском понимании, только растянутом на столетия: «Живи ещё хоть четверть века – Всё будет так. Исхода нет»? Мемуаров крестьянское население практически не оставило, а мнения о нём представителей прочих сословий, как водится, субъективны: от пессимистического народолюбия с тем самым колтуном в волосах до лубочных описаний мужицкого благоденствия в очередное царствование, не исключая и обнаруженной совсем недавно исследовательницей Светланой Сороко для XIX века «динамики белорусской культуры в общеевропейском контексте в рядах других народов, которые развивались в рамках западноевропейской культурной традиции» [Сарока, 2012, с. 86]. Истина, как это обычно бывает, где-то посередине, но для прояснения картины необходимо погрузиться в глубины виталитивной культуры белорусов.

До сих пор хрестоматийным образом белоруса XIX столетия служит известное некрасовское стихотворение «Железная дорога» (1864). Народолюбие Николая Алексеевича отразилось тут в предельно мрачных красках:

Стыдно робеть, закрываться перчаткою.
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, измождён лихорадкою,
Высокорослый, больной белорус:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах.....

Несчастливого белоруса так и хочется освободить, вылечить, лишиться пресловутого колтуна, разогнуть ему спину, отыскать способ добывать себе пропитание полегче и отучить тупо молчать. За всё это вместе взятое с разной степенью результативности с 1920-х годов и взялась советская власть на той части белорусских земель, что по Рижскому миру 1921 года достались большевикам. От колтуна с лихорадкой белорусский крестьянин в итоге избавился, добывать же хлеб по-прежнему приходилось очень трудно: и в сталинском колхозе, и на стройках социализма как альтернативе колхозу в виде сталинского раскрестьянивания, и тем более в сталинских лагерях и местах ссылки (на обитателей этих мрачных мест, согласитесь, и похож больше всего белорус Некрасова). Осталось только выяснить, насколько типичен был такой персонаж и в некрасовские, и в сталинские годы, которые при всех их различиях пришлись на периоды динамичной социальной модернизации.

Заметим сразу, что несчастный узник ржавой лопаты и в середине XIX века, и тем более в начале XX столетия имел немного общего с традиционным крестьянским обществом белорусов, которое развивало свою виталитивную культуру несколько по-иному. Градус беспросветности и мрачности в реальной жизни был гораздо меньше, но пробивалось это знание в издаваемых небольшими тиражами трудах этнографов и прочих гуманитариев. Географ Аркадий Смолич, к примеру, вопреки Некрасову заключил, что «климат Беларуси... очень здоровый для человека и очень полезен для хозяйства», а белорус «имеет крепкий, выносливый организм», но сам он не высокорослый, а по преимуществу среднего роста [Смолич, 1922].

Пресловутый колтун, как выясняется, относительно мирно сосуществовал с революционными для своего времени инновациями. Динамика перемен наглядно обнаружилась со второго десятилетия позапрошлого века, с началом длившейся больше века мирной эпохи развития современной белорусской территории в составе Российской империи. Отечественную войну 1812 года от вступления германских войск в белорусские пределы в 1915-м отделяет 103 года, при этом оба польских восстания (1830-1831 и 1863-1864) сколько-нибудь существенного ущерба повседневному существованию традиционного общества не нанесли, в особенности на территории Витебской и Могилёвской губерний [Борисёнок, 2013, с. 401].

Беспросветность повседневности даже в это мирное столетие никуда не делась, что в особенности касалось женского населения. Жёсткое разделение крестьянских занятий на «женские» и «мужские» определяло колоритный портрет белорусской селянки, нарисованный известным исследователем А. К. Сержпутовским: «Она толчёт в ступе крупу, мелет в ручных жерновах зерно на хлеб, печёт хлеб, готовит кушанье, убирает дом, кормит свиней, гусей, уток, телят, нянчит детей, ходит по воду, часто рубит дрова, доит корову, выгоняет на пастбище и встречает скотину – словом, не имеет никогда свободного времени, но это ещё не всё. Ей нужно вырастить лён, коноплю, приготовить куделю, напрядь, наткать и пошить бельё, сделать сукно для верхней одежды...» [Беларусы, 2001, с. 29].

Контрастом подобному времяпрепровождению, свойственному, заметим, явно не самой бедной жительнице села, были забавы и увеселения местной шляхты, состоявшей вопреки стереотипу не только и не столько из поляков и католиков. Среди мелких шляхтичей Витебской, Могилёвской и Минской (без Новогрудского уезда губерний) после 1839 года преобладали православные, а по материалам первой всероссийской переписи населения 1897 года исследователи выявили 65 тысяч дворян, родным языком которых был белорусский (43,3% от всей шляхты белорусских земель). [Шыдлоўскі, 2011, с. 39, 122]. Шляхту всех наречий и конфессий, как уже упоминалось, кормил белорусский крестьянин. И потчевал совсем неплохо, если судить по тому, что обнаружил известный литератор Игнатий Ходзько (1794 – 1861) на скромном сеймике в Ушачах: «Кручёные зразы, различные квашения... и такое множество жареной дичи, что даже стол прогибался... Были жареная лосятина... головы и окорока кабанов, медвежьи лапы – всё это занимало середину огромного стола; на широких оловянных листах были возведены горы из зайцев и различной птицы.... Попробовав по очереди старой водочки, мы начали отлично закусывать, запивая толстые куски тройным мёдом, полные бутылки коего стояли на камине» [Мальдзіс, 2001, с. 351]. Нетрудно догадаться, что заканчивались подобные пиршества несколько более прозаично, выявляя совсем не западноевропейские манеры благородного сословия, трудноотличимые от поведения посетившего корчму крестьянина. Тарелки представители «общеевропейского контекста» мыли редко и плохо, вилки и ножи, принимая гостей, с грехом пополам освоили только к концу «века Просвещения», при этом никуда не делись привычки накладывать мясо руками и швырять кости под стол или в угол. [Мальдзіс, 2001, с. 342-343].

Камин и печная труба были между тем не у каждого шляхтича, если верить основателю современного города Измаила генерал-лейтенанту Сергею Алексеевичу Тучкову 2-му (1766 – 1839), посещавшему Полоцк и

другие белорусские города, вошедшие в состав Российской империи по итогам разделов Речи Посполитой. По словам мемуариста, «... шляхта не имела тогда почти никакого воспитания, редкие знали грамоту. Обитали они тогда, как и теперь, в чёрных избах, наподобие простых земледельцев, нередко вместе с домашним скотом, а особенно в Белоруссии, Литве и северных провинциях Польши» [Записки..., 1908, с. 74].

Переход к «дымохозяйству» с трубой у большинства белорусских крестьян состоялся только после 1860-х годов. Другой генерал-лейтенант русской армии, православный шляхтич из-под Вильно и выпускник Полоцкого кадетского корпуса Павел Осипович Бобровский (1832 – 1905) в своём описании Гродненской губернии 1863 года издания указал, что только некоторые дома государственных крестьян имели трубы [Бобровский, 1863, с. 812]. А уже к началу XX века в курной избе с высоким порогом и низкими дверями оставались жить лишь некоторые старые люди, которым уже не под силу была перестройка дома, да одинокие женщины. В новых домах с трубами стало светлее – одновременно в них появились окна (поначалу небольшие, размером не свыше 16х12 вершков) из нормального прозрачного стекла, заменившие бычий пузырь или онучи, и деревянные полы на смену земляным или глиняным [Беларусы, Т. 5, с. 97].

Таким образом, за несколько десятилетий в белорусской деревне случилась печная революция, несомненно позволившая повысить качество жизни: в незакопчённом, открытом солнечному свету доме с помытым в субботу полом потом уже логично смотрелись керосиновая лампа и прочие новации вплоть до граммофона, завезённые из ближайшего города либо железнодорожной станции (при отсутствии в досоветскую эпоху серьёзных промышленных проектов сотни километров железных дорог, проложенных в 1860-е-1910-е годы, были существенным фактором модернизации на белорусских землях) [Борисёнок, 2013, с. 412].

Примечательно, что в то же самое время, во второй половине XIX века, отмечается массовое распространение картофеля и блюд из него в белорусской крестьянской повседневности. [Этнологія Беларусі, 2009, с. 63]. Стереотипный образ «бульбаша» и «любителя драников» складывается только с этого времени, хотя выращивать картошку стали ещё в XVIII столетии в королевских экономиях Августа III, но только век спустя произошло массовое осознание сугубой полезности «второго хлеба» вплоть до добавления тёртого картофеля в хлеб обычный с целью улучшения вкуса [Беларусы, Т. 5, с. 55]. Примечательно, что выкапывали клубни только во второй половине сентября. Это была ещё одна революция – в рационе питания. Веками складывавшийся культ хлеба пошатнулся, но не исчез; одновременно с картофелем в повседневном крестьянском быту появляются

свекла, помидоры и перец. Впрочем, приоритет земледелия подчёркивала поговорка «С кочергой – не с сохой», задача вкусно поесть в непраздничные дни не ставилась: к примеру, ячница считалась детским, воскресным и праздничным блюдом [Беларусы, Т. 5, с. 68].

А вот не поддающаяся особенным сомнениям в наши дни привычка спать на кровати, как и обычай разводить сады из фруктовых деревьев окончательно и бесповоротно пробили себе дорогу только в сталинские 1930-е годы, до того редкие яблони и груши росли вблизи крестьянского дома, а на зиму обычно засушивали плоды-«дички» [Беларусы, Т. 5, с. 65]. Таким образом, бытовые инновации не сразу и с трудом пробивали себе дорогу сквозь освящённую обычаем традицию. Шляхта, которую огульно принято считать избалованной, в «веке Просвещения» изрядно страдала от бытовых неудобств. Во второй половине XVIII века не у всех членов небогатой шляхетской семьи были удобные спальные места и тем более кровати: молодёжь привычно засыпала на лавке либо топчане [Мальдзіс, 2001, с. 317]. Привычки белорусских крестьян спать на печи, полатах и на полу перебрались и в XX столетие. С конца века позапрошлого в богатых семьях начали появляться самодельные кровати, но спать на них дозволялось лишь особо почётному гостю, который появлялся нечасто, чуть позже укладывать в кровать стали молодых незамужних девушек [Беларусы, Т. 5, с. 99].

Но что же заставляло белорусского крестьянина так долго присматриваться к преимуществам печной трубы и картофеля, обзаводиться валенками только с конца XIX века (причём поначалу в них щеголяли только зажиточные сельские жители восточно-белорусских земель) и игнорировать удобство кровати, разнообразие пищи и очевидные преимущества собственного фруктового сада, который даже при безобразном над ним уходе жизнь только облегчает? «Проклятый царский режим» здесь определённо не при чём, а вот сила общинной традиции в этом поведении присутствует зримо.

Об общинные порядки дружно спотыкались скованные одной цепью крестьянин и мелкий шляхтич, именно с их лёгкой руки богатство и благосостояние сельского жителя задолго до появления большевиков оказывались вещью предельно хлопотной. Н. В. Тесленко в 1893 году верно подметил, что «вообще в Белоруссии кулачество развито... мало» [Тесленко, 1893, с. 38]. Горожанину же было проще и в 1848 году, когда в военно-статистическом обозрении Могилёвской губернии зорко подметили, что мещанин лучше сложен телесно, нежели крепостной крестьянин, живёт в доме с трубой, деревянным полом и вазонами на окнах, наконец, учит своих детей грамоте [Военно-статистическое обозрение, 1848, с. 60]. У городского жителя было очень важное преимущество: не будучи вынужденным жить

«наедине со всеми», он имел свободу выбора хотя бы в плане домашней архитектуры и интерьера. Крестьянин же в условиях, когда единоличное хозяйство не получило распространения в большинстве белорусских регионов, вынужден был и после реформы 1861 года подчиняться прежним традициям: коллективная ответственность общины была отменена только в 1903 году, а вплоть до 1906-го в Могилёвской, Витебской и Минской губерниях общины контролировали от 45 до 85% наделных земель и угодий [Беларусы, Т. 6, с. 25, 27]. По справедливой оценке современных белорусских исследователей общественных традиций, в границах одной деревенской общины «не только материальная культура крестьян, но и весь образ жизни и бытовые отношения определяла унифицированность в постройках дворов, типам домов и хозяйственных строениях, сельскохозяйственном инвентаре, способах обработки и использования земли, одежде, еде, обрядах и обычаях» [Беларусы, Т. 6, с. 21–22]. Развивая эту мысль, В. Н. Белявина и И. В. Чаквин пришли к логичному выводу о сходстве белорусской общины поздней имперского периода с колхозами и совхозами советского времени. [Беларусы, Т. 6, с. 161].

Историки до сих пор часто спорят об истинной роли общинного начала в последние десятилетия самодержавной монархии. По мнению А. В. Шубина, «недостатки общины преувеличиваются её критиками, у неё есть свои социально-экономические достоинства» [Шубин, 2014, с. 71]. Но достоинства эти в белорусских условиях, при отсутствии здесь земств вплоть до 1911 года, а также каких-либо социальных лифтов для крестьянина, были весьма скромны, разве что «...не наблюдалось и абсолютного слияния личности с громадой» [Беларусы, Т. 6, с. 22]. В итоге и после отмены крепостного права любая инициатива ограничивалась рамками обычая, обогащаться и улучшать своё хозяйство было по-прежнему неудобно и невыгодно. Сразу же после отмены крепостного права некоторые «сельские обыватели» белорусских земель предались даже не беспробудному пьянству, а беспробудному сну. По наблюдениям А. Миловидова, проверочные комиссии едва могли созвать в деревнях в полдень несколько заспанных домохозяев [Миловидов, 1903, с. 26.]. Плыть по освящённому традицией течению было выгодно и по причине сохранения давних коллективных обычаев, известных как толока, сябрина, бонда – последняя предполагала угощение родственников и соседей первым хлебом, фруктами, мёдом, рыбой, свежим салом, мясом, колбасой. [Сержпутовский, 1907, с. 149–152]. Китович красочно описывал бытовавший среди мелкой шляхты при Августе III обычай устраивать «кулигу». Несколько бедных шляхтичей с лошадьми и взрослыми членами семей без приглашения заявлялись перед Масленицей к соседу побогаче, заставляя того врасплох. В гостях угощались и дебоширили

до тех пор, пока не съедали и выпивали все хозяйские припасы. Процедура повторялась у очередных добрых соседей, а когда приходил черёд ехать к организаторам «кулиги», выяснялось, что поживиться там нечем [Сержпутовский, 1907, с. 154]. В таких условиях вести образцовое и высокопроизводительное хозяйство шляхтичу даже средней руки было невыгодно: никто не отменял хлебосольный обычай надолго ездить друг к другу в гости.

Крестьянину также было проще не высовываться и не выделяться из общей массы в условиях, когда ему редко случалось выбираться за пределы своей волости или «геобиологического круга брачных связей» в радиусе 5-15 километров [Беларусы, Т. 6, с. 26]. При сохранении в отсутствие земских школ высокого уровня неграмотности образ власти у белорусского селянина был весьма своеобразным и негативно-равнодушным. На микроуровне государство представлялось «империей коррупции»: в волостном суде, куда чаще всего приходилось обращаться, всем заправлял волостной писарь, записной взяточник и вор. Даже сознавая свою безусловную правоту, крестьянин всегда подносил «благодетелю» два-три десятка яиц и шматок сала: «Белорус совсем не верит в то, что если волостной писарь не возьмёт от него подарка, то значит, его дело будет проиграно» [Гродненские губернские ведомости, с. 10]. На самом верху в обыденный быт вторгались государственные праздники, которых вместе с церковными набиралось немало: только в 1907 году было 45 неприсутственных дней. Учитывая, что до 200 дней в году приходилось на посты, работать крестьянину часто приходилось с разнообразными перерывами, присутствие некоторых из них, например, тезоименитство императора, императрицы, наследника, дни коронации, в отдалении от столиц и в разгар полевых работ вызывало отнюдь не верноподданнические чувства, а ощущения в диапазоне от равнодушия до неприятия, проявленные затем и в ходе российских революций начала XX века. В таких условиях жители белорусских земель были индифферентны не только к власти в Петербурге, но и к Пушкину: в 1899 году в связи со столетием поэта сбор пожертвований для музеев Пушкина в Михайловском и Пскове собрал в Брестском уезде 7 рублей 35 копеек, а в уездах Слонимском и Пружанском жертвователей не отыскалось вовсе [Беларусы, Т. 6, с. 566-567].

И тем не менее печь, которая топится «по-белому», повсеместное внедрение картофеля, появление кровати в крестьянском доме, пробуждение интереса к садоводству – всё это заметные, решительные, инновационные перемены для традиционного общества. Ускоренный темп изменений к лучшему в образе жизни сокращал «срок службы» уходивших вглубь веков общинных порядков параллельно с намерениями властей. Восприимчивость

белорусского крестьянина к существенным новациям виталитивной культуры, на наш взгляд, тесно связана с его линией поведения и в вихре стремительных перемен, наступивших с началом Первой мировой войны. Сначала, за один только 1915 год 58% крестьян-хозяев Могилёвской губернии и 28% в губернии Витебской при известиях о приближении линии фронта вышли из общины [Беларусы, Т. 6, с 32]. Не ощутив толком преимуществ единоличного хозяйства и земства в мирное время, житель белорусской деревни оказался толерантен и восприимчив ко всем экспериментам над ним, учинённым новой советской властью, включавшим в себя и избавление от «неисторического» статуса путём оформления государственности в большевистском формате с политикой белорусизации, и – в конце 1920-х годов – определённого свойства возврат к общинным порядкам в обличье сталинской коллективизации, и последующие процессы раскрестьянивания в тесной увязке с урбанизацией.

Революция в устройстве печей в крестьянском мире и поедании картофеля ценится ничуть не меньше, чем смена политического формата, а разделяет оба переворота всего лишь полвека – очень короткий срок для большого времени традиционного общества, что позволяет объединить оба белорусских реформаторских процесса в единый период существенной модернизации. Первую его волну – на уровне народного быта – можно было и не заметить, что и сделала упомянутая в начале статьи Мария Родзевич и другие помещики, владевшие именьями на белорусских землях. Местный крестьянин тем временем уже несколько десятилетий кардинально менял свой традиционный образ жизни и оказался лучше готовым ко второму приступу преобразований, прокатившихся теперь на виду у всех в области большой политики.

Очень значимым рубежом в развитии белорусского общества по этому пути стала Вторая мировая война, окончание которой совпало с окончательным решением Сталина о конфигурации границ БССР, увенчавшимся подписанием в Москве 16 августа 1945 г. советско-польского договора о границе. Объединение Восточной и Западной Беларуси на фоне двух военных кампаний – одной краткосрочной (сентябрь 1939 г.) и длившейся на территории БССР более трёх лет советско-германской (июнь 1941 – июль 1944 гг.) помимо неизбежных жизненных тягот и людских потерь означало и существенные перемены в традиционном образе жизни белорусского крестьянина. В данном контексте логично поставить вопрос об объективном сравнении моделей виталитивной культуры, сформировавшихся к началу Второй мировой войны на восточных и западных белорусских землях. Как представляется, оба основных стереотипа, последовательно сложившихся в литературе и сохраняющихся в устной

традиции применительно к Западной Беларуси, существенно искажают реальность. Традиционная советская мифология о причинах, побудивших советское руководство начать «освободительный поход» 17 сентября 1939 г., обязательно включала в себя тезисы о «непосильном гнёте панской Польши», подразумевавшем и крайнюю нищету «трудового крестьянства», воплощённые в сочинённой в 1939 г. песне Владимира Захарова на слова Михаила Исаковского с характерным текстом:

Я пришёл с тобою
Счастьем поделиться.

В песне всё заканчивалось просто и ясно:

И пошли два брата
Под зарёй широкой
Славною, широкой
Сталинской дорогой.

С конца 1980-х гг. широко распространена прямо противоположная точка зрения, относящая «непосильный гнёт» и «крайнюю нищету» уже к советской территории, в том числе и к Восточной Беларуси, а материальный уровень существования западно-белорусского крестьянства на этом фоне изображается позитивно. Первый из этих мифов обильно подкреплён материалами официальных советских источников, второй по большей части опирается на свидетельства устной истории – они, в частности, отражены в вышедшем в 2015 г. сборнике «Осень 1939 года в исторической традиции и устной истории», изданном под редакцией известного белорусского историка Александра Смоленчука. [Восень 1939 года, 2015, с. 287]. Учитывая объективные трудности с выявлением репрезентативных источников в сфере виталитивной культуры предвоенной, военной и послевоенной эпохи (в свидетельствах информаторов, особенно тех из них, что пережили эти события детьми, эмоции и оценочные суждения часто заслоняют реальность), стоит обратить особое внимание на увидевшие свет в 2000-е гг. подробные воспоминания двух уроженцев Западной Беларуси, заставших 1939 г. в юношеском возрасте и прошедших довоенные и военные годы в родных местах. Это мемуары Николая Дикевича 1924 г.р., выходца из православной семьи из-под Лиды, ставшего после войны учителем в родных местах, и Александра Шемеля 1923 г.р., воспитывавшегося в католической семье под Браславом, вступившего в Армию Крайову (АК) и оказавшегося после войны в Польше. [Дзікевіч, 2010, с. 91]. Разница между ровесниками в конфессиональном происхождении и в судьбе во время войны не исключает сходства впечатлений по ключевым сюжетам, в первую очередь связанных с

виталитивной культурой местных жителей в довоенные годы в составе Польши.

Примечательно, что своё прошлое до августа 1939 г. Шемель вспоминает крайне неохотно: его ранней биографии посвящены четыре страницы в предисловии и несколько вставок в основном тексте. Причина проста и понятна: жизнь его семьи в деревне Думаришки-6 при независимой Польше была в точности такой, как её описывали ещё сталинские пропагандисты: «После Первой мировой войны было исключительно тяжело. Было голодно и холодно. Две старшие сестры умерли от скарлатины, старший брат перенёс страшную болезнь – чёрную оспу, а я – английскую болезнь, или рахит. Вылечили меня солнце и одна бутылка рыбьего жира. Но я не вышел ростом и не мог похвастаться силой, которой обладали мои ровесники» [Szemel, s. 14].

Отметим романтичность повествования Шемеля: наверняка и голод в озёрной и лесной Браславщине переносился несколько легче, а уж отчего посреди сплошных лесов было «холодно», ответить непросто. Дикевич, краевед с многолетним стажем и щепетильный в деталях (вплоть до подробных схем дворов в родной деревне Дитрики и окружавших их разновидностей заборов), отмечает, что в Дикевичах заготовка дров была большой проблемой. Молодого леса, росшего на собственных наделах, хватало на содержание печей только летом. Зимой приходилось ждать, пока замёрзнет Неман с его быстрым течением, и отправляться за реку, где можно было купить лес у частных владельцев или получить его после санитарной вырубki. Красть лес в соседних деревнях было себе дороже: «Полиция по просьбе хозяев искала и обычно находила украденный лес, штрафовала неудачливых «заготовщиков», забирала и передавала хозяевам уже наколотые дрова. А в государственном лесу получить дрова, не заплатив денег, было невозможно. Он находился от нас далеко и стоил очень дорого. Красть там дрова было ещё более рискованно, чем у частных владельцев: можно было попасть в кутузку» [Дзікевіч, с. 27–28].

Итак, лес и изделия из него почти повсеместно были большой проблемой для крестьянства Западной Беларуси. Хорошо известно, что лесниками на этих землях назначались переселенцы из этнических польских земель, которые с приходом советской власти подвергались репрессиям наряду с осадниками. Жёсткость мероприятий по охране казённого леса влекла за собой отсутствие и в межвоенный период в крестьянских домах деревянных полов, привычных для могилёвских мещан уже в 1848 году. В этом мемуаристы Шемель и Дикевич сходятся вполне.

Семья Шемеля была небогатой. Отец автора, Наполеон, был младшим из сыновей местного лесника Винцентия, служившего сорок лет и

занимавшегося организацией охоты для окрестной элиты с графом Плятером во главе. О своём социальном происхождении (в отличие от этнического) Александр Наполеонович упоминает глухо и сбивчиво – надо полагать, в семье перемешались потомки мелкой шляхты (и явно той, что после восстания 1830-1831 гг. десятилетиями, подобно предкам известного советского историка-полониста Ивана Костюшко вынуждена была доказывать своё дворянство, причём очень часто безуспешно) [Борисёнок, 2009, с. 11–21]. Шемель столь же глухо упоминает и о весьма отдалённом родстве с самим Пилсудским – для романтика это, впрочем, вполне естественно.

Дед же Наполеона и прадед мемуариста, Пётр Шемель, был человеком зажиточным: «В первой половине XIX века прибыл из Курляндии и в Думаришках купил около 80 га земли, на которой выстроил большой по деревенским меркам дом с настоящим полом и печной трубой». [Szemel, 2004, s. 14]. Многочисленность потомства Петра и Винцентия привела к многочисленным разделам и обеднению семьи, а отцу нашего героя как младшему сыну выпала самая незавидная участь – упоминания «настоящего пола и печной трубы» из кирпича наверняка не случайны, и семье Наполеона Шемеля, не исключено, приходилось обходиться и без этого.

В Дитриках богатых людей не было по определению – никто из местных жителей не имел «хозяйства» площадью более 20 га, включавшего пашню, сенокосы и редколесье. Здесь в большинстве хат до устроенной польскими властями в 1935-1937 гг. хуторизации полы были из глины, а после переселения на хутора даже в новых домах «улучшенной планировки» крыша по-прежнему оставалась соломенной, а деревянные полы настилались только в «чистой» части хаты, а в сенях и возле печи покрытия оставались глиняными. По мнению Дикевича, «от отсутствия досок не у всех были уборные. Справляли нужду за хлебом или за гумном или между хлебами» [Дзікевіч, с. 59].

Тут дело не только в досках – прежнюю традицию, ещё времён крепостного права, польские власти на «кресах», не имея ни финансовых ресурсов, ни особого желания развивать этот регион, попросту законсервировали, оставив местных крестьян в привычной для них системе координат – упоминание Дикевичем «заснувшей цивилизации» в подзаголовке своей книги отнюдь не случайно. При этом налоги II Речь Посполитая взимала исправно и усердно, и крестьянству приходилось всячески изворачиваться, чтобы в условиях господства в значительной степени натурального хозяйства раздобыть злотые и провести своевременные выплаты. Дикевич резонно отмечает, что помимо подходящего налога польские власти взимали и налог на «купчую» - «за давно, ещё при царе,

данную дедам землю. Платили также страховку. Деньги немалые, но как-то выходили из положения» [Дзікевіч, с. 40]. Когда же в 1940 г. новые советские власти ввели обязательные нормы поставок зерна, картофеля и продукции животноводства, крестьяне в Дитриках «поняли, что полученные деньги не покрывают расходов на их производство» но смогли при этом до войны уклониться от организации колхоза, что и было главной целью указанных выше норм [Дзікевіч, с. 98].

В итоге и до хуторизации конца 1930-х гг., и после неё уровень жизни основной массы крестьянства на западно-белорусских землях по многим важным показателям оставался крайне низким. Отдельные же подробности способны были разжалобить душу даже отнюдь не процветавшего колхозника из БССР. По словам Дикевича, чья семья, заметим, не только имела лошадь, две коровы и прочую скотину, но и получала от польских властей пенсию, назначенную его матери по причине потери кормильца, погибшего в 1914 г. мужа, «экономили на всём, даже на спичках. Их раскалывали пополам. Часто со старым треснутым чугуном ходили из хаты в хату взять угольев на огонь (дрова были мелкие, и до вечера угольев не оставалось). Керосин брали в долг в литровой бутылке на высоту или ширину спичечной коробки. Хлеб также брали в долг и взвешивали безменом на фунты» [Дзікевіч, с. 47]. С приходом советской власти спички появились, но появилась новая напасть – мало того, что они плохо загорались, раскалывать их было невозможно.

Есть досыта во внешне благополучных Дитриках, жители которых могли трудиться на «панов» только с целью заработка, также случалось не всегда. Имевшие «третьяк», «четвертак» или меньше земли (то есть не более 7 га) «с работами справлялись, но за столом «справлялись» ещё быстрее. Весной часто не хватало хлеба и к хлебу. Бывало, недоспелую рожь жали, сушили, молотили, вновь сушили и пекли хлеб. Пробовал его и я. Сладковатый, но при нехватке – вкусный» [Дзікевіч, с. 35]. Понятно, что эти трудности несопоставимы с реальностью массового голода в СССР в начале 1930-х гг., но уверенности в завтрашнем дне они точно не прибавляли.

Представляется, что именно указанные выше особенности виталитивной культуры решающим образом повлияли на позицию большинства западно-белорусского крестьянства осенью 1939 года. Смену власти с польской на советскую встречали не только с абстрактной надеждой на светлое будущее в «первом в мире государстве рабочих и крестьян», но и с вполне конкретными пожеланиями, часть из которых в условиях БССР смогли реализовать ещё до лета 1941 года. Это прежде всего касается доступности образования, что особо отмечает даже Александр Шемель, уверяющий читателей своих мемуаров, что он природный поляк, а

белорусского языка не существует вообще. Но при описании 20 месяцев жизни «под советами» в 1939-1941 гг. в его тексте находим антисоветскую частушку той поры, очень правильно воспроизведённую (в отличие от транскрипции русских текстов: автор явно выдаёт, какой из языков восточных славян ему родной).

Плата же за обучение была для семьи Шемеля неподъёмной. Учительница Мария Децовская выхлопотала для любимого ученика стипендию, благодаря которой он успешно закончил 5-й и 6-й класс школы в Плюсах, а в июне 1938 г. выдержал экзамены в единственную в округе гимназию в Браславе. 15-летний Александр был настолько рад своему успеху, что за ночь отмахал 30 км от Браслава до родной деревни. Он уверял: «Месячная плата за обучение составляла немного, только 27 злотых, но 100 злотых получаемой за целый год стипендии едва покрывало часть оплат за учебу. Дирекция, однако, махнула на это рукой, и я учился бесплатно. Должен признаться, что никогда не чувствовал никакой дискриминации со стороны более богатых соучеников. Все мы были равны, ибо так нас воспитывала предвоенная школа. Подвозимая до школы на автомобиле княжна Мирская была у нас никем иным, кроме как подружкой Марыськой» [Szemel, 2004, s. 14]. Рассказы Шемеля о бесплатной учёбе и о мелкой сумме в 27 злотых отдают откровенным вымыслом – на первой же странице его мемуаров находим правдивый рассказ о том, как летом 1939 г. семья еле наскребла 5 злотых, чтобы послать ушедшему в апреле того же года в армию брату Александра [Szemel, 2004, s. 19]. А вот Николай Дикевич летом 1939 г. поступил в частную торговую гимназию в Лиде и должен был учиться бесплатно: учебное заведение находилось под патронатом отцов пиаров, которые активно пытались выявить среди крестьянских детей людей талантливых.

Итак, именно межвоенная бедность западно-белорусского крестьянства мешала воспользоваться теми немногими социальными лифтами, которые открывались для способных хорошо учиться на польском языке. Односельчанин Дикевича Константин Буйницкий окончил учительскую семинарию в Щучине, а начав учительствовать под Вильно, настолько повысил свой социальный статус, что в 1938 г. приехал в Дитрики на новеньком мопеде. Было в деревне и несколько велосипедов, но свободная продажа любой сложной техники вплоть до автомобиля натыкалась в этих краях на безденежье, не позволявшее покупать даже необходимую сельхозтехнику (новинкой считались достаточно примитивные орудия на конной тяге типа молотилок, чьё устройство подробно описывает Дикевич) [Дзікевіч, с. 17].

До 1939 г. в Дитриках не шло речи об электричестве, а первая киноустановка в деревню, находящуюся неподалёку от железнодорожной линии Барановичи – Лида, приехала уже при советской власти. Польская школа в отличие от церкви в деревне, где проживало немногим более 200

жителей, была, но толку от неё было немного. Неграмотность сохранялась, учитель пан Цало практиковал телесные наказания, а представления, устраиваемые для детей в школе «кружком сельской молодёжи», были платными, дороги были и учебники, а те, что выдавались в школе бесплатно, часто исчезали за лето – их скуривали на самокрутки местные жители, так как никаких газет в Дитриках никто не выписывал [Дзікевіч, с. 58].

Именно в сфере народного просвещения большевики и до войны, и начиная с 1944 г. достигли быстрого и заметного результата. Сам Николай Дикевич благодаря системе образования избежал отправки на фронт: после того, как в июле 1944 г. сюда пришла Красная армия, он сначала был занят на восстановлении железнодорожных путей, а с 1 октября того же года 20-летний юноша стал студентом 3-го курса Лидского педтехникума, что давало отсрочку от призыва. В армию Николай пошёл только после войны, в начале 1946 г., а ввиду нехватки учителей был демобилизован уже в феврале 1947-го, прослужив всё это время на территории БССР, в Лунинце, Пинске и Бресте. Та же дорога могла ожидать и способного юношу Александра Шемеля, но он предпочёл представиться советской власти бойцом АК, в Армию Людову идти отказался и до конца войны находился в тыловых частях в Московской области, после чего переехал в Польшу.

Проявив некоторую заботу об исправности социальных лифтов в сочетании с опорой на консервативную традицию, при которой многие качества общины совместимы с колхозным строем, сталинские власти без существенных проблем осуществили советизацию западно-белорусских земель. Тот факт, что коллективизация в Дитриках началась только в 1950 г., а характерных для региона в целом высылков антисоветских элементов здесь не было ни до, ни после войны, на общую картину повлиял мало. Обеспечив сначала прочность новой власти, несмотря на тяготы и лишения, принесённые Второй мировой, советская власть лишь затем приступила к постепенной модернизации повседневной жизни, которую вполне могли позволить себе и в межвоенной Польше. И мемуарист Дикович, в корне не согласный с аграрной политикой послевоенных и постсоветских чиновников, вынужден отметить: «Получается, что именно в колхозе крестьяне познали всё богатство достижений цивилизации. В каждой хате теперь есть электрический свет, радио и телевидение, пол сделан из досок или более современных материалов, а стены оклеены обоями или покрашены. Снаружи хаты обложены кирпичом или обшиты вагонкой. Работай, человек, и живи!» [Дзікевіч, с. 164].

4 Перспективы дальнейшего развития исследований и практического использования полученных

Перспективы дальнейшего развития и практического использования полученных во время проведения исторических исследований по тематике проекта отражены в направлениях: научном, образовательном и общественно-просветительском.

Планируется продолжение публикации в научной периодике результатов исследования. Реализация совместных образовательных проектов ставит целью создание и апробацию спецкурсов в ВУЗах Российской Федерации и Республики Беларусь. С 2009 года спецкурс «Конфессиональная история Беларуси X–XVIII вв.» преподаётся в ПГУ руководителем проекта с российской стороны, кандидатом исторических наук, доцентом Московского государственного университета им. М. Ломоносова Ю.А. Борисёнком. Итоги исследования будут использованы в образовательном процессе ПГУ при чтении лекций по спецкурсу «История Полоцка: по материалам археологических исследований» и по дисциплине «История Беларуси» руководителем проекта с белорусской стороны, профессором Д.В. Дуком.

В ближайшей перспективе планируется издание совместных публикаций по тематике проекта на страницах ведущих научных журналов Российской Федерации («Родина. Российский исторический журнал») и Беларуси («Беларускі гістарычны часопіс»), региональных изданиях («Веснік Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта»). Совместные проекты, координаторами которых с белорусской стороны являлись исполнители проекта, уже имели место на страницах журнала «Родина» (спецвыпуски «Три Софии. Киев, Новгород, Полоцк, 2007 г., «Великий Новгород», 2009 г.), презентация этих номеров в г. Полоцке и г. Новгороде вызвала большой общественный резонанс.

Общественная работа в результате проведённых исследований базируется на широких возможностях наглядного представления итогов. Результаты исследования опубликованы в научных изданиях России и Беларуси, которые хорошо известны на уровне всех регионов обеих стран, что создаёт основу единого проблемно-информационного пространства для дальнейшей деятельности.

Продолжение исследований может быть направлено на изучение исторической памяти белорусов в различных аспектах, сравнительную характеристику развития материальной и духовной культуры полочан и населения городов России в широком хронологическом контексте. Так, в продолжение исследования видится в концептуальном осмыслении

процесса формирования и развития основных представлений исторической памяти о белорусских землях в широком хронологическом контексте. Историческая память выражает одну из сторон духовной активности человека, которая заключается в способности отражения объективной действительности. Для современной историографии и особенно для стран Восточной Европы проблемы исторической памяти, тесно связанные с исторической политикой в последние десятилетия стали одним из приоритетных направлений исследования. Белорусские земли на протяжении IX – XXI вв. входили в состав различных государственных образований, что непосредственно влияло на процессы формирования исторического сознания и исторических знаний. При этом сами процессы, являющиеся основой исторической памяти, на примере белорусской проблематики изучены пока ещё не достаточно, внимание исследователей ограничивается отдельными историческими периодами, актуальным представляется комплексный подход к изучаемым явлениям. Коллектив исследователей предполагает на основе углублённого изучения и введения в научный оборот разнообразных источниковых массивов (в том числе из архивов России, Республики Беларусь и Польши) впервые в исторической науке сформировать совместные концептуальные подходы по наиболее актуальным аспектам исследуемой проблемы, в частности, по выявлению основных направлений трансформации основных представлений исторической памяти о белорусских землях IX – XXI вв.

Материалы исследования внедрены в учебный процесс УО «Полоцкий государственный университет» в спецкурсы «История Полоцка (по материалам археологических исследований)», «Краеведение», «История Беларуси». Материалы используются при подготовке лекционного материала в УО «ПГУ» руководителем проекта с российской стороны кандидатом исторических наук, доцентом Борисёнком Ю.А. и внедрении результатов исследований в рамках дисциплины «Конфессиональная история Беларуси в XIX - XX вв.» (имеются соответствующие акты внедрения).

Результаты исследований получают дальнейшее развитие в проекте «Население Полоцкого Подвинья в I-II тыс. н. э.» задания 1.1.01. Белорусские земли в первобытную эпоху, средневековье и раннее Новое время: археологические памятники, территория, население, экономика и культура, включенного в подпрограмму «История и культура» ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016-2020 гг.

5 Информация о результатах взаимного сотрудничества с российскими учёными

Работа временного российско-белорусского научного коллектива по тематике проекта в 2014-2016 годах осуществлялась согласно заявленному плану. Было налажено тесное взаимодействие с белорусскими участниками совместного проекта, в ходе научных командировок по проекту проведено исследование нового источникового материала в российских, белорусских и польских архивах и отделах рукописей библиотек, продолжен и углублен анализ новейшей белорусской, польской и отечественной историографии в разработке проблем, связанных с тематикой проекта.

В 2014 г. российско-белорусская научная группа на основе углубленного изучения обширных источниковых массивов начала работу по формированию совместных концептуальных подходов по наиболее актуальным аспектам исследуемой проблемы. В частности, при разработке различных аспектов образа жизни и бытового уклада населения белорусских земель общим направлением работы временного творческого коллектива стало исследование сюжетов, получивших в современной историографии название "виталитивной культуры". Участники проекта были едины в том, что в понятие виталитивной культуры логично добавить и культуру духовную, которая на протяжении многих столетий тесно сочленена с повседневным бытом. В таком аспекте новый термин получил более широкую трактовку: в понимании участников временного российско-белорусского научного коллектива виталитивная культура – это часть материальной и духовной культуры, связанная с жизнеобеспечением, повседневным бытовым укладом людей, менталитетом и традициями. И реконструкция образа жизни в данном ключе оправдана не только при обращении к реалиям средневековья, но и в поисках утраченного совсем недавно, в XIX и первой половине XX века.

Российский участник проекта на начальном этапе его реализации по взаимной договоренности сосредоточил внимание на особенностях развития и трансформациях виталитивной культуры населения белорусских земель в эпоху вхождения белорусских земель в составе Российской империи, а также в первые десятилетия существования СССР. Практические результаты выполнения проекта с российской стороны в 2014 г. выразились в трех научных статьях Ю.А. Борисёнка, в которых нашли отражение характер эволюционных и трансформационных изменений этнокультурных практик жизнеобеспечения населения белорусских земель, особенности этнокультурной и бытовой адаптации жителей белорусских земель в составе Российской империи в конце XVIII- начале XX в. сквозь призму динамики

виталитивной культуры, а также процессы модернизации белорусского общества первых десятилетий XX в.

В 2015 г. в сочетании с накопленными ранее источниками и изучением относящейся к тематике проекта специальной литературы новые исследования дали возможность достичь конкретных научных результатов в виде 8 научных публикаций (5 из них - результаты работы российского участника проекта, 3 - белорусских коллег). Российский участник проекта сосредоточил внимание на анализе характера эволюционных и трансформационных изменений этнокультурных практик жизнеобеспечения населения белорусских земель в XIX - первой половине XX вв. в условиях геополитического противостояния России и Польши, итогом чего стала публикация двух научных статей Ю.А. Борисёнка в журналах "Родина" и "Новая и новейшая история". В сфере интересов российского участника проекта также находились изучение и анализ особенностей этнокультурной и бытовой адаптации жителей белорусских земель в конце XIX в. - первой половине XX в., результатом чего стало написание трех научных статей Ю.А. Борисёнка (две из них опубликованы в "Вестнике РГГУ" и коллективной монографии "Россия и Польша: история общая и разобщенная"; одна статья принята к печати). Результаты работы белорусской части временного научного коллектива воплотились в виде 3 научных публикаций:

1. Дук, Д.В. Городское пространство и социальная топография Полоцка по данным ревизии 1765 года / Д.В. Дук // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2015. № 9. С. 2–13.

2. Шидловский С.О. Кризис хозяйственных практик и традиционных форм виталитивной культуры помещного дворянства Беларуси в отражении романа Э.Т. Массальского «Пан Подстолич» // Вестник Полоцкого государственного университета: Серия А (гуманитарные науки). 2015. –№ 9. – С. 90—94.

3. Шидловский С.О. Краеведение: электронное средство обучения для студентов специальности 1-89 01 01 "Туризм и гостеприимство". Новополоцк : ПГУ, 2015.

Таким образом, главная цель совместного исследования 2014–2016 гг. – представить комплексную характеристику основных направлений развития материальной и духовной культуры в сфере образа жизни и бытового уклада населения белорусских земель XVI– первой половины XX вв. на фоне геополитического взаимодействия Польши и России – была успешно достигнута. Конечным итогом исследовательской работы российско-белорусского временного научного коллектива, как и было задумано, стало

написание обобщающей научной работы в виде серии статей: к концу 2015 г. в российской и белорусской научной периодике, а также в сборниках статей и методических пособиях было опубликовано и принято к печати ряд научных статей по тематике проекта. Опубликованные работы Ю.А. Борисёнка по тематике проекта:

Борисёнок Ю.А. От колтуна до граммофона Динамика виталитивной культуры населения белорусских земель. – Родина. – Москва. – 2014. – № 12. – С. 64 – 67.

Борисёнок Ю.А. Отражение общественно-политических аспектов модернизации белорусского общества первых десятилетий XX в. в российской, белорусской, польской и чешской историографии. // Россия и Польша. история общая и разобценная. – Москва Аспект-Пресс, 2014. –С. 123 – 136.

Борисёнок Ю.А. Белорусский крестьянин в вихре модернизации. Виталитивная культура первых десятилетий XX века на фоне социальных перемен. – Родина. – Москва. – 2014. – № 6. – С. 122 – 125.

Борисёнок Ю.А. В те годы дальние, глухие? Белорусское общество 1880-х годов: идея государственности на фоне виталитивной культуры. – Родина. – Москва. – 2015. – № 2. – С. 75 – 77.

Борисёнок Ю.А. Белорусские земли между Польшей и Россией – от разделов Речи Посполитой до второй мировой войны (1772 – 1945) // Новая и новейшая история. – Москва: Наука, 2015. -№ 5. – С. 148 – 159.

Борисёнок Ю.А. Отражение общественно-политических аспектов модернизации белорусского общества первых десятилетий XX в. в российской, белорусской, польской и чешской историографиях //Россия и Польша: история общая и разобценная. – Москва: Аспект Пресс, 2015. – С. 199 – 216.

Борисёнок Ю.А. Динамика трансформации социокультурных процессов на белорусских землях в первой половине XX в.: современное состояние историографии // Вестник РГГУ. Серия "Международные отношения. Зарубежное регионоведение". – Москва: Издательский центр РГГУ, 2015. – С. 18, 80 – 94.

Борисёнок Ю.А. Окончание Второй мировой войны и особенности виталитивной культуры населения БССР. – Братислава, 2015.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в результате проведенного исследования, по материалам полоцкой ревизии 1765 года, стало возможным впервые в историографии определить примерную площадь городского пляца (основной единицы исчисления размера участка, на котором располагалось недвижимое имущество в XVI–XVIII вв.) в диапазоне от 1077 до 1236 кв. м. Величина площади пляца была постоянной на протяжении по крайней мере XVI–XVIII вв., таким образом, размер земельного участка кратный $1/8$, $1/4$, $1/2$ пляца составлял соответственно 125–150, 250–300, 500–600 кв. м. Это полностью совпадает с имеющимися археологическими данными по размеру одной городской усадьбы в городах Беларуси (Полоцк, Могилев, Гродно и др.).

В XVI–XVIII вв. происходит становление новых традиций в материальной культуры населения Беларуси. По сравнению с предыдущей эпохой, материальная культура находится в перекрестке культурных традиций Западной Европы и Востока. Основой материальной культуры в данный период по-прежнему остаются восточнославянские традиции, унаследованные от эпохи Древней Руси, однако с XIV в. всё больше проявляются западноевропейские культурные новации, которые были творчески перевоплощены местными мастерами и заложили основы самобытных национальных черт материальной культуры белорусов. Наиболее полно данная тенденция прослеживается в базовом аспекте материальной культуры – домостроении.

С XIV в. отмечается наличие богатых деревянных домов («хоромов») с печами, изготовленными с использованием изразцов. Со временем массовое тиражирование печных изразцов перевернуло основы домостроения. В первой половине XVI в. многие печи в домах горожан были сложены уже целиком из печных изразцов т. н. стенового типа. Дома и отдельные помещения стали называться «светлицы», отапливаться по-белому, имеют стеклянные окна взамен традиционных волоковых, что позволило богато украшать интерьеры жилых построек. Данная черта домостроения резко выделяет материальную культуру городского населения Беларуси XVI–XVIII вв. от сопредельного московских земель, где массово светлицы появляются не ранее середины XVIII в. При этом в отличие от западного региона Беларуси (Гродно), в восточном и северном регионах (Поднепровье, Подвинье) домостроение по-прежнему являлось преимущественно деревянным. В XVII–XVIII вв. отмечено строительства «камениц» - кирпичных жилых построек мещан и шляхты. При этом в XVIII в. активно возводятся монументальные барочные ансамбли католических монастырей.

Стенные печные изразцы, которые в большом количестве обнаружены в жилых монастырских кельях, а также в жилых домах, являются надежным хроноиндикатором благодаря тому факту, что имеют очень своеобразные конструкционные особенности. Так, в конце XV - первой половине XVI в. бытовали изразцы, на которых изображение было передано высоким рельефом (горельефом). Сюжеты изразцов свидетельствуют о мифологии, быте, религиозных предпочтениях. Изразцы изготавливали терракотовыми, иногда покрывались глазурями преимущественно коричневого и зеленого цветов. В конце XVI века высота рельефа изображения уменьшается, сюжеты приобретают большее разнообразие – от жанровых сцен до стилизованных изображений, особое место занимают изразцы с геометрическим, растительным орнаментом и с т.н. геральдическими изображениями. Шляхта активно размещает на изразцах свои гербы, порядок составления геральдических щитов, содержащих сведения о родословной дворянина, имел особый порядок, отличный от традиции земель Польши, Германии и проч. земель.

В слоях XVII – XVIII веков преобладают находки т.н. стенных (коробчатых) изразцов, разнообразной керамической утвари, изготовленной на ножном гончарном круге, покрытой монохромными и полихромными глазурями.

Яркой приметой культурных отложений XVII – XVIII веков является стеклянная посуда самого разнообразного предназначения. Оконное стекло зафиксировано в закрытых археологических комплексах первой половины XVI века. Изготавливались стеклянные изделия местными мастерами по западноевропейским технологиям, что говорит о возрождении данной отрасли ремесленного производства после длительного перерыва с середины XIII в. Особую категорию изделий стеклоделов представляют оконные стекла. Для остекления окон до конца XVIII в. употреблялись стекла небольших форматов. Стёкла имеют зелёный или зелёный с коричневым оттенком цвет. Стеклышки вставлялись в оловянные или свинцовые оправы и соединялись в большие по площади листы. Наличие домов со стеклянными окнами и изразцовыми печами XVI века является яркой новацией материальной культуры.

В слоях XVII – XVIII вв. массовыми находками становятся фрагменты и целые стеклянные бутылки, бутлики, кварталы. мода на восточные традиции, укорененная в ВКЛ при Стефане Батории, привела к увлечению местной шляхты продукцией виноделия, следовательно, появляется богатый ассортимент стеклянных изделий для сервировки стола.

Ремесленное производство XVI – XVIII вв. было очень разнообразным по ассортименту и видам продукции. В XVI в. происходит объединение

ремесленников в крупные корпорации (братства), основу будущих цехов на манер западноевропейских.

В целом материальная культура населения Беларуси XVI – XVIII вв. развивалась в рамках нескольких этапов. Западноевропейские стили искусства – ренессанс, маньеризм (раннее барокко), развитое барокко и рококо, а также классицизм, были широко представлены в различных видах декоративно-прикладного искусства и являлись частью повседневной жизни населения Беларуси, в том числе и в бытовых аспектах.

Распространение и освоение маньеризма в виталитивной культуре городского населения (изразцовое производство, изготовление декоративной посуды, ювелирное дело и др.) связано с последней четвертью XVI в. – началом XVII в. Большой ассортимент керамической посуды, жанровое разнообразие изразцов и техники декорирования керамики, популярность геральдических изображений, а также появление новых изделий из металлов и кожи, свидетельствует о расцвете материальной культуры развитого барокко (вторая четверть XVII в.). Традиции рококо (последняя четверть XVII – первая половина XVIII ст.) и классицизм (вторая половина XVIII в.) отражены в приемах украшения изразцов.

В течении XIX столетия на белорусских землях бытовая среда утрачивала традиционные черты, происходила ее унификация в соответствии с общеевропейскими и внутривосточными тенденциями. В первую очередь данные изменения затронули быт крупного дворянства и верхов мещанства. Политика российского правительства в отношении местных привилегированных групп, ухудшение внешнеэкономической конъюнктуры на местную сельскохозяйственную продукцию, обострение конкуренции на местном рынке требовали от землевладельцев инновационной инициативы. Осмысление данной необходимости происходило прежде всего в среде крупных землевладельцев, которые первыми проводили модернизацию собственных хозяйств, инициировали обсуждение вопроса освобождения крепостных, совершенствовали свой и крестьянский быт в соответствии с научными представлениями о комфорте и гигиене.

Кризис старых виталитивных форм и технологий жизнеобеспечения повышал требования к интеллектуальному уровню представителей элиты, их личному ролево-функциональному соответствию задачам социального лидерства (наличию профессионализма, инициативности, образованности). Зачастую недостаток образовательного ценза и материальных ресурсов для экономических преобразований способствовали консервации на протяжении первой половины XIX века феодальных форм культуры жизнеобеспечения. Наблюдалась редукция круга сословных функциональных обязанностей представителей местного нобилитета, и особенно его низших и средних

слоев. Представители местных привилегированных групп демонстрировали тенденцию к самоизоляции в кругу частного быта. Идея принадлежности к западноевропейской цивилизации культивировалась в пику унификационным общероссийским тенденциям, что способствовало распространению ретроспективных образцов и стилей бытовой культуры (например, неоготика). Инновационными культуртрегерерами, которые стимулировали трансформация виталитивной культуры Беларуси на протяжении XIX века, являлись чаще всего иноэтнические (немецкие, российские, еврейские) и иносословные (купечество, мещанство, разночинная интеллигенция) группы. В целом в течении XIX века при наличии определенных признаков деструкции феодально-крепостнического строя и рождения новых капиталистических отношений в сфере экономики, в культуре жизнеобеспечения привилегированного сословия Беларуси преобладали традиционные аграрные феодальные формы.

Основные стратегии эксплуатации крепостных, которые практиковались польскими землевладельцами (произвольное увеличение объёмов работ на барщине, использование крестьянского инвентаря и скота при работах на барщине, изъятие излишка продуктов, оплата за труд водкой, принуждение к использованию платных услуг господских мельниц, завышение стоимости услуг, принуждение к раннему вступлению в брак, экономия на строительстве крестьянского жилья, ограничение мобильности крестьян), следует отнести к экстенсивным. Трудовые и экологические ресурсы края расходовались в целях получения помещиками максимальной прибыли, практически не предусматривая механизмов их восстановления. Идеология сарматизма, внушающая местной шляхте комплекс завоевателей, помогала польским помещикам морально дистанцироваться от плодов данной хозяйственной практики, которая истощала среду обитания и ставила на грань вырождения местное крестьянство.

Идея рациональной организации помещичьего хозяйства, которая высказывалась в работах отечественных и зарубежных авторов первой половины XIX века, подразумевала достижения рентабельности и стабильной прибыли. Реализации данной цели призваны были служить рекомендации, представленные в книге А. Тюддевицкой «Литовская хозяйка». Книга создавалась в дореформенный периода и основывалась на опыте использования лично зависимого экономически немотивированного в результатах своей работы крестьянства. Отсюда повышенное внимание автора к вопросам хозяйственного контроля. Практика контроля обосновывалась у А. Тюддевицкой принципом «презумпции виновности» крепостного работника. Подразумевалось, что крепостные воруют, портят

инвентарь, относятся к своим обязанностям недобросовестно, утаивают правду, не умеют и не хотят работать, «действуют машинально».

Крепостная система своими сущностными характеристиками девальвировала попытки реорганизации сельского хозяйства на принципах рациональности. Организация работы крепостных, предложенная А. Тюндевицкой, только в незначительной степени предусматривает материальное стимулирование. Производственные отношения в предложенной А. Тюндевицкой модели хозяйствования держались на мелочной регламентации максимально большой номенклатуры рабочих операций, а также на тотальном контроле. Подобный подход требовал личного повседневного присутствия и участия помещика во всех хозяйственных и витальных процессах поместья, продуманной и разветвленной системы учета и контроля. Подразумевалось, что помещик в совершенстве знает каждую технологичную операцию и точно прогнозирует исход любого действия. А. Тюндевицкая, таким образом, создает утопичный образ идеального с ее точки зрения хозяина, который не мог быть сформирован в процессе традиционной социализации в привилегированном обществе первой половины XIX века.

Очередной попыткой создания образа идеального сельского хозяина является «хозяйственный» роман Э. Массальского «Пан Подстолич». Писатель видел обязательным условием для экономического процветания помещичьего хозяйства приобретение помещиками специального сельскохозяйственного образования. Он полагал возможным обучение детей помещиков в специальных сельскохозяйственных школах, которые при отсутствии таких в регионе предлагалось организовывать самим помещикам. Свою позицию Э. Массальский иллюстрировал примером Пруссии, где изучение сельскохозяйственной науки было обязательным в школах. Получивших первоначальную подготовку в школах помещичьих детей предлагалось направлять в университет, преимущественно на юридические и экономические специальности, чтобы расширить знания будущих помещиков. Идеальный помещик виделся Э. Массальскому патриархом, главой большой семьи, которую составляли не только родные и близкие, но и крепостные. Он предстал для своего окружения образцом праведного христианина и удачливого хозяина. Барщину в поместье предлагалось заменить оброком, в уплату которого зачислялась бы работа на господских полях. Оплату предполагалось производить не поденно, а от объема сделанного. Площадь господской запашки рекомендовалось уменьшить, а поля разделить на меньшие участки, чтобы улучшить качество их обработки. Признавалась необходимость учреждения для крестьян

сельскохозяйственной школы. Домашнее хозяйство крестьян поместья предполагалось организовать на рациональных принципах.

Несмотря на наличие признаков кризиса и острую критику феодальных нравов, большинство помещичьих хозяйств стремилось добиваться благосостояния не за счет рационализации хозяйственных процессов, а прибегая к испытанным рецептам, среди которых первое место отводилось винокурению. Последнее оставалось крупнейшей отраслью помещичьего предпринимательства. В помещичьих фольварках после основных весенне-осенних работ основным занятием являлось изготовление водки из картофеля и зерна преимущественно на паровых винокурнях. Барда, которую получали почти все помещики из собственных винокурен, с дополнением сена и соломы использовалась на откорм домашних животных и птицы. Она способствовала получению значительных объемов навоза. Последнее позволяло Е. Тышкевичу позитивно оценивать широкую распространенность винокуренного производства. Данную точку зрения разделяли многие авторы, которые писали в XIX веке на экономическую тематику. По их мнению, винокурение являлось важным условием развития сельского хозяйства региона, так как существовал дефицит органических удобрений. Крупные помещичьи хозяйства содержали крупные стада крупнорогатого скота с целью получения этого необходимого продукта, а продукт переработки перегонки спирта — барда — позволял снижать издержки при откармливании. Ю. Крашевский объяснял широкое распространение винокурения тем, что водка лучше сохраняется, чем зерно. Барда же позволяет выкармливать скот и экономить дорогое сено. Позитивное он видел также в том, что интересы винокуренного производства стимулировали развитие картофелеводства. Однако высказывались и противоположные аргументы. Так Э. Массальский, не отрицая принципиального значения винокурения для откорма скота и получения большого объема органических удобрений, считал возможным заменить барду пивной гущей, а также выжимками из свекловицы и масляных растений. К. Контрим высказывал сомнения в том, что помещики точно представляют насколько рентабельна их винокуренная деятельность, и полагал, что их доходы от винокурения невысоки. После введения акцизных правил 1863 года в крае были вынуждены остановить свою деятельность многие мелкие винокурни, что ухудшало состояние помещичьего хозяйства края.

Динамика перемен традиционного уклада жизни белорусского крестьянства наглядно обнаружилась еще с 1810-х годов, с началом длившейся больше века мирной эпохи развития современной белорусской территории в составе Российской империи. Отечественную войну 1812 года

от вступления германских войск в белорусские пределы в 1915-м отделяет 103 года, при этом оба польских восстания (1830-1831 и 1863-1864) скольконибудь существенного ущерба повседневному существованию традиционного общества не нанесли, в особенности на территории Витебской и Могилёвской губерний. Беспросветность повседневности даже в это мирное столетие никуда не делась, что в особенности касалось женского населения. Контрастом были забавы и увеселения местной шляхты, состоявшей вопреки стереотипу не только и не столько из поляков и католиков. Среди мелких шляхтичей Витебской, Могилёвской и Минской (без Новогрудского уезда губерний) после 1839 года преобладали православные, а по материалам первой всероссийской переписи населения 1897 года исследователи выявили 65 тысяч дворян, родным языком которых был белорусский (43,3% от всей шляхты белорусских земель). Шляхту всех наречий и конфессий кормил белорусский крестьянин. При этом характерны совсем не западноевропейские манеры благородного сословия, трудноотличимые от поведения посетившего корчму крестьянина. Камин и печная труба были между тем не у каждого шляхтича. Переход к «дымохозяйству» с трубой у большинства белорусских крестьян состоялся только после 1860-х годов. В новых домах с трубами стало светлее – одновременно в них появились окна (поначалу небольшие, размером не выше 16x12 вершков) из нормального прозрачного стекла, заменившие бычий пузырь или онучи, и деревянные полы на смену земляным или глиняным. Таким образом, за несколько десятилетий в белорусской деревне случилась печная революция, несомненно позволившая повысить качество жизни: в незакопчённом, открытом солнечному свету доме с помытым в субботу полом потом уже логично смотрелись керосиновая лампа и прочие новации вплоть до граммофона, завезённые из ближайшего города либо железнодорожной станции (при отсутствии в досоветскую эпоху серьёзных промышленных проектов сотни километров железных дорог, проложенных в 1860-е-1910-е годы, были существенным фактором модернизации на белорусских землях).

Примечательно, что в то же самое время, во второй половине XIX века, отмечается массовое распространение картофеля и блюд из него в белорусской крестьянской повседневности. Веками складывавшийся культ хлеба пошатнулся, но не исчез; одновременно с картофелем в повседневном крестьянском быту появляются свекла, помидоры и перец. Впрочем, приоритет земледелия подчёркивала поговорка «С кочергой – не с сохой», задача вкусно поесть в неспражничные дни не ставилась: к примеру, яичница считалась детским, воскресным и праздничным блюдом. Во второй половине XVIII века не у всех членов небогатой шляхетской семьи были удобные

спальные места и тем более кровати: молодёжь привычно засыпала на лавке либо топчане. Привычки белорусских крестьян спать на печи, полатях и на полу перебрались и в XX столетие. Только с конца позапрошлого века в богатых семьях начали появляться самодельные кровати, но спать на них позволялось лишь особо почётному гостю, который появлялся нечасто, чуть позже укладывать в кровать стали молодых незамужних девушек.

Консервации традиционных обычаев способствовало сохранение в белорусской деревне общинных устоев, при этом городской быт даже при неразвитости процессов урбанизации отличался от сельского уже в середине XIX века. Уже в 1848 году в военно-статистическом обзрении Могилёвской губернии зорко подметили, что мещанин лучше сложен телесно, нежели крепостной крестьянин, живёт в доме с трубой, деревянным полом и вазонами на окнах, наконец, учит своих детей грамоте. У городского жителя было очень важное преимущество: не будучи вынужденным жить «наедине со всеми», он имел свободу выбора хотя бы в плане домашней архитектуры и интерьера. Крестьянин же в условиях, когда единоличное хозяйство не получило распространения в большинстве белорусских регионов, вынужден был и после реформы 1861 года подчиняться прежним традициям: коллективная ответственность общины была отменена только в 1903 году, а вплоть до 1906-го в Могилёвской, Витебской и Минской губерниях общины контролировали от 45 до 85% наделных земель и угодий. По справедливой оценке современных белорусских исследователей общественных традиций, в границах одной деревенской общины «не только материальная культура крестьян, но и весь образ жизни и бытовые отношения определяла унифицированность в постройках дворов, типам домов и хозяйственных строениях, сельскохозяйственном инвентаре, способах обработки и использования земли, одежде, еде, обрядах и обычаях». Развивая эту мысль, В. Н. Белявина и И. В. Чаквин пришли к логичному выводу о сходстве белорусской общины позднеимперского периода с колхозами и совхозами советского времени. Историки до сих пор часто спорят об истинной роли общинного начала в последние десятилетия самодержавной монархии. По мнению А. В. Шубина, «недостатки общины преувеличиваются её критиками, у неё есть свои социально-экономические достоинства». Но достоинства эти в белорусских условиях, при отсутствии здесь земств вплоть до 1911 года, а также каких-либо социальных лифтов для крестьянина, были весьма скромны, разве что «...не наблюдалось и абсолютного слияния личности с громадой». В итоге и после отмены крепостного права любая инициатива ограничивалась рамками обычая, обогащаться и улучшать своё хозяйство было по-прежнему неудобно и невыгодно. Плыть по освящённому традицией течению было выгодно и по причине сохранения давних

коллективных обычаев, известных как толока, сябина, бонда – последняя предполагала угощение родственников и соседей первым хлебом, фруктами, мёдом, рыбой, свежим салом, мясом, колбасой. В таких условиях вести образцовое и высокопроизводительное хозяйство даже шляхтичу средней руки было невыгодно: никто не отменял хлебосольный обычай надолго ездить друг к другу в гости. Крестьянину также было проще не высовываться и не выделяться из общей массы в условиях, когда ему редко случалось выбираться за пределы своей волости или «геобиологического круга брачных связей» в радиусе 5-15 километров.

При сохранении в отсутствие земских школ высокого уровня неграмотности образ власти у белорусского селянина был весьма своеобразным и негативно-равнодушным. На микроуровне государство представлялось «империей коррупции»: в волостном суде, куда чаще всего приходилось обращаться, всем заправлял волостной писарь, записной взяточник и вор. Даже сознавая свою безусловную правоту, крестьянин всегда подносил «благодетелю» два-три десятка яиц и шматок сала: «Белорус совсем не верит в то, что если волостной писарь не возьмёт от него подарка, то значит, его дело будет проиграно».

И тем не менее печь, которая топится «по-белому», повсеместное внедрение картофеля, появление кровати в крестьянском доме, пробуждение интереса к садоводству – всё это заметные, решительные, инновационные перемены для традиционного общества. Ускоренный темп изменений к лучшему в образе жизни сокращал «срок службы» уходивших вглубь веков общинных порядков параллельно с намерениями властей. Исследования Ю.А. Борисёнка показали, что восприимчивость белорусского крестьянина к существенным новациям виталитивной культуры тесно связана с его линией поведения и в вихре стремительных перемен, наступивших с началом Первой мировой войны. Сначала, за один только 1915 год 58% крестьян-хозяев Могилёвской губернии и 28% в губернии Витебской при известиях о приближении линии фронта вышли из общины. Не ощутив толком преимуществ единоличного хозяйства и земства в мирное время, житель белорусской деревни оказался толерантен и восприимчив ко всем экспериментам над ним, учинённым новой советской властью, включавшим в себя и избавление от «неисторического» статуса путём оформления государственности в большевистском формате с политикой белорусизации, и – в конце 1920-х годов – определённого свойства возврат к общинным порядкам в обличье сталинской коллективизации, и последующие процессы раскрестьянивания в тесной увязке с урбанизацией.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссією. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1878. – Т. 9. – 591 с.
2. Аникиевич, К. Т. Сенненский уезд Могилёвской губернии : опыт описания в географическом, историческом, этнографическом, бытовом, промышленном и статистическом отношениях, с картой уезда, схемой двух озёр и рисунками в тексте / К. Т. Аникиевич. — Могилёв : Губернская типография, 1907. — 149 с.
3. Анішчанка, Я. Локаць / Я. Анішчанка // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т. 2: Кадэцкі корпус–Яцкевіч / Рэдкал. : Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; Маст. З.Э. Герасімовіч. – Мінск: БелЭн, 2006. – С. 217–218.
4. Арутюнов, С.А. Проблемы исследования культуры жизнеобеспечения этноса / С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян// Советская этнография. – 1983. – № 2 – 167с.
5. Археалогія Беларусі. У 4 т. Т. 3. Сярэдневяковы перыяд (IX – XIII стст.) / Я.Г. Звяруга, Т.М. Каробушкіна, П.Ф. Лысенка, Г.В. Штыхаў: навук. рэд. П.Ф. Лысенка. – Мн.: “Беларуская навука”, 2000. – 554 с.: іл.;
6. Археалогія Беларусі: у 4 т. / В.М. Ляўко [і інш.]; пад. рэд. В.М. Ляўко і інш. – Мінск: Беларуская навука, 2001. – Т. 4: Помнікі XIV – XVIII ст. – 597 с.
7. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. – Вильна, 1867. – Т. 1. – 409 с.
8. Базан, Л.А. Горадабудаўніцтва і палацавая архітэктура ў канцы 16 — пач. 20 ст. / Л.А. Базан [і інш.] // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. — Мінск : БелЭн, 1993—2003. — Т.1. — 1993. — С. 175—177.
9. Барташевич, А.А. История интерьера и мебели / А.А. Барташевич [и др.] ; под общей ред. А.А. Барташевича. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2004. — 400 с.
10. Беларусы. Т. 5. Сям’я. Мінск. Беларуская навука, 2001.- 375с.
11. Беларусы. Т. 6. Грамадскія традыцыі. Мінск. 2002-606с.
12. Белоруссия в эпоху феодализма : Сборник документов и материалов : В 4 т. / под ред. А.И. Азарова. — Минск : АН БССР, 1959—1979. — Т. 3. — Воссоединение Белоруссии с Россией и ее экономическое развитие в конце XVIII — первой половине XIX века (1772—1860) / сост. В.В. Чепко, В.В. Шатилло. — 1961. — 624 с.
13. Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование. – М.; 2005 -378 С.

14. Бобровский, П. О. – СПб.: Тип. деп. Ген. штаба, 1863 / П.О. Бобровский. – Ч. 2. – 1074 с. – (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба).
15. Борисёнок, Ю. А. Переулочек Калиновского, или станция Полоцк вместо Полоцкого университета Ю.А. Борисёнок // Русский сборник. Т. XV. – М. 2013. – 536 с.
16. Борисёнок, Ю.А. 60 лет в строю, или Патриарх славяноведения. Штрихи к портрету Ивана Ивановича Костюшко / Ю.А. Борисёнок // *Studia Slavica-Polonica* (К 90-летию И.И. Костюшко). – М., 2009 – 448 с.
17. Бохан, Ю.М. Побит феадалаў Вялікага Княства Літоўскага ў XV – сярэдзіне XVII стагоддзя / Ю.М. Бохан, А.А. Скеп’ян. – Мінск: Беларусь, 2011. – 271 с.: іл.
18. Бялявіна, В.М. Жаночы касцюм на Беларусі / В.М. Бялявіна, Л.В. Ракава. — Мінск : Беларусь, 2007. — 351 с.
19. Бялявіна, В.М. Мужчынскі касцюм на Беларусі / В.М. Бялявіна, Л.В. Ракава. — Мінск : Беларусь, 2007. — 303 с.
20. Варонін, В. Новая літаратура: агляды і рэцэнзіі: “Тарасаў, Сяргей В. Полацк IX – XVII ст.: Гісторыя і тапаграфія” / В. Варонін. – Мінск : Беларуская навука, 1998. – 183 с.: іл. // Беларускі гістарычны агляд. Т. 7. Сшытак. 1 (12). 2000. – С. 246 – 254.
21. Варонін, В.А. Праваслаўныя цэрквы і манастыры горада Полацка (да 1582 года) / В.А. Варонін // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. Вып. 2. – Минск : РИВШ, 2009. – С. 152 – 174.
22. Варонін, В.А. Сацыяльна-эканамічнае і палітычнае развіццё Полацкага ваяводства ў першай палове XVI стагоддзя: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / В.А. Варонін. – Мінск, 2000. – 109 с.
23. Витебская старина / сост. А. Сапунов, 1888. – Т. V: Витебск. – 670 с. + 40 л. ил.
24. Витебская старина / сост. А. Сапунов; типо-литография Г.А. Малкина, 1885. – Т. IV: Витебск. – 394 + XII с.
25. Витебский областной краеведческий музей, коллекция рукописей 7312/9, листы 1–11.
26. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VIII. Ч. 3. Могилёвская губерния. СПб. 1848-61с.
27. Восень 1939 года ў гістарычнай традыцыі і вуснай гісторыі. Мінск, 2015-287с.
28. Галубовіч, В.У. *Miscellanea historica polocensia*=Даследаванні па гісторыі Полаччыны XII–XVII стст.: манаграфія / В.У. Галубовіч. – Гродна: ГДАЎ, 2014. – 224.
29. Гродненские губернские ведомости. 1905. 1 июля. - 16с.

30. Дзікевіч, М.М. Дзітрыкі. Згукі заснуўшай цывілізацыі / М.М. Дзікевіч. – Масква, 2010 – 200 с.
31. Добролюбов, Н. А. Избранные философские произведения / Н.А. Добролюбов. – Т. 2. – М. 1963. – 584 с.
32. Долбилова, М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М.Д. Долбилова. – М.,: Новое литературное обозрение, 2010 – 1000 с.
33. Доўнар, А. Пацвярджальны прывілей Полацку 1633 г. (нарыс з гісторыі Полацка 30-х гадоў XVII ст.) / А. Доўнар // Commentarii Polocenses Historici. – 2004. – Т. 1. – С. 43 – 49.
34. Древняя русь. Быт и культура. – М.: Наука, 1997 – 368 с., ил.;
35. Древняя русь. Город, замок, село. – М.: Наука, 1985-431с.
36. Дук, Д.У. Полацк і палачане (IX – XVIII стст.) / Д.У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2010. – 180 с., [22] арк. іл.
37. Дук, Д.У. Размяшчэнне вечавай плошчы ў Полацку (па выніках археалагічных раскопак у 2011 г.) Д.У. Дук // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Выпуск 25. Вынікі даследавання першабытных і сярэдневяковых старажытнасцей Беларусі ў 2011–2012 гадах. – Мн., 2014. – С. 203–212.
38. Ельскі, А. Гістарычныя звесткі пра Радзівілаўскую ткальню паясоў у Слуцку / А. Ельскі // Выбранае / укл. Н. Мазоўка ; пер. з пол. — Мінск : Беларускі кнігазбор, 2004. — (Беларускі кнігазбор ; Сер. II. Гісторыка-літаратурныя помнікі) — С. 65—86.
39. Записки Сергея Алексеевича Тучкова. – СПб., 1908. – 303с.
40. ИЮМ (Историко-юридические материалы, извлечённые из актовых книг губерний Витебской и Могилёвской, хранящиеся в Центральном архиве в Витебске и изданные под редакцией архивариуса сего архива Сазонова). – Витебск: Вит. Губ. Типо-Литография, 1901. – Вып. 29. – 472 с.
41. ИЮМ. – Витебск: тип. Губ. правл., 1875. – Вып. 6. – 411 с.
42. Кавко, А.К. От Скорины до Купалы. Белорусская литература в контексте национально-культурного возрождения / А.К. Кавко. – М.: Институт мировой литературы им М.Горького, 2006 – 287 С.
43. Козлов, В.И. Основные проблемы этнической экологии / В.И. Козлов // Советская этнография. – 1983. – № 1. – 169с.
44. Колединский, Л.В. Виталитивная культура Витебска в конце XIII – середине XV в. (по материалам раскопок Верхнего замка)// Полацк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Полацк, 22- 23 мая 2012 г.) / Нац. акад. навук Беларусі, Ін- т гісторыі, Полацкі дзярж. ун- т ; [навук. рэд., уклад. В. М. Ляўко]. — Мінск : Беларус. навука, 2012. — С. 437-455

45. Комзолова, А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ / А.А. Комзолова. – М.: Наука, 2005—383 с.
46. Короткова, Д.А. Белорусский аспект в деятельности советской дипломатии в 1920 году / Д.А. Короткова // Славяноведение. – 2012. – № 3. – 127 с.
47. Красьянскі, В. “Чарцёж” места Віцебску 1664 году як дакумэнтальны помнік да гісторыі беларускага драўлянага будаўніцтва / В. Красьянскі. – Мінск, 1928. – 55 с. [1].
48. Кулагин, А.Н. Архитектура дворцово-усадебных ансамблей Белоруссии: вторая половина XVIII — начало XIX в. / А.Н. Кулагин. — Минск : Наука и техника, 1981. — 134 с.
49. Кулагін, А.М. Па колішніх маэнтках / А.М. Кулагін // Страчаная спадчына / Т.В. Габрусць [і інш.] ; уклад. Т.В. Габрусць. — Мінск : Полымя, 1998. — С. 157—230.
50. Кулагін, А.М. Талент, аддадзены радзіме / А.М. Кулагін // Беларусь у малюнках Напалеона Орды. Другая палова XIX стагоддзя. / укл. А.М. Кулагін [і інш.]. — Мінск : Ураджай, 2001. — С. 6—9.
51. Куль-Сяльверстава, С.Я. Беларусь на мяжы стагоддзяў і культур : Фармаванне культуры Новага часу на беларускіх землях (другая палова XVIII ст. — 1820-я гады) / С.Я. Куль-Сяльверстава. — Мінск : БДУ, 2000. — 260 с.
52. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. – 319 с.;
53. Лазука, Б.А. Беларускае барока : Гіст.-тэарэт. прабл. стылю / Б.А. Лазука. — Мінск : Беларусь, 2001. — 144 с.
54. Лакотка, А.І. Дойлідства / А.І. Лакотка // Беларусы : Т. 2 / рэдкал.: В.К. Бандарчык [і інш.]. — Мінск : Тэхналогія, 1997. — 391 с.
55. Лакотка, А.І. Нацыянальныя рысы беларускай архітэктуры / А.І. Лакотка. — Мінск : Ураджай, 1999. — 366 с.
56. Лакотка, А.І. Пад стрэхамі прашчураў / А.І. Лакотка. — Мінск : Полымя, 1995. — 384 с.
57. Літоўская гаспадыня, ці Навука аб утрыманні ў добрым стане хаты / Г. Цюндзявіцкая ; пер. з пол. П.Р. Казлоўскага. — Мінск : Полымя, 1993. — 366 с.
58. Макараў, М.Дз. Месцкія ўлады Полацка (1580–1772 гг.): арганізацыя, персанальны склад / максім Дзмітрыевіч Макараў. – Смаленск: Інбелкульт, 2014. – 198 с.
59. Маленко, Л.И. Белорусский костюм XIX—XX вв. / Л.И. Маленко. — Минск : Бел. наука, 2006. — 142 с.

60. Мальдзіс, А. Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі / А. Мальдзіс. – Мн.: Лімарыус, 2001. – 384 с.
61. Марзалюк, І.А. Магілёў у XII – XVIII ст. Людзі і рэчы / І.А. Марзалюк. – Магілёў; Мінск: Веды, 1998. – 260 с.
62. Маркс, К. Сочинения. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 6, М., 1957. – 411с.
63. Мацук, А.У. Полацкае ваяводства ў XVIII ст.: ваявода, шляхецкая эліта, соймакі / А.У. Мацук. – Мінск: Беларуская навука, 2014. – 233 с.: іл.
64. Миловидов, А. Устройство общественного быта крестьян Северо-Западного края при графе М. Н. Муравьеве А. Миловидов. – Вильна, 1903 – 35 с.
65. Михутина, И.В. К вопросу о провозглашении Советской Социалистической Республики Белоруссии / И.В. Михутина // Славяноведение. 2008. № 4.-126с.
66. Молчанова, Л.А. Очерки материальной культуры белорусов XVI –XVIII вв. / Л.А. Молчанов. – Минск: Наука и техника, 1981. – 112 с., ил.
67. Опыт описания Могилёвской Губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях : В 3 книгах. Кн. 1 / Под ред. А. С. Дембовецкого. — Могилёв : Типография губернского правления, 1882. — [6], 782, [2] с.
68. Опыт описания Могилёвской Губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях : В 3 книгах. Кн. 2 / Под ред. А. С. Дембовецкого. — Могилёв : Типография губернского правления, 1884. — [6], 1000, [2] с.
69. Очерки русской культуры XVI века / под. ред. А.В. Арциховского. – М.: Из-во Московского университета, 1976. – Ч. 1: Материальная культура. – 324 с.
70. Патоцкі, Л. Успаміны пра Тышкевічаву Свіслач, Дзярэчын і Ружану / Л. Патоцкі ; пер. з пол. І.У. Саламевіча. — Мінск : Полымя, 1997. — 270 с.
71. Петровская, О.В. Формирование границ Западной Белоруссии в 1939-1940 гг. / О.В. Петровская // Журнал российских и восточноевропейских исследований. – 2012. – № 1. – 188 с.
72. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в.: в 6 вып. / Акад. наук СССР. Ин-т истории СССР. – М., 1977 – 1989. – Вып. 2 / сост. А.Л. Хорошкевич. – 1978 – 220 с.

73. Рабинович, М.Г. О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан XI–XVI вв. / М.Г. Рабинович. – М.: Наука, 1964 – 353 с., ил.
74. Рабинович, М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города / М.Г. Рабинович. – М.: Наука, 1988. – 312 с.
75. Русь-Литва-Беларусь. Проблемы национального самосознания в историографии и культурологии. – М.: Наследие, 1997 – 286с.
76. Сарока, С. Сацыяльна-культурная дынаміка беларускага этнасу ў інфармацыйнай прасторы Расійскай імперыі XIX ст. / С. Сарока // Беларусіка=Albaruthenica. Вып. 33. Новае слова ў беларусістыцы. Гісторыя і культуралогія. Матэрыялы V Міжнароднага кангрэса беларусістаў. Мінск. 2012. – 267с.
77. Сахута, Я.М. Дэкаратыўна-прыкладное мастацтва / Я.М. Сахута // Беларусы / рэдкал.: А.І. Лакотка [і інш.]. — Т. 8. — Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ім. К. Крапівы НАН Беларусі. — Мінск : Бел. навука, 2005. — 351 с.
78. Севергин, В. М. Продолжение записок путешествия по западным провинциям Российского государства, или Минералогические, технологические и другие примечания, učinённые во время проезда через оные в 1803 году... / В. М. Севергин. — СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1804. — 168 с.
79. Сержпутовский, А. Очерки Белоруссии. Бонда / А. Сержпутовский // Живая старина. Вып. 3-4. СПб. 1907-321с.
80. Смоліч, А. Географія Беларусі / А. Смоліч. – Вільня, 1922.-35с.
81. Соловьёв, А.А. Полоцкий иезуитский коллегиум в ретроспективе (1581–1914) : архитектурно-археологический очерк / А.А. Соловьёв. – Полоцк: Полоцк. кн. изд-во, 2012. – 97 с.: ил., XII с. цв. ил.
82. Сыракомля, У. Вандроўкі па маіх былых ваколіцах / У. Сыракомля // Добрыя весці : паэзія, проза, крытыка / уклад. і камент. У. Мархеля, К. Цвіркi ; пер. з пол. — Мінск : Маст. літ., 1993. — С. 173—321.
83. Тесленко, Н. В. О судопроизводстве по обычному праву белорусов / Н.В. Тесленко // Этнографическое обозрение. – 1893. – № 3 – 208 с.
84. Ткачоў, М.А. Замкі і людзі / М.А. Ткачоў. — Мінск : Полымя, 1987. — 220 с.
85. Тэер, А. Основания рационального сельского хозяйства : в 5 ч. / А. Тэер. – Москва : Университетская типография, 1830—1835.
86. Федорук, А.Т. Садово-парковое искусство Белоруссии / А.Т. Федорук. — Минск : Ураджай, 1989. — 247 с.: ил.

87. Цітоў, В.С. Народная спадчына : Матэрыяльная культура ў лакальна-тыпалагічнай разнастайнасці / В.С. Цітоў. — Мінск : Навука і тэхніка, 1994. — 300 с.
88. Цітоў, В.С. Этнаграфічная спадчына. Беларусь. Краіна і людзі / В.С. Цітоў. — Мінск : Беларусь, 1996. — 208 с.
89. Чантурия, В.А. История архитектуры Белоруссии : в 2 т. / В.А. Чантурия. — Минск : Вышэйшая школа, 1985. — Т. 1 : Дооктябрьский период. — 3-е изд., пер. — 1985. — 295 с.
90. Чантурия, В.А. История архитектуры Белоруссии : в 2 т. / В.А. Чантурия. — Минск : Вышэйшая школа, 1985. — Т. 1 : Дооктябрьский период. — 3-е изд., пер. — 1985. — 295 с.
91. Шидловский, С. О. Из проектов И. С. Аксакова по социокультурному обустройству Северо-Западного края Российской империи / С. О. Шидловский // Славяноведение. — № 5. — 2013. — С. 78—85.
92. Шидловский, С.О. Кризис хозяйственных практик и традиционных форм виталитивной культуры помещного дворянства Беларуси в отражении романа Э.Т. Массальского «Пан Подстолич» / С.О. Шидловский // Вестник Полоцкого государственного университета: Серия А (гуманитарные науки). — 2015. — № 9. — С. 90—94.
93. Шидловский, С.О. Эдуард Томаш Массальский о стратегиях эксплуатации белорусского крепостного крестьянства / С.О. Шидловский // Вестник Полоцкого государственного университета: Серия А (гуманитарные науки). — 2014. — № 1. — С. 57—60.
94. Шпилевский, П.М. Путешествие по Полесью и белорусскому краю / П.М. Шпилевский ; текст. подгот. С.А. Кузнецовой. — Минск : Юнацтва, 1992. — 251 с.
95. Шубин, А. В. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года / А.В. Шубин. М. 2014-452с.
96. Шыдлоўскі, С.А. Культура прывілеяванага саслоўя Беларусі: 1795—1864 гг. / С.А. Шыдлоўскі. — Мінск : Беларуская навука, 2011. — 168 с.
97. Шыдлоўскі, С.А. Сістэма рацыянальнага гаспадарання ў рабоце Ганны Цюндзявіцкай «Літоўская гаспадыня» / С.А. Шыдлоўскі // Вестник Полоцкого государственного университета: Серия А (гуманитарные науки). — 2013. — № 9. — С. 2—6.
98. Этналогія Беларусі. Традыцыйная культура насельніцтва ў гістарычнай перспектыве. Мн., 2009.-- 340с.
99. Якимович, Ю.А. Зодчество Белоруссии XVI – XVIII вв. / Ю.А. Якимович. – Минск: Наука и техника, 1991. – 368 с.

100. Bystron, J.S. Dzieje obyczajów w dawnej Polsce, wiek XVI—XVIII : W 2 t. / J.S. Bystron. — Wyd. 3. — Warszawa : Państw. Instytut Wydawniczy, 1976. — T. 1. — 454 s.

101. Dąbrowska, M. Problematyka i stan badań nad ogrzewnictwem na ziemiach polskich od XIV do połowy XVII w. / M. Dąbrowska // Studia z dziejów rzemiosła i przemysłu. — 1970. — T. 10. — S. 7 – 19.

102. Gloger, Z. Budownictwo drzewne i wyroby z drzewa w dawnej Polsce : w 2 t. / Z. Gloger. — Warszawa : Druk Wl. Lazarskiego, 1907—1909. — T. 1. — 1907. — 383 s.

103. Gloger, Z. Budownictwo drzewne i wyroby z drzewa w dawnej Polsce : w 2 t. / Z. Gloger. — Warszawa : Druk Wl. Lazarskiego, 1907—1909. — T. 1. — 1907. — 383 s.

104. Gloger, Z. Encyklopedia staropolska : w 4 t. / Z. Gloger. — Warszawa : Druk P. Laskauera i W. Babickiego, 1900—1903. — T. 4. — 1903.— II, 523, [5] s. s.

105. Gospodarz galicyjski czyli sztuka z bogacenia się w krótkim czasie przez wiejskie i domowe gospodarstwo : dzieło na wzór wiejskiego gospodarstwa Albrechta Thaera dla Galicyi w 3 częściach. — Kraków, 1800—1820.

106. Gospodyni litewska czyli nauka utrzymywania porządku domu i zaopatrzenia go we wszystkie przyprawy, zapasy kuchenne, apteczkowe i gospodarskie tudzież hodowania i utrzymywania bydła, ptactwa i innych żywności, według sposobów wyprobowańszych i najdoświadczeńszych, a razem najtańszych i najprostszych. — Wilno : Nakł. i drukiem J. Zawadzkiego, 1876 — 510 s.

107. Kontrym, K. Podróż Kontryma, urzędnika banku polskiego odbyta w roku 1829 po Polesiu / K. Kontrym ; Wydana przez Edwarda Raczyńskiego. — Poznań : U Walentego Stefańskiego, 1839. — 72 s.

108. Kraszewski, J. I. Wspomnienia Polesia, Wołynia i Litwy / J. I. Kraszewski. — Paryż : Nakładem J. K. Wilczyńskiego, 1860. — 144 s.

109. Lachnicki, I. E. Statystyka Gubernii Litwesko-Grodzienskiej / I. E. Lachnicki. — Wilno : Nakład i druk J. Zawadzki, 1817. — X, [2], 88 s.

110. LVIA (Lietuvos valstybės istorijos archyvas). – Фонд 599. – Вopис. 1. – Спр. 3.

111. Massalski, E. T. Pan Podstolic, albo, Czém jesteśmy, czém być możemy : romans administracyjny : W 5 częściach. Część 2 / E. T. Massalski. — Wilno : W Drukarni A. Marcinkowskiego, 1831. — 268 s.

112. Massalski, E. T. Pan Podstolic, albo, Czém jesteśmy, czém być możemy : romans administracyjny : W 5 częściach. Część 4 / E. T. Massalski. — SPb : W Drukarni K. Kraja, 1833. — 286 s.

113. Massalski, E. Z pamiętników (1799—1824) / E. Massalski // Z filareckiego świata : Zbiór wspomnień z lat 1816—1824 / Wyd. H. Mościcki. — Warszawa : Inst. Wydawniczy «Bibl. Polska», 1924. — S. 207—302.

114. Massalski, E.T. Pan Podstolic, albo, Czém jesteśmy, czém być możemy : romans administracyjny : W 5 częściach. Część 1 / E.T. Massalski. — Wilno : W Drukarni A. Marcinkowskiego, 1831. — 143 s.

115. Morawski, S. Szlachta bracia: wspomnienia, gawędy, dialogi (1802—1850) / S. Morawski. — Poznań : Wydawnictwo Polskie R. Wegnera, 1929. — 259 s.

116. Rohdewald, S. “Vom Polocker Venedig”. Kollektives Handeln sozialer Gruppen einer Stadt zwischen Ost-und Mitteleuropa (Mittelalter, frühe Neuzeit, 19. Jh. Bis 1914) / S. Rohdewald. — Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2005. — 585 p.

117. Szemel A. Wspomnienia kresowiaka z lat wojny. Warszawa, 2004.-372s.

118. Topolska, M. Społeczeństwo i kultura w Wielkim Księstwie Litewskim od XV do XVIII wieku / M. Topolska. — Poznań; Zielona Góra: Bogucki wydawnictwo naukowe, 2002. — 448 s., il.

119. Tyszkiewicz, E. Opisanie powiatu borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim, z dodaniem wiadomości : o obyczajach, śpiewach, przysłowiaich i ubiorach ludu, gusłach, zabobonach itd. / E. Tyszkiewicz. — Wilno : Druk. A. Marcinowskiego, 1847. — 489, IV s.

120. Tyszkiewicz, K. Wilija i jej brzegi : pod względem hydrograficznym, historycznym, archeologicznym i etnograficznym / K. Tyszkiewicz. — Drezno : , drukiem i nakładem Józefa I. Kraszewskiego, 1871. — XVI, 362 s.

121. Wyżycki, G. Nauka hodowli zwierząt domowych czyli O systematycznej poprawności oraz chowaniu i pielęgnowaniu krajowych koni, bydła rogatego, owiec, kóz, śwń, psów i ptastwa domowego, podług dzieł Schmalza, Thaera, Burgera, Koppego, Andre, D'Altona, Veltheima i innych tudzież podług własnych doświadczeń dla użytku gospodarzy i właścicieli stadnin / G. Wyżycki. — Warszawa : Nakładem S. H. Merzbacha, 1838. — [4], [XXVIII], 417 s.